Подвиг Сталинграда бессмертен

И. И. Людников

Огненный остров

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Сталинград... Сталинградская битва... Эти священные слова известны не только в нашей стране, но и во всем мире.

В историю второй мировой войны Сталинград вошел как символ несгибаемой стойкости народов Советского Союза в суровой борьбе против гитлеровских захватчиков. У стен Сталинграда Советский Союз нанес сокрушительный удар по всей общественно-политической системе фашизма, сломил наступательный порыв и моральный дух гитлеровского вермахта. Здесь начался закат фашистской империи и всего преступного блока агрессоров.

Выступая 15 октября 1967 года на митинге, посвященном открытию памятника-ансамбля на Мамаевом кургане в Волгограде, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил:

«Победа под Сталинградом была не просто победой, она была историческим подвигом»*.

Двести дней и ночей длилась беспримерная битва у стен волжской твердыни. И каждый день, каждый час и минута рождали новых и новых героев среди защитников города — советских воинов.

Стойкость и мужество советского солдата-патриота вынуждены были признать даже враги. «Мы брали крупные города и теряли при этом меньше людей, чем на этом богом проклятом клочке земли, — писал домой один из гитлеровских офицеров, воевавший в районе завода «Баррикады». — Против нас, вероятно, сражаются смертники. Они не получают подкреплений, так как мы контролируем огнем переправу. Они просто решили сражаться до последнего солдата. А сколько там осталось «последних»? И когда этому аду наступит конец?»

Более 717 тысяч защитников Сталинграда были награждены орденами и медалями СССР, 115 участникам присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

О многих подвигах героев мы уже знаем из книг, газет и журналов. Многое узнаем из рассказов ветеранов войны во время встреч с ними.

А сколько еще безымянных героев Сталинградской битвы ждут о себе достойного слова, напечатанных строк!

Чтобы в какой-то мере восполнить со временем этот пробел, Нижне-Волжское книжное издательство решило выпустить большую серию книг под названием «Подвиг Сталингра-

---

* Газета «Правда», 1967, 16 октября.

ПОДВИГ СТАЛИНГРАДА БЕССМЕРТЕН

И. И. ЛЮДНИКОВ
Герой Советского Союза
генерал-полковник

ОГНЕННЫЙ ОСТРОВ

НИЖНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЛГОГРАД — 1971

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Сталинград... Сталинградская битва... Эти священные слова известны не только в нашей стране, но и во всем мире.

В историю второй мировой войны Сталинград вошел как символ несгибаемой стойкости народов Советского Союза в суровой борьбе против гитлеровских захватчиков. У стен Сталинграда Советский Союз нанес сокрушительный удар по всей общественно-политической системе фашизма, сломил наступательный порыв и моральный дух гитлеровского вермахта. Здесь начался закат фашистской империи и всего преступного блока агрессоров.

Выступая 15 октября 1967 года на митинге, посвященном открытию памятника-ансамбля на Мамаевом кургане в Волгограде, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил:

«Победа под Сталинградом была не просто победой, она была историческим подвигом»*.

Двести дней и ночей длилась беспримерная битва у стен волжской твердыни. И каждый день, каждый час и минута рождали новых и новых героев среди защитников города — советских воинов.

* Газета «Правда», 1967, 16 октября.

Стойкость и мужество советского солдата-патриота вынуждены были признать даже враги. «Мы брали крупные города и теряли при этом меньше людей, чем на этом богом проклятом клочке земли, — писал домой один из гитлеровских офицеров, воевавший в районе завода «Баррикады». — Против нас, вероятно, сражаются смертники. Они не получают подкреплений, так как мы контролируем огнем переправу. Они просто решили сражаться до последнего солдата. А сколько там осталось «последних»? И когда этому аду наступит конец?»

Более 717 тысяч защитников Сталинграда были награждены орденами и медалями СССР, 115 участникам присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

О многих подвигах героев мы уже знаем из книг, газет и журналов. Многое узнаем из рассказов ветеранов войны во время встреч с ними.

А сколько еще безымянных героев Сталинградской битвы ждут о себе достойного слова, напечатанных строк!

Чтобы в какой-то мере восполнить со временем этот пробел, Нижне-Волжское книжное издательство решило выпустить большую серию книг под названием «Подвиг Сталингра-

да бессмертен». В этой серии будут выходить воспоминания ветеранов войны, сборники очерков, документальные повести, посвященные героической Сталинградской битве.

Книгу «Огненный остров» написал Герой Советского Союза генерал-полковник Иван Ильич Людников, чьим именем назван один из участков берега Волги в Волгограде. Здесь в дни Сталинградской битвы воины 138-й Краснознаменной стрелковой дивизии со своим отважным комдивом Людниковым стояли насмерть, но так и не пропустили врага к Волге, до конца отстаивали занятый рубеж обороны.

НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ

По мере того, как все полнее в историческом исследовании выявляются результаты и последствия Сталинградской битвы, ее огромное влияние на ход последующих событий второй мировой войны становится особенно ощутимым.

Предпринимая летом 1942 года наступление на Кавказ и Сталинград, германское командование преследовало решительные и далеко идущие политические и стратегические цели. Оно вознамеривалось добиться полного поражения Красной Армии и поставить на колени Советский Союз.

Гитлеровское командование, вопреки жестоким урокам кампании 1941 и начала 1942 годов, продолжало еще верить во всемогущество своей военной стратегической доктрины и видело неудачу минувшей кампании на восточном фронте в отдельных частных ошибках, а не в порочности всей стратегической системы фашистской военной машины.

По утверждению Типпельскирха, Гитлер 15 марта 1942 года обещал, что русская армия будет уничтожена в течение лета. Генерал К. Цейцлер (ставший впоследствии начальником немецкого генерального штаба), излагая намерения Гитлера, отмечал: «Планируя летнее наступление 1942 года, Гитлер намеревался прежде всего захватить Сталинград и Кавказ»*. Фельдмаршал Паулюс в своих воспоминаниях писал: «В общих рамках войны летнее наступление 1942 года означало попытку в новом наступлении осуществить планы, потерпевшие

* Роковые решения. Воениздат МО СССР, стр. 153.

провал поздней осенью 1941 года, а именно: довести войну на Востоке до победного конца»*.

Директивой № 41 была определена цель кампании 1942 года в летнем наступлении армий «Юг». В ней говорилось, что общие первоначальные планы кампании на востоке остаются в силе. Главная задача состоит в том, чтобы, сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ. Пункт директивы, относящийся к Сталинграду, гласил: «Г. Для достижения цели операции необходимо обеспечить быстрое продвижение войск за рекой Дон на юг, поскольку к этому вынуждает небольшая продолжительность благоприятного времени года. Наступление на Сталинград: силами 6-й полевой и 4-й танковой армий из района восточнее Таганрога, Артемовска, через нижнее течение Дона и затем на северо-восток вверх по течению Дона.

Две группировки противника по плану операции должны были соединиться в районе Сталинграда, чтобы лишить его значения важнейшего узла коммуникаций.

Но в ходе летней кампании Гитлер отказался от метода последовательного захвата Сталинграда, а затем кавказской нефти и Кавказа. Он решил проводить сразу две операции: захват Сталинграда и наступление на Кавказ. И в директиве № 45 от 23 июля 1942 года ставил задачи: «На долю группы армий «Б», как приказывалось ранее, выпадает задача наряду с оборудованием оборонительных позиций на р. Дон нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой и нарушить перевозки по реке.

* Военно-исторический журнал. 1960, № 3, стр. 92.

Вслед за этим танковые и моторизованные войска должны нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и там также парализовать движение по главному руслу Волги»*.

Читатель видит, что противником были составлены планы для решительных действий на Сталинградском и Кавказском направлениях. Враг продвигался к большой излучине Дона.

28 мая 1942 года в здании Краснодарского крайисполкома вручали награды отличившимся в боях за Ростов. Обстановка, которая к этому времени сложилась на южных фронтах, не располагала к особой торжественности. Врученный мне орден Красного Знамени я оценил как знак доверия народа: самые трудные испытания были впереди. В тот же день Маршал Советского Союза С. М. Буденный — командующий войсками Северо-Кавказского фронта — приказал мне принять 138-ю стрелковую дивизию. Ее остатки, эвакуированные из Крыма, должны были прибыть на Кубань.

Уезжая на место формирования, я попросил в отделе кадров фронта назначить на должность начальника штаба дивизии подполковника В. И. Шубу, с которым познакомился на Крымском фронте. Просьбу удовлетворили.

Вместе с Шубой ко мне приехали два офицера — подполковника, с которыми мне уже приходилось воевать: начальником артиллерии — С. Я. Тычинский и Л. С. Алесенков — на должность командира полка. С Сергеем Яковлевичем Тычинским я расстался во Владикавказе десять лет назад. Ветеран двухсотой дивизии майор Алесенков был ранен, когда его полк вырывался из окружения. Второй раз, притом тяжело, он был ранен на Дону. Потом при-

* Директива ОКВ № 45, 23 июля, «Совершенно секретно! только для командования!». Воениздат МО СССР, 1967, стр. 388.

Начальник штаба дивизии
В. И. Шуба.

были два майора — Ф. И. Печенюк и Г. М. Гуняга. Вскоре пришло новое пополнение, однако многотысячный состав дивизии пока еще нельзя было назвать войском. Мы располагали тремя сотнями винтовок и тридцатью автоматами.

12 июля 1942 года командующий 51-й армией генерал-майор Н. И. Труфанов вызвал меня на рекогносцировку. На двух самолетах ПО-2 с начальником оперативного отделения штаба дивизии майором К. Р. Рутковским мы прилетели на станцию Ремонтная, оттуда поехали в район станицы Верхне-Курмоярской, на будущий правый фланг дивизии, на стык двух армий: 64-й генерала В. И. Чуйкова и 51-й генерала Н. И. Труфанова.

Задача рекогносцировки была очень сложной в связи с тем, что дивизии предстояло занять оборону на фронте в десятки километров. Справа была Верхне-Курмоярская, слева — Цимлянская. Первый день работы прошел напряженно, но спокойно, без помех. На второй день все явственнее стало чувствоваться приближение фронта. Часов около 13 в районе Красный Яр, что на левом берегу Дона против Цимлянской, по мосту, построен-

ному саперами, начали отходить подразделения и отдельные группы солдат, обозы. От офицера связи, прилетевшего на самолете ПО-2, командующий армией узнал о более сложной обстановке — гитлеровские передовые части были уже совсем близко, и я тут же получил распоряжение выводить дивизию на участок обороны, а следом и приказ о занятии обороны.

Вооружение вновь формируемым дивизиям подавалось ГАУ (Главное артиллерийское управление) эшелонами. Такой эшелон был предназначен и для нашей Краснознаменной стрелковой дивизии, которая формировалась на Кубани.

Распоряжением командующего войсками Северо-Кавказского фронта Маршалом Советского Союза С. М. Буденным этот эшелон был передан в одну из дивизий 44-й армии, где вооружение было в то время особенно нужно. Поэтому наша дивизия выступила в поход на фронт с очень малым количеством стрелкового оружия и совершенно без артиллерии. Штаб 51-й армии, вручая приказ на выход дивизии в район боевых действий, предупредил ее штаб, что оружие будет подано из транспортов, следующих для Северо-Кавказского фронта. Но транспорты с оружием авиация противника бомбила и сожгла на станции Зимовники. Военному совету армии после многих усилий удалось обеспечить дивизию стрелковым оружием и частично дивизионной и противотанковой артиллерией и армейскими артиллерийскими средствами. Минометов и полковой артиллерии еще не было.

Говорят, нет худа без добра. Старший лейтенант Владимир Коноваленко, помощник начальника оперативного отделения штаба дивизии, вечером уехал проверить, как организуют оборону подразделения дивизии на левом фланге и уточнить обстановку на переправе у Красного Яра. Но скоро прискакал обратно на взмыленной

лошади и доложил, что через Дон переправляются разрозненные группы и подразделения отступающих частей и при них имеется разное оружие.

— Значит, его необходимо взять,— говорю я.— В тыл можно идти и безоружными.

Благодаря принятым мерам мы смогли пополнить дивизию 3759 винтовками и карабинами, 30 ручными и 27 станковыми пулеметами, 27 противотанковыми ружьями. Реквизировали 76 минометов, четыре 76-мм орудия, четыре 122-мм гаубицы.

Так, в ходе боев, начавшихся на Дону, 138-я Краснознаменная стрелковая дивизия продолжала формироваться и мужала для жестоких боев.

В период формирования личный состав, прибывающий на пополнение, знакомили с боевым путем дивизии и заслугами ее воинов в боях за Родину. При этом назывались фамилии рядового, сержантского состава и офицеров, которые были удостоены высоких правительственных наград. За образцовое выполнение задач командования в боях с белофиннами дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

Перед командирами, политработниками, партийными и комсомольскими организациями, перед всем личным составом дивизионное командование поставило задачу сделать дивизию гвардейской, показать высокие боевые качества, драться так, как дерутся гвардейцы. И воины восприняли эту почетную задачу как свой долг.

15 июля дивизия заняла оборону на левом берегу Дона от станицы Верхне-Курмоярской до хутора Красный Яр. Из-за такой растянутости все батальоны пришлось располагать в одну линию без полковых и дивизионных резервов.

Крайне трудно было наладить нормальное управление подразделениями, так как мы не располагали необходимыми средствами связи, особенно подвижными.

Командир 768-го полка
Г. М. Гуняга.

Положение усугубляли степные пожары, которые выводили из строя телефонные провода. Поэтому я обратился к командарму с просьбой выделить нам для связи хотя бы два самолета ПО-2. И нам их дали.

Мы с начальником штаба использовали эти самолеты в качестве своеобразного автомобиля. По балкам, по-над Доном, прижимаясь пониже к земле или воде, прилетали прямо в район обороны батальона или на командный пункт командира полка: местность всюду позволяла садиться. А там уже пешком или на лошадях следовали по боевым порядкам подразделений, чтобы оказать помощь командирам в организации системы огня и взаимодействия с соседями.

Как-то закончив работу в полку майора Гуняги, мы поднялись в воздух и полетели вдоль Дона, в направлении станицы Цимлянской. На подлете к ней, примерно в пяти километрах, увидели частые разрывы бомб — около двадцати самолетов Ю-87 двумя группами бомбили Цимлянскую. Летчик рукой обратил на это мое внимание, и я в ответ показал рукой лететь на командный пункт дивизии. Но едва развернулись, как буквально

над собой увидели «мессершмитта», который летел перпендикулярно нашему курсу. Не мешкая ни секунды, наш пилот бросил машину в пике, на глубокую балку, по дну которой и скрылись от преследователя. И как только прилетели к командному пункту дивизии, самолет сразу же укрыли под стог сена.

Оборона дивизии проходила по землям животноводческого совхоза «Дубовский», командный пункт располагался на центральной усадьбе совхоза. В хозяйстве имелось десять тысяч голов крупного рогатого скота, разбросанного на восьми хуторах. Его надо было эвакуировать, но руководство совхоза указаний на этот счет не получило и само никаких решений не принимало. Поэтому командование дивизии занялось и эвакуацией скота. Первым этапом предусматривалось угнать скот с ферм, расположенных ближе к Дону. Гурты передвигались только ночью, а на день животных прятали по балкам и оврагам. До 25 июля требовалось эвакуировать скот за линию железной дороги на участке станций Ремонтное--Котельниково. Дальнейшее направление — Каменный Яр на Волге.

При штабе дивизии оставался один сотрудник совхоза для связи на случай резкого изменения обстановки, чтобы поставить в известность отгонщиков.

Все пошло хорошо. Скоро мы получили известие, что гурты благополучно переправлены на левый берег Волги.

18 июля 29-я моторизованная дивизия 4-й танковой армии противника к исходу дня вышла в район станицы Цимлянской. Враг сосредоточил здесь переправочные средства и при сильной авиационной поддержке, ценой больших потерь захватил плацдарм на южном берегу Дона.

За плацдарм развернулась ожесточенная битва. Особенно сильные бои, не прекращавшиеся ни днем ни

ночью, шли за хутор Красный Яр и лес северо-западнее хутора. Для поддержки 344-го стрелкового полка Алесенкова начальник артиллерии дивизии подполковник Тычинский отдал распоряжение 18-му гвардейскому минометному полку катюш подавить противника на высоте 20,8. И когда полк заканчивал уже занимать огневые позиции, чтобы произвести огневой залп, с запада на горизонте показалась девятка самолетов-бомбардировщиков, которые летели, по всей вероятности, не к заданной цели, а просто в район боевых порядков дивизии. Подполковник Тычинский доложил мне о нарастающей опасности, спросил, что делать. В ответ я сказал лишь: — «Залп».

Командир 344-го полка Л. С. Алесенков.

Самолеты, обнаружив расположение минометного полка, не с ходу атаковали его, а начали перестраиваться, пошли на круг, чтобы зайти на цель более организованно. Но в этот момент командир полка скомандовал:

— Залп!

Погода была сухая, и залп катюш поднял большое облако пыли, которое окутало все установки. Несмотря на опасность, бойцы-минометчики действовали спокой-

но, уверенно. Самолеты же противника, подойдя к цели, не ринулись в пике на бомбежку, так как из-за пыли и дыма катюш не было видно, а пошли еще на один круг. Но в это время их атаковали три наших истребителя. Один самолет Ю-87 был сбит, а другие, сбросив беспорядочно бомбы на пустое место, спешно ретировались с поля боя. Тычинский подошел ко мне и с облегчением после сильного напряжения доложил, что все получилось отлично.

Храбрость, выдержка личного состава полка и смелый натиск наших летчиков позволили выполнить поставленную задачу: на высоте 20,8 противник понес большие потери. Это позволило 344-му стрелковому полку успешно провести контратаку. Минометный полк в это время был выведен на запасные позиции для подготовки следующего удара.

С 18 по 23 июля полк Леонида Алесенкова при поддержке дивизионной и армейской артиллерии вел ожесточенные бои. Командир полка постоянно знал обстановку в батальонах, своевременно принимал нужные решения, настойчиво, без суеты добивался их выполнения. Противник нес значительный урон в живой силе и технике. Огнем всех видов и контратаками было уничтожено свыше тысячи вражеских солдат и офицеров, подбито и сожжено десять танков, уничтожено 8 орудий, 12 пулеметов, много стрелкового оружия и другого военного снаряжения.

Командование 64-й армии, будучи обеспокоено своим левым флангом у станицы Верхне-Курмоярской, хотя события и развивались в 75 километрах от нее, выслало нам на помощь разведывательный отряд в составе моторизованного батальона, усиленного танковым батальоном, имеющим 20 машин Т-34. Этот отряд очень быстро прибыл на левый фланг нашей дивизии в район станицы Подгоренская.

Начальник артиллерии дивизии С. Я. Тычинский.

С 21 по 23 июля 344-й стрелковый полк во взаимодействии с разведывательным отрядом 64-й армии вел ожесточенные бои с гитлеровцами, которые пытались расширить плацдарм, но успеха не имели. Однако им удалось переправить на плацдарм свои части, танки и другую технику.

Учитывая сложную обстановку на левом фланге дивизии, я принял решение: 650-й полк майора Печенюка и 768-й полк майора Гуняги передислоцировать к левому флангу, чтобы уплотнить здесь боевые порядки. Сосредоточили на этом опасном участке дивизионную и приданную дивизии армейскую артиллерию.

В связи с большой протяженностью обороны дивизии командующий 51-й армией генерал-майор Н. И. Труфанов подчинил нам 255-й кавалерийский полк, сформированный из северокавказцев. Мною была поставлена задача перед кавалеристами — занять оборону на очень широком фронте (в 35 километров) по южному берегу реки Дон — станицы Верхне-Курмоярская, Нагаевская, хутор Кривской. Личный состав кавалерийского полка проявил хорошую организованность и храбрость. Все попытки 6-го румынского армейского

корпуса переправить разведку на южный берег Дона отражались с большими для него потерями. Полк позволил нам вдвое сократить фронт и уплотнить боевые порядки дивизии на главном направлении удара противника.

По данным всех видов разведки и опроса пленных, к исходу 25 июля перед фронтом дивизии и соседа слева переправились: 29-я моторизованная дивизия немцев, 2-я и 1-я пехотные дивизии румын и около двух полков румынской конницы. Авиация противника продолжала проявлять активность, она проникала на большую глубину наших тылов, вплоть до Волги. Открытая местность, отсутствие маскировочных средств в значительной степени затрудняли передвижение наших войск и нормальную работу тыла дивизии. Вражеские самолеты типа «мессершмитт» проводили рейдовые полеты, охотились даже за отдельными автомобилями и повозками.

После переправы на левый берег Дона передовых частей противника начались ожесточенные бои юго-западнее Сталинграда. В районе Цимлянской враг сосредоточил крупную группировку. В высших штабах, видимо, уже знали о численности 4-й танковой армии противника и направлении главного удара. Но мы не знали ее состава и только в ходе боев от Цимлянской до рубежа Верхне-Курмоярская—Котельниково с помощью разведки и информации был определен состав этой армии*.

25 июля приказом № 006 командующего армией Н. И. Труфанова нашей дивизии была поставлена задача: во взаимодействии со 157-й стрелковой дивизией уничтожить противника в районе Красного Яра, выйти на южный берег Дона и организовать здесь прочную оборону.

---

* 94-я, 371-я пехотные, 29-я, 16-я моторизованные и 14-я танковая дивизии немцев и 1, 2, 4, 18 и 20-я пехотные дивизии румын.

В ночь на 26 июля 650-й и 768-й стрелковые полки заняли исходные рубежи, а в 4 часа перешли в атаку в направлении на Красный Яр. Весь день дивизия вела ожесточенный бой. Красный Яр несколько раз переходил из рук в руки.

Пленные подтвердили, что противник потерял в этот день более 500 человек убитыми и до одной тысячи ранеными.

С 27 по 29 июля части дивизии предприняли еще несколько контратак, в том числе ночных, нанесли врагу значительный ущерб в живой силе и технике, однако и сами потеряли около трехсот человек убитыми и ранеными.

Под сильными ударами противника наши полки не дрогнули и до конца июля прочно удерживали свои рубежи. Уже это говорило о том, что дивизия обладает хорошими, можно сказать, отличными боевыми качествами.

Закончив сосредоточение на плацдарме главных сил ударной группировки, противник утром 31 июля при сильной поддержке артиллерии и авиации перешел в наступление. Не успело солнце подняться над горизонтом, как над полем боя появилось в первой волне не менее восьмидесяти бомбардировщиков Ю-88, а за ними группы из 8—12 самолетов-пикировщиков Ю-87. Нарастающий гул самолетных моторов, зловещий вой перешедших в пике Ю-87, грохот рвущихся авиабомб, артиллерийских снарядов и мин нарушили утреннюю тишину в долине Дона.

Немцы и румыны начали атаку. Пять раз румыны, подгоняемые сзади немцами, пытались атаковать позиции полков Печенюка и Гуняги, но, встреченные хорошо организованным артиллерийским и пулеметным огнем, оставляя на поле боя сотни трупов солдат и офицеров, откатывались на исходные позиции. Убедившись, что

атаки румын не привели к положительным результатам, гитлеровцы послали в бой свои части совместно с румынскими, но, видимо, только в стыки полков дивизии, чтобы охватить их фланги, а потом применить свою излюбленную тактику, рассчитанную на слабонервных,— использовать автоматчиков для охвата флангов и просочиться в ближайший тыл наших боевых порядков. Но и здесь они наткнулись на дружный огонь артиллерии и других видов оружия, мужество и стойкость наших воинов и отошли на исходные позиции. Ожесточенный бой длился в течение четырнадцати часов, но части дивизии отстояли свои позиции.

Обходя левый фланг полка Гуняги, противник предпринял наступление силами до двух батальонов, поддержанных танками и сильным огнем артиллерии, трижды атаковал батальон старшего лейтенанта Г. Ф. Сигоненко. Но сильным огнем и контратаками батальона атаки врага отбивались с большими для него потерями. При контратаках были захвачены пленные и трофеи. Командир батальона сам был примером храбрости для всего личного состава. В ходе боя командир полка доложил о мужестве в бою пулеметчиков расчета Белова. Командиру левофлангового батальона Гуняга приказал поставить станковый пулемет с фланговым обстрелом, чтобы он своим огнем охватывал весь левый фланг. Эта задача была поставлена перед пулеметчиками Белова. Они искусно выбрали огневую позицию, замаскировались. Немцы дважды пытались охватить левый фланг батальона, но отважные пулеметчики фланговым огнем успешно отражали их. За две атаки немцы потеряли убитыми множество солдат и офицеров. И. С. Белов, будучи раненым, продолжал бой до конца. За совершенный подвиг он был награжден орденом Красного Знамени.

Старший на батарее младший лейтенант Кушнырь

картечью отразил две сильные атаки автоматчиков противника. Несмотря на бомбежку немецкими пикировщиками огневых позиций батареи, расчеты орудий сражались мужественно, самоотверженно. В этих атаках враг потерял только убитыми более ста человек.

На другой батарее командир орудия сержант Вардаванян со своим расчетом отремонтировал поврежденное в бою орудие, уничтожил из него несколько огневых точек и участвовал в отражении двух танковых атак. На наши огневые позиции авиация противника сбросила большое количество кассетных авиабомб. В район огневой позиции орудия Вардаваняна упало около 60 авиабомб «крабов», загорелись ящики со снарядами. Они вот-вот могли взорваться, но артиллеристы не растерялись, быстро разбросали ящики и потушили пожар. В этом бою был ранен наводчик орудия. Вардаванян сам занял его место у орудия, метким огнем задержал продвижение гитлеровцев. Только убитыми они оставили на поле боя более пятидесяти солдат и офицеров.

Захваченный в этом бою в плен командир пехотного взвода, член румынской фашистской военной организации «железная гвардия» на вопрос, что он знает о своем батальоне, ответил:

— Я ничего не знаю, я только слушал вокруг себя беспрерывные стоны и крики раненых.

31 июля за активную оборону, проявленное мужество и отвагу и нанесенный противнику большой ущерб в живой силе и технике личный состав дважды получил благодарность Военного совета 51-й армии.

К исходу дня 31 июля обстановка на левом фланге дивизии начала значительно осложняться. 29-я моторизованная дивизия врага с танками вышла в район хутора Мокросоленого, примерно в двадцати километрах в тылу за левым флангом нашей дивизии, а к рассвету 1 августа до 80 танков 14-й танковой дивизии и мотопе-

хота 29-й моторизованной дивизии овладели железнодорожной станцией Ремонтная. Охватив левый фланг нашей дивизии, противник вышел в тыл на глубину более 50 километров, а в связи с тем, что в этом районе не было никаких армейских резервных войск, продолжал развивать наступление вдоль железной дороги на Котельниково. На прежнем рубеже дивизия продолжала вести ожесточенный бой с 1-й и 2-й пехотными дивизиями румын. Атаки противника успеха не имели и обошлись ему дорого. За день боя наблюдением было зафиксировано более трехсот убитых и около одной тысячи раненых солдат и офицеров противника. Но к семнадцати часам обстановка резко изменилась. Противник с левого фланга начал распространяться на ближайшие тылы наших частей. В связи с тем, что враг с выходом в район станции Ремонтная отрезал дивизию от армейских тылов, создалось довольно критическое положение. В начале боев дивизия имела мало боеприпасов, а частые бомбежки авиации по расположению тыловых частей и дорогам затрудняли их подвоз. Все это и привело к тому, что к исходу 1 августа боеприпасы всех видов оружия и калибров были у нас на исходе, а для 18-го полка катюш и дивизиона пушек-гаубиц снарядов не осталось совсем.

Создавшаяся сложная обстановка усугублялась и тем, что противник отрезал дивизию от главных сил армии и ее коммуникаций. Штаб армии, отходя в направлении Элисты, потерял с дивизией связь. Во время последнего разговора с исполняющим обязанности командарма генералом Коломийцем я получил распоряжение действовать самостоятельно в зависимости от обстановки, подчинить себе части 157-й дивизии и армейской артиллерии, которые поддерживали дивизию.

Я сделал соответствующую оценку сложившейся

Комиссар дивизии Н. И. Титов.

тяжелой обстановке присутствующим на командном пункте начальнику штаба В. И. Шубе, комиссару дивизии Н. И. Титову, начальнику артиллерии С. Я. Тычинскому и генерал-майору Дмитриеву — заместителю начальника артиллерии 51-й армии, который оказался при дивизии. После уточнения деталей обстановки и предложений по выполнению поставленной задачи мною было принято решение отходить на левый фланг 64-й армии на рубеж Верхне-Курмоярская — Котельниково, установить связь со штабом 64-й армии, посылать командарму оперативные и разведывательные сводки, во время личного посещения командиров полков и частей усиления детально объяснить план дальнейших действий.

В 18 часов 1 августа мы двумя полками контратаковали противника, обходящего левый фланг нашей дивизии. Контратака была удачной. Полки Печенюка и Гунягп хотя и слабо были поддержаны артиллерийским огнем, предприняли смелый бросок вперед, в ряде мест переходили в рукопашную схватку и отбросили части 2-й пехотной дивизии румын. Противник не выдержал флангового удара и начал поспешно отходить. Эта обстановка позволила нашим полкам начать отход на

промежуточный рубеж, отстоящий примерно на половине расстояния между левым флангом дивизии и Верхне-Курмоярской. 344-й стрелковый полк занял оборону на этом рубеже и обеспечил тем самым главным силам дивизии к утру 2 августа отход в район станицы Кривской и южнее. Части 157-й стрелковой дивизии были сосредоточены в балке Незнамая за боевыми порядками нашей дивизии.

К исходу 1 августа капитан Н. М. Маслов, начальник штаба 344-го стрелкового полка, доложил о том, что в ожесточенном бою тяжело ранен командир полка подполковник Алесенков. Он был ранен уже вторично, было очень жаль этого славного и храброго офицера, опытного командира. Мы с ним встретили войну с фашистской Германией у самой границы, в составе 200-й стрелковой дивизии. Она вступила в первый бой контратакой 648-го стрелкового полка юго-восточнее Рожища. И командовал полком майор Леонид Алесенков...

Обстановка продолжала осложняться, противник к 15 часам 2 августа танками занял Котельниково. При дальнейшем наступлении в северном направлении на Верхне-Курмоярскую он мог бы сомкнуть кольцо окружения двух стрелковых дивизий: 138-й и 157-й. Имея артиллерийские снаряды и необходимое количество других боеприпасов, мы могли бы нанести удар по противнику, но пришлось ограничиться лишь заслоном в направлении Котельниково. Учебному батальону дивизии и артиллерийскому противотанковому дивизиону была поставлена задача: обороной высот 121,5 и 131,7 отразить возможные атаки врага со стороны Котельниково.

Положение все ухудшалось. Принявший командование 51-й армией генерал Т. К. Коломиец поставил передо мной задачу — действовать самостоятельно. На этом наша связь с командующим прервалась. Прервалось и снабжение дивизии всеми видами боеприпасов,

не говоря уж о продовольствии. Нас кормила земля донская.

Вследствие отсутствия боеприпасов и угрозы окружения со стороны Котельниково, я вынужден был принять решение: ночью со 2 на 3 августа отвести дивизию на рубеж Верхне-Курмоярская — восточный берег реки Аксай Курмоярский. 2 августа в боевом донесении Военному совету 64-й армии я доложил о решении на отвод дивизии на рубеж реки Аксай Курмоярский.

Начальник штаба 344-го полка Н. М. Маслов.

3 августа к десяти часам части дивизии вышли на восточный берег реки Аксай Курмоярский. Офицер штаба дивизии старший лейтенант Владимир Коноваленко нашел меня в боевых порядках частей и доложил, что генерал-лейтенант В. И. Чуйков просит меня явиться к нему в район Нижне-Яблочного. В сопровождении Коноваленко я немедленно поехал к генералу Чуйкову.

По дороге я сделал вывод, что наши донесения все же дошли до военного совета 64-й армии, поэтому нас и встречает Чуйков. За анализом прошедших событий я не заметил, как мы стали приближаться к хутору. Коноваленко показал рукой вперед и сказал:

— Товарищ полковник, вон там, у кургана, несколько автомашин, там Чуйков.

До войны мне не приходилось встречаться с Василием Ивановичем Чуйковым. Здесь, на поле боя, встретился впервые. Я представился и коротко доложил обстановку. Генерал-лейтенант Чуйков задал несколько вопросов, уточняющих обстановку и состояние дивизии, я подробно ответил.

— Обстановка ясна,— вздохнул Василий Иванович.— И она очень быстро меняется, особенно в сторону Котельниково. Поэтому вашей дивизии следует занять оборону на участке Верхне-Курмоярская — хутор Захаров. Это примерно половина расстояния до Котельниково. Вторую половину займет 157-я дивизия Куропатенко.

Затем В. И. Чуйков рассказал о том, что прибывшая в Котельниково четырьмя железнодорожными эшелонами 208-я стрелковая дивизия при разгрузке на станции 2 августа была внезапно атакована авиацией и танками врага и понесла большие потери. Противник наносит главный удар в направлении Абганерово.

В районах Цимлянской, Красного Яра дивизия с 18 июля по 2 августа в ожесточенных сражениях нанесла врагу значительные удары. Немцы и румыны в этих боях потеряли не менее двух с половиной тысяч убитыми и более четырех тысяч ранеными. Огнем всех видов оружия было уничтожено 16 орудий, около 40 минометов, 45 пулеметов, подбито и сожжено 35 танков, 80 автомашин с пехотой и грузами. За период ожесточенных боев было взято в плен 117 солдат и офицеров, что является одним из показателей активной обороны дивизии.

3 августа в 15 часов начальник разведки дивизии майор Батулин доложил данные разведки. Передовые части врага подходили в район Нагаевской, Майорского и Похлебина. Это расстояние до противника было вне досягаемости огневых средств дивизии, а наша авиация

на этом участке активности не проявляла. В районе Котельниково было сосредоточено до ста танков и мотопехота. Обстановка не предвещала активного боя на 3 августа, поэтому командиры частей и подразделений, штабы полков и штаб дивизии проанализировали проведенные бои и сделали необходимые выводы, политработники, партийные и комсомольские организации подвели итоги проделанной большой воспитательной работы. В штабе дивизии со всеми начальниками родов войск и начальниками служб также подвели итоги и еще сильней было обращено внимание на боевую стойкость и организованность во всех звеньях при любых видах боев в сложной обстановке.

К исходу дня было получено распоряжение генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова, уточняющее оборонительные задачи дивизии на занимаемом рубеже. 255-й кавалерийский полк северокавказцев был взят из подчинения дивизии.

С восходом солнца 4 августа части 20-й пехотной дивизии румын повели наступление против нашей дивизии. Особую активность противник проявлял вдоль южного берега Дона, в направлении Верхне-Курмоярской. Отразив многократные атаки, части дивизии остались на занимаемых позициях. Однако там, где определился главный удар вражеской 4-й танковой армии — вдоль железной дороги Котельниково—Абганерово, противник танками, при активной поддержке авиации, вел бои за железнодорожную станцию Чилеково.

В связи с обострившейся обстановкой за левым флангом группы генерал-лейтенант В. И. Чуйков, командующий группой, боевым распоряжением указывал: 4 августа в 14 часов дивизии начать отход на северный берег реки Аксай Есауловский. Создавшееся положение вынуждало отводить дивизию на новый рубеж по открытой степной равнине днем, при довольно активных

действиях авиации противника и при полном отсутствии в воздухе наших самолетов. Оставаться на занимаемом рубеже до наступления темноты нельзя было, так как за короткую ночь требовалось не только преодолеть большое расстояние до рубежа Аксая Есауловского, но и организовать там оборону, окопаться как следует. Поэтому мною было принято решение: оставить прикрытие и отходить в предбоевых порядках повзводно по всей полосе дивизии и не по дорогам, а по степи. Высокая целинная трава была маскировкой и препятствием. Противник, сбрасывая мелкие зажигательные бомбы и стреляя зажигательными снарядами и пулями, поджигал сухую траву. Начались пожары на обширных площадях — явление довольно-таки неприятное, приносящее большие затруднения и даже потери при маневре на поле боя. Артиллерия и обоз боепитания, которые двигались по дорогам, часто подвергались атакам вражеских самолетов.

Трудно воевать на широких донских просторах, когда у тебя нет танков, а противник свободно маневрирует ими на ровной открытой местности, и самолеты его безнаказанно летают над боевыми порядками и через линию фронта, проникая в наши тылы. А над передним краем назойливо кружит воздушный разведчик противника, обозревая степь без единой складки. Все на виду у этой «рамы», или «дробины», как называли самолет-разведчик солдаты-украинцы.

Но вот опускается над донскими степями ночь, пусть летом короткая, но такая желанная для уставших от дневного боя солдат. А нам нельзя отдыхать. Ночь лишает врага того преимущества, которое днем имеют его танкисты и летчики. Ночью можно драться с противником на равных. Удары по основной переправе немцев мы наносили ночью. У хутора Красный Яр переправа несколько раз переходила из рук в руки, и именно там

наши бойцы успешно громили 29-ю моторизованную дивизию немцев и 2-ю пехотную дивизию румын.

Не только на Дону, но и на Аксае полки дивизии шли в ночные атаки. Если днем противнику удавалось теснить наши полки, ночной контратакой мы возвращали утерянные позиции. Мы подготовили некоторые батальоны в полках для ночных действий, обучив бойцов атаковать внезапно, стремительно, без звуковых и световых сигналов. И прокладывать дорогу вперед автоматами и гранатами, а кое-когда и штыком в рукопашной схватке.

К 8 часам 5 августа дивизия отошла на северный берег реки Аксай Есауловский, два стрелковых полка (344-й и 650-й) заняли оборону на участке Городской — Новоаксайский, полк майора Гуняги — во втором эшелоне, 295-й артиллерийский полк — на огневых позициях в районе отметок: 72,6 и 81,8. Вследствие плохой подачи боеприпасов, артиллерийский полк, готовясь к бою, имел только по пяти снарядов на орудие.

Когда части дивизии уже вышли в свои районы и приступили к организации обороны вдоль фронта, днем, на открытой местности по северному берегу реки Аксай Есауловский шли колонны 29-й стрелковой дивизии, которую командующий 64-й армией перебросил в район 74-го железнодорожного разъезда. Перегруппировка дивизии не прикрывалась ни истребительной авиацией, ни зенитной артиллерией. Это дало авиации противника возможность свободно штурмовать и бомбить на марше части 29-й стрелковой дивизии. Мне и Тычинскому при объезде наших полков пришлось трижды быть под этой бомбежкой, но удачно, если не считать повреждения нашего автомобиля. А 29-я на марше понесла значительные потери. Маневрирование днем в открытых степях юга Сталинградской области приносило нам большие неприятности.

В течение 5 августа противник развивал наступление в северо-восточном направлении, в ночь на 6—частями 20-й и 1-й пехотных дивизий вышел к южному берегу реки Аксай Есауловский и всю ночь сосредоточивался. Начальник разведки дивизии майор Батулин несколько раз докладывал мне об этом.

Отсутствие воды в степях вынуждало вражеских солдат идти к реке, а наши разведчики и ловили их на водопое.

На рубеже реки Аксай Есауловский мы дрались несколько дней. Хорошо организованная разведка в дивизии с приманкой воды позволяла нам каждую ночь иметь пленных. Как-то утром мимо моего блиндажа разведчики проводили пленного офицера румына. На мой вопрос к разведчикам, где они взяли его, последовал четкий ответ, что это командир взвода румын, солдат которого они ночью переловили на реке. Он нам сказал, что командир роты послал его разыскивать взвод, ушедший по одному за водой. Весь взвод офицер нашел, он был у нас.

С рассветом 6 августа 20-я пехотная дивизия румын при поддержке танков и авиации повела наступление на стыке 138-й и 157-й стрелковых дивизий. Ценой больших потерь противнику удалось углубиться в наши боевые порядки до полутора-двух километров и начать охватывать левый фланг 138-й дивизии.

Для восстановления положения на левом фланге мною было принято решение: вторым эшелоном дивизии — полком майора Гуняги — контратаковать противника, не дать ему развивать наступление. Контратаковать пришлось днем, на открытой местности, при слабом артиллерийском огне, совершенно без поддержки авиации. Задача трудная, но полк Гуняги выполнил ее успешно. А в ночной контратаке полк майора Печенюка и 1-й батальон 344-го полка нанесли противнику значительные удары и к 4 часам 7 августа вновь заняли ранее оставленные позиции.

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков пишет в своих воспоминаниях: «Я убедился, что войска, собранные мною при отступлении, не потеряли боевого духа, дрались хорошо: в атаки ходили дружно, врага встречали без паники и стойко, а это было самым главным»*.

В это время шли ожесточенные бои в районе Абганерово и Тингута, где сражалась 64-я армия генерала М. С. Шумилова. Там противник получил крепкий отпор и не добился успеха.

В ночь на 10 августа разведчики частей дивизии взяли в плен 22 солдата и унтер-офицера, при этом было установлено, что 20-я пехотная дивизия ушла восточнее, перед фронтом нашей дивизии осталась одна 1-я пехотная дивизия.

В связи с тем, что в предыдущих боях ночные внезапные контратаки приносили нам хорошие результаты, я дал указание командирам полков иметь по одному полнокровному батальону, подготовленному для активных действий в ночных условиях.

НА ВНЕШНЕМ ОБОРОНИТЕЛЬНОМ РУБЕЖЕ

В связи с общей сложной обстановкой 64-й армии на направлении главного удара противника генерал Чуйков отдал приказ дивизии отойти на рубеж реки Мыш-

* В. И. Чуйков. Начало пути. Воениздат МО СССР, 1962, стр. 74.

кова и, взаимодействуя с 173-м и 176-м отдельными пулеметно-артиллерийскими батальонами, занять оборону на внешнем Сталинградском оборонительном рубеже, в полосе Ерохинский—Черноморов.

Немецкая пропаганда называла эти полевые позиции внутренними и внешними крепостными «поясами» и создавала у многих впечатление о Сталинграде как о крепости. Этот термин довольно часто применялся к Сталинграду, что, конечно же, не соответствовало действительности.

Отход дивизии на новый рубеж начался нашей ночной атакой. Получив приказ на отход, я принял решение: командиры полков на своих участках должны определить объект для атаки, в ночном бою разгромить противостоящего противника. Атаковать следует внезапно, стремительно, без артиллерийской подготовки, огонь открывать только по необходимости, цели определить днем и держать их под наблюдением, больше использовать ручные гранаты. Подполковник Тычинский со всеми артиллеристами должен быть в это время на наблюдательных пунктах. Начальником штаба дивизии были четко организованы все звенья управления ночной атакой и выходом из боя. К заходу солнца организация боя была готова.

Атака началась в первой половине ночи, когда противник ужинал, без сигнальных ракет, без огня, бесшумным быстрым броском. Результаты боя оказались хорошими. Врага застали буквально врасплох, он не успел даже открыть огонь. Было уничтожено свыше четырехсот солдат и офицеров, взято в плен около тридцати, захвачены трофеи: сто винтовок, два станковых пулемета, два миномета и другая боевая техника, более трехсот ящиков со снарядами, минами и патронами. Это то, что взяли, но многое было и уничтожено. Овладели населенными пунктами Генераловский, Кандауров и Сазонов.

В этом ночном бою исключительно успешно действовал батальон под командованием Николая Щербака, который очень умело организовал выполнение операции и четко управлял подразделениями. Личный состав батальона действовал стремительно и храбро при разгроме противника и овладении хутором Генераловским.

На втором этапе выполнения решения надо было скрыть от противника наш отход на новый рубеж, не допустить преследования. На занимаемом рубеже в полосе дивизии оставили прикрытие — разведывательный батальон, усилив его ротой учебного батальона и артиллерийской батареей, с задачей наблюдать за противником и вести огонь примерно такой же, какой вела дивизия в предыдущие ночи. Этот маневр нам полностью удался. Части дивизии отошли на рубеж реки Мышкова, во второй половине дня 12 августа закончили организацию обороны, перед передним краем дивизии противника не было.

В разведывательном батальоне на прежнем рубеже начальник штаба подполковник Шуба оставил начальника разведки дивизии майора Батулина, который три раза в сутки докладывал о поведении врага. В первый и во второй дни противник активности не проявлял, однако перед вечером 13 августа, видимо, пристреливая артиллерийские репера, выпустил больше обычного снарядов и мин.

14 августа около 9 часов штаб дивизии получил от Батулина срочное донесение: гитлеровцы начали артиллерийскую подготовку, особенно плотный огонь на участке Червленый—Новоаксайский, а через час новое донесение — противник перешел в наступление. Разведывательный батальон ведет наблюдение за действиями врага и отходит от рубежа к рубежу в район обороны дивизии, куда и прибыл к исходу дня. Майор Батулин доложил, как развивались события. В ночь на 14 авгус-

3 Заказ № 160

та в стане противника был слышен шум танков и автомашин, а к утру характерный звук моторов на переднем крае усилился. В 8 часов противник начал артиллерийскую подготовку, форсировал реку Аксай (мелководье позволяло преодолеть ее вброд), углубился до пятисот метров севернее реки. Убедившись, что на этом рубеже наших войск нет, танки остановились, а пехота залегла, затем через несколько минут начала собираться в мелкие группы и двигаться по дорогам в северном направлении. Но так как на наших минах начали подрываться танки и автомашины, вражеские колонны остановились и начали искать мины, прокладывать проходы на минных полях. Таким маневром нам удалось задержать противника на значительное время. Этот боевой пример активности в обороне был подробно освещен в газете «Красная звезда» как положительный опыт боевых действий наших войск.

15 августа на командный пункт дивизии прибыл заместитель командующего войсками фронта генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, внимательно выслушал меня об обстановке и состоянии дивизии, после чего мы объехали и обошли пешком многие подразделения. Голиков говорил со многими солдатами и командирами. Уезжая, Голиков сказал мне, что считает дивизию боеспособной, а по поводу того, что плохо с пополнением и снабжением по всем видам, он обещал походатайствовать перед Военным советом фронта. После его посещения работники тыла и снабжения обратили на нас внимание: начали поступать продовольствие и боеприпасы.

В связи с усложнившейся обстановкой вдоль железной дороги Котельниково—Сталинград в районе Абганерово—Тингута командующий 64-й армией вывел нашу дивизию в свой резерв, в район Зеты, а в ночь на 19 августа мы заняли оборону в четырех километрах юго-западнее железнодорожного разъезда 74-й километр,

на участке: правым флангом — совхоз имени Юркина, левым флангом — ферма № 2, справа оборонялась 29-я, слева 204-я стрелковые дивизии.

К исходу 19 августа наступающие дивизии противника — 94-я пехотная, 29-я моторизованная и 14-я танковая (с последними двумя нам пришлось сражаться еще на Дону) — были остановлены войсками 64-й армии на рубеже совхоза имени Юркина, железнодорожной станции Абганерово и ряде прилегающих высот. Генерал Шумилов поставил нашей дивизии задачу: с утра 20 августа атаковать противостоящие части 94-й пехотной дивизии противника, овладеть железнодорожной станцией Абганерово. Соседи справа и слева тоже получили задачу разгромить противостоящие части врага. К утру мы сменили части 126-й стрелковой дивизии, заняли исходное положение для наступления. А полк майора Печенюка оставили во втором эшелоне с особой задачей — контратаковать противника в случае его прорыва на левом фланге дивизии, в стыке с 204-й стрелковой дивизией.

Утром 20 августа части подошедшей свежей 297-й пехотной дивизии гитлеровцев при поддержке 35—40 танков и свыше 60 самолетов-бомбардировщиков Ю-88 и пикировщиков Ю-87 с рубежа Плодовитое повели наступление, прорвали оборону частей правого фланга 204-й стрелковой дивизии и, развивая наступление на север и северо-восток, начали охватывать наш левый фланг.

Около полка вражеской пехоты при поддержке двадцати танков, развивая наступление, угрожали выйти во фланг и тыл полка Маслова. Наши части стойко отражали атаки противника, он нес большие потери и продвигался медленно.

Мною было принято решение контратаковать противника вторым эшелоном дивизии — полком майора Печенюка и учебным батальоном. На этот участок была при-

влечена вся артиллерия. За короткое время было сожжено 9 танков. Это заставило противника замедлить темп наступления, второй эшелон дивизии решительно пошел в контратаку, остановил врага и отбросил его на исходное положение.

Враг понес значительные потери в живой силе и технике. Однако и полк майора Печенюка изрядно пострадал от артиллерии и особенно от авиации противника. А все потому, что в маневренной обороне смена боевых порядков и рубежей не позволяла по-настоящему оборудовать окопы и ходы сообщения из-за нехватки времени, к тому же грунт был настолько твердый, что с трудом поддавался малой саперной лопатке. Командные и наблюдательные пункты полков и дивизии представляли собой элементарные фортификационные сооружения, не позволяющие организовать устойчивое управление.

В бою двадцатого августа наблюдательный пункт командира дивизии был в одном километре от разъезда 74-й километр. Для наблюдения эта топографическая точка была хорошей. Но так как не было ни времени, ни материальных средств для оборудования, то пункт представлял собой обыкновенную яму, прикрытую тонкими досками и слоем земли для маскировки. Весь день эта «яма» — наблюдательный пункт — была под сильным огнем. Артиллерийские разрывы часто нарушали проводную связь. Чтобы наладить ее, связистам приходилось без конца бегать по линии под сильным огнем. Помню связиста Смигина. Среднего роста, очень подвижный, он как будто создан был для работы в столь сложной обстановке. Где перебежками, где ползком или катком, Смигин быстро добирался до того именно места, где было повреждение провода, будто нюхом чуя его, и немедленно устранял. Он делал все, чтобы связь с полками работала нормально.

Ко мне на наблюдательный пункт приехал В. И. Чуй-

ков, чтобы лично разобраться в сложной обстановке. По открытой местности, без хода сообщения, под частыми разрывами артиллерийских снарядов к нам трудно было добраться, но он пришел.

— Вы что, товарищ Людников, другого места не нашли для наблюдательного пункта, что в этой яме сидите?

— Отсюда очень удобно вести наблюдение,— отвечаю.— А что он не оборудован — не успели.

Я доложил о положении на нашем участке фронта, Василий Иванович высказал мне свое мнение о вероятном развитии событий на ближайшие дни. В паузе между артиллерийскими налетами, пожелав нам боевых успехов, он ушел от нас, сказав, что направляется к соседям.

Во второй половине дня пехота и танки противника, развивая наступление, были на подходе к разъезду. Контратакой вторых эшелонов полков Гуняги и Маслова, при поддержке танкового батальона и всей артиллерии дивизии гитлеровцы были остановлены и отброшены. В ночь на 21 августа генерал Шумилов уточнил задачу дивизии — передний край указал по линии железной дороги с центром на разъезде 74-й километр. Для уточнения обстановки ко мне приехал начальник автобронетанкового отдела армии.

— Где вы находитесь? — был его первый вопрос.

— На 74-м разъезде.

— А разъезд где?

— А вот разрушенное здание.

Начальник автобронетанкового отдела армии прошелся вокруг развалин железнодорожного разъезда, поднял обломок кирпича со следами копоти, осмотрел его со всех сторон и сокрушенно вздохнул.

— Да, много разрушений терпим от гитлеровцев. А сколько еще будет,— проговорил он раздумчиво.— Но

ничего, выдюжим. И все отстроим заново. Лишь бы врага изгнать с родной земли.

Через некоторое время прибыл ко мне заместитель начальника штаба армии по политчасти. Он тоже был удивлен большими разрушениями вокруг. И похвалил за стойкость, с которой подразделения дивизии отстаивали 74-й разъезд.

По показаниям пленного немецкого солдата, перед фронтом нашей дивизии исходное положение для наступления занимали все полки 297-й пехотной дивизии, усиленные тремя батареями шестиствольных минометов и сорока танками, которые располагались группами по балкам.

Начальник разведки дивизии майор Батулин пытался выяснить и сроки наступления противника, но солдат сказал, что он их не знает. Об этом я доложил командующему армией Шумилову. Михаил Степанович усомнился в достоверности того, о чем я доложил, потому что ранее эта дивизия перед фронтом 64-й армии не отмечалась. Поэтому он дал указание еще раз проверить через «языка», кто находится перед нашим передним краем и доложить о готовности отразить атаки новой дивизии противника.

Оборонительные работы шли во всех частях и подразделениях, все делалось для того, чтобы противостоять любым натискам врага. Саперы дивизии, работая днем и ночью, установили несколько тысяч противотанковых мин на танкоопасных направлениях. Были восполнены потери техники в предыдущих боях.

Более чем за месяц ожесточенных боев на Дону и на дальних подступах к Сталинграду, на совершенно открытой местности, везде доступной для танков, личный состав дивизии научился стойко обороняться, проявляя чудеса храбрости и самоотверженности, подлинного героизма.

Ночь на 23 августа была немного беспокойнее обычного, командиры полков Печенюк, Маслов и Гуняга, майор Батулин несколько раз докладывали, что делается в стане врага. Обстановка предвещала жаркий бой.

Так оно и случилось. Едва солнце поднялось из-за горизонта, как степь наполнилась артиллерийскими разрывами, гулом самолетов и воем авиабомб. В 4.30 два вражеских пехотных полка при мощной поддержке танков атаковали полк Печенюка и 18-й учебный батальон и повели наступление на северо-восток от 74-го разъезда. Для отражения атаки противника на этот участок был сосредоточен огонь артиллерии, поддерживавшей полк Маслова, и всех орудий дивизии. Докладывая командованию обстановку, я одновременно попросил дать несколько залпов из катюш. Михаил Степанович Шумилов разрешил дать два залпа.

— Сергей Яковлевич, готовь цели, по которым надо дать огонь, — сказал я начальнику дивизионной артиллерии.

Цели ползли по полю боя, надо было лишь определить их координаты. Через несколько минут команды на открытие огня пошли командирам эресовских полков. Реактивные снаряды были положены хорошо и задержали продвижение танков и пехоты противника. Части дивизии, и особенно полк Печенюка и учебный батальон, оказали ожесточенное сопротивление превосходящим силам врага.

Батальон под командованием старшего лейтенанта Бабыкина сражался исключительно героически и, несмотря на потери, стойко оборонял свои позиции и ни на шаг не отступил. Противник, более чем в пять раз превосходящий в живой силе и технике, несколько раз пытался атаковать бабыкинцев, но всякий раз вынужден был откатываться, оставляя на поле боя убитых и раненых. В течение шести часов отражались атаки врага, и

только когда старший лейтенант Бабыкин, комиссар батальона политрук Федоров, многие бойцы и командиры пали на поле брани, фашистам удалось занять район обороны батальона. Прорвавшись, противник стал развивать наступление дальше и окружил командный пункт полка. Работники штаба полка были подготовлены к отражению вражеской атаки. Командир полка майор Печенюк в это время находился на наблюдательном пункте, который был отрезан от штаба. Офицеры штаба полка под командованием его начальника старшего лейтенанта Лапшина, бойцы комендантского взвода, саперы и связисты проявили мужество и отвагу, отразив одну за другой несколько атак гитлеровцев. И только с наступлением темноты, по приказу Печенюка отважные командиры и бойцы забрали с собой раненых, вышли из окружения и присоединились к своим подразделениям.

Стойко сражался и первый батальон этого полка. Перед ним на поле боя лежало много убитых и раненых гитлеровцев. Однако и батальон понес потери, был тяжело ранен командир батальона старший лейтенант Учава, убит комиссар старший политрук Боков. Бой за район 74-го разъезда 23 августа продолжался шестнадцать часов. За это время противник понес большие потери в живой силе и технике. Было сожжено 10 танков, из которых пять бойцы подожгли бутылками с горючей жидкостью.

Противник трижды атаковал превосходящими силами пехоты, поддержанными танками, и батальон старшего лейтенанта Г. Ф. Сигоненко. Но под сильным, хорошо организованным огнем из стрелкового оружия и пушек враг всякий раз отступал. Бойцы батальона при этом захватили у противника четыре пулемета и троих гитлеровцев взяли в плен.

Автоматчик Т. Ф. Садовников, занимая выгодную позицию, уничтожил двадцать вражеских солдат и одного офицера. Раненный во время боя на этом участке командир орудия Сиваков заявил политруку батареи, когда тот хотел вывести его с поля боя:

— Никуда я от своего орудия не уйду, за свою пролитую кровь я отомщу фашистским мерзавцам сам, сейчас же, — и продолжал командовать расчетом орудия до конца сражения.

Эти боевые эпизоды говорят о мужестве и беспримерной стойкости воинов.

Во второй половине дня 23 августа большое облако дыма от горевшего Сталинграда было видно на расстоянии около шестидесяти километров в районе обороны дивизии. Вечером этого же дня до нас дошли сведения, что фашисты особенно жестокой бомбардировке подвергли центральную часть города и заводские районы, включая Тракторозаводский. Все вокруг рушилось и горело. Горе и смерть вошли в десятки тысяч сталинградских семей. Дым пожарищ Сталинграда, информация всего личного состава об обстановке в городе еще больше ожесточали весь личный состав дивизии.

В течение 24 августа противник неоднократными атаками пытался прорвать нашу оборону, но дивизия, усиленная двумя артиллерийскими полками и полком катюш, успешно отразила их все. В ходе боя я неоднократно разговаривал с командирами полков Масловым, Гунягой и Печенюком, которые докладывали, что фашисты наступают не особенно густыми цепями, видимо, в боях 23-го августа они понесли большие потери.

Генерал Ганс Дёрр о событиях юго-западнее Сталинграда пишет: «4-я танковая армия... в полном составе сосредоточилась в районе Абганерово и вынуждена была перейти к обороне, что явилось следствием недостатка сил и в первую очередь танковых и моторизованных соединений. Стало ясно, что 4-я танковая армия без

дополнительно выделенных в ее распоряжение сил не сможет продвигаться дальше. 6-я армия передала две дивизии (24-ю танковую и 297-ю пехотную) 4-й танковой армии» *.

Получив подкрепление, 4-я танковая армия пыталась решить задачу выхода на правый берег Волги в районе Красноармейска, но была остановлена нашими войсками.

Г. Дёрр продолжает: «Армия остановилась всего в 20 км от Волги: снова наступил решающий момент не только для действий 4-й танковой армии, но и для всей битвы за Сталинград».

Уместно сказать несколько слов и о темпе наступления противника, свидетельствующем о сильном сопротивлении наших войск, ведущих ожесточенные бои югозападнее Сталинграда. Во второй половине дня второго августа 1942 года противник танками захватил Котельниково. В результате многочисленных и ожесточенных боев от Котельниково до Тингуты (120 километров) 4-я танковая армия противника наступала 26 дней, в среднем 4,6 километра в сутки. Такой темп продвижения, к тому же танковой армии, конечно, не успех.

Отмечая хорошие боевые действия дивизии в районе разъезда 74-й километр, Военный совет 64-й армии 23 августа 1942 года всему ее личному составу объявил благодарность.

С 25 по 29 августа противник занимал рубеж, на котором был остановлен нашими частями, производил перегруппировку и активно вел разведку. Самолет-разведчик «фокке-вульф» с утра до вечера «висел» над полем боя. С ним наши бойцы вели борьбу. Особенно меткий огонь из пулемета по самолету вел сержант Смышляев.

---

* Г. Дёрр. Поход на Сталинград. Военииздат МО СССР, стр. 38—39. Автор в то время занимал пост начальника штаба 52-го армейского корпуса гитлеровцев.

Разведчик был серьезно поврежден, быстро пошел на снижение и сел на поле в расположении своих войск, не дотянув до аэродрома. Стрелки очень сожалели, что он не упал на нашей стороне.

По всем признакам перегруппировок, происходивших в стане противника, можно было предполагать, что он готовится к наступлению. Но мы не знали, где ожидать удар. Активная работа разведки не давала ответа. Командарм М. С. Шумилов неоднократно предупреждал меня о возможном наступлении врага, интересовался нашей готовностью достойно отражать атаки. Подполковник Шуба держал постоянную связь с соседями: 29-й и 204-й стрелковыми дивизиями. Обменивались «последними» данными о противнике со штабом армии, нс ответа на вопрос — «где и когда» — не было.

Враг произвел перегруппировку и к исходу 28 августа сосредоточил ударную группировку: 14-ю, 24-ю танковые и 29-ю моторизованную дивизии 48-го танкового корпуса немцев. 2-ю и 20-ю пехотные дивизии 6-го румынского армейского корпуса. Ночью на 29 августа противник вел разведывательные поиски, и наши воины были особенно бдительными. С рассветом я отдал распоряжение о готовности к отражению атак врага.

29 августа с восходом солнца противник при сильной авиационной и артиллерийской поддержке перешел в наступление на участке 126-й стрелковой дивизии и правого фланга 29-й стрелковой дивизии. Главный удар наносил в направлении Зеты. Перед фронтом же нашей дивизии враг проявлял лишь огневую активность стрелковым оружием и производил изредка огневые налеты артиллерии по частям первого эшелона. По нашим огневым артиллерийским позициям, командному пункту, средствам управления и тылам дивизии противник совершил пятнадцать авиационных налетов, в которых участвовало в общей сложности до пятисот самолетов. Вра-

жеские самолеты буквально весь день «висели» над боевыми порядками дивизии. И мы понесли немалые потери в людях, технике, боеприпасах и горючем.

В первой половине дня противник прорвал оборону 126-й стрелковой дивизии. Танковые соединения врага начали развивать наступление, дальним обходом через правого соседа стали угрожать и нашей дивизии. Учтя сложившуюся обстановку, я сказал Тычинскому:

— Сергей Яковлевич, надо подумать, как лучше использовать артиллерию на правом фланге. Возможно, потребуется отражать там атаку противника. События развиваются не в нашу пользу, Василий Иванович,— обратился я к Шубе. — Придется вести разведку на угрожаемом фланге и в тылу, так как противник выходит и на наши тылы. Не теряйте связь со штабом армии и соседями.

К восемнадцати часам враг овладел Зетами, главной группировкой танковых дивизий развивал наступление на Нариман, а правофланговая 29-я моторизованная дивизия группировки прошла по тылам нашей 138-й стрелковой дивизии. Над нами нависла угроза окружения, и кольцо могло замкнуться у железнодорожной станции Тингута.

До наступления темноты противник обошел дивизию с правого фланга и тыла, овладел Кошарой — в двух километрах северо-восточнее 74-го разъезда, высотой 150 и вышел на наш левый фланг, а оставшуюся прогалину, шириною около тысячи пятисот метров, простреливал перекрестным огнем. Полк Гуняги контратаковал врага и остановил его продвижение на Тингуту.

Обстановка требовала нового решения, ибо при создавшемся положении дивизии оставаться на месте не было никакого ни тактического, ни оперативного смысла. Штаб 64-й армии из Зеты ушел во второй половине дня, телефонная связь с ним прекратилась, а связь по

радио, вследствие выхода из строя во время бомбежки некоторых наших штабных радиостанций, поддерживалась с перебоями, а с 18 до 20 часов совершенно отсутствовала. Противник, выйдя на тылы дивизии, группами автоматчиков продолжал наступать, и тыловые части вынуждены были отходить в сторону переднего края. Гитлеровцы появились уже и вблизи командного пункта дивизии. Попытка штаба связаться с 29-й и 126-й дивизиями не увенчалась успехом.

Обстановка на участке 29-й стрелковой дивизии становилась все более запутанной. Несмотря на то, что с левофланговым батальоном этой дивизии правофланговый батальон нашего 344-го стрелкового полка имел связь и огнем всех видов поддерживал его, однако определить район обороны или рубеж, на который отошли части соседа, не представлялось возможным.

В 20 часов из штаба 204-й стрелковой дивизии — соседа слева, прибыл наш офицер — капитан П. Гулько, ранее посланный начальником штаба для связи.

— Что нового скажете о соседе? — спросил я.

— Сосед получил приказ командующего на отход и уже начал выполнять,— последовал ответ.— Противник перед его передним краем в течение дня не проявлял активности.

Отход соседа оголял наш левый фланг. Это и вовсе осложнило обстановку. Было над чем задуматься.

Но в это время В. И. Шуба принял радиограмму с приказом генерала Шумилова на отход дивизии в район Блинников.

Еще до получения этого приказа, в связи с создавшейся обстановкой, подрабатывался план выхода дивизии из боя.

Учитывая то, что у дивизии на левом фланге остался проход до полутора километров, который простреливался перекрестным пехотным огнем гитлеровцев, планом пре-

дусматривалось подвести все части как можно ближе к переднему краю и вдоль передовой 297-й пехотной дивизии противника двигаться в сторону своего левого фланга. А потом отойти на рубеж, указанный приказом командарма. В арьергарде оставили 344-й стрелковый полк, который прикрывал отход дивизии.

Близость противника требовала хорошей организации походных порядков частей, устойчивой связи и высокой дисциплины. С этой задачей командиры и работники штабов частей, политработники, коммунисты, весь личный состав справились хорошо. В результате сильной бомбежки штаба дивизии и тылов работники штаба и командование остались без каких-либо средств передвижения, поэтому все шли пешком, разложив штабные документы по вещевым мешкам. Мой адъютант Николай Тоцкий и шофер Иван Зеленин тоже шагали рядом, попеременно несли мою кавказскую бурку, которая выручала во всех случаях боевой походной жизни, и бритвенный прибор.

Ночью генерал М. С. Шумилов уточнил задачу: дивизии отойти на рубеж реки Червленая и занять оборону в полосе Варваровка, Нариман, Ягодный.

Около четырех часов 30 августа, после выхода дивизии на рубеж Блинникова, части ее подверглись сильной бомбежке самолетами-пикировщиками. Ночью наши части совершали отход в полковых и батальонных колоннах, на день я дал распоряжение развернуться в предбоевые порядки до взводных, а где мало личного состава — до ротных колонн, артиллерия развернулась повзводно, а в некоторых случаях и поорудийно. Такое расчленение дивизии немного уменьшило маршевую скорость, зато позволило совершить отход и днем почти без потерь.

Однако во второй половине дня и противник переменил метод атаки с воздуха. Бомбардировщики, следуя широким развернутым строем, начали сбрасывать кассе-

ты с мелкими бомбами, но потерь дивизия все равно не понесла.

К пятнадцати часам подразделения дивизии вышли на средний оборонительный обвод Сталинграда по восточному берегу реки Червленая, поспешно заняли оборону в полосе Варваровка—Нариман—Ягодный. Командиры в короткий срок организовали огонь в первую очередь для отражения наседающих танков противника.

Около 16 часов до ста вражеских танков подошли к Варваровке. Первый дивизион нашего 295-го артиллерийского полка, где командиром был майор А. Соколов, комиссаром старший политрук В. С. Лейба, вышел на огневые позиции для стрельбы прямой наводкой по танкам.

Несмотря на сильную бомбежку, артиллеристы действовали самоотверженно. На место выбывших товарищей становились следующие номера орудий, командиры. В первой атаке было сожжено десять танков.

Но противник не отошел, а лишь перестроил свои боевые порядки и начал вторую атаку, и на более широком фронте. Но к этому времени был уже готов к отражению танков и второй дивизион артиллерийского полка. В результате и второй натиск врага был успешно отбит. На поле боя осталось гореть еще пятнадцать танков.

Однако и это не остановило гитлеровцев. Они снова начали перестроение, во время которого гаубичный дивизион полка произвел сильный огневой налет и поджег три танка.

После перегруппировки третью танковую атаку противник повел на участке Варваровка—Гавриловка. В ней участвовало до 70 танков.

Успешно отразив две предыдущие атаки, наши бойцы стали действовать еще увереннее и решительнее. Поэтому и третью атаку отразили быстро. Противник

оставил перед нашими позициями еще двенадцать сожженных и подбитых танков, по которым артиллеристы сделали еще несколько выстрелов для «проверки».

Солнце склонялось к закату. Потерпев сильное поражение, противник отвел танки назад, за пехоту, которая начала окапываться в полутора-двух километрах от нашего переднего края.

Таким образом, заранее подготовленный рубеж способствовал успешному отражению танковых атак противника, несмотря на то, что они сопровождались сильной бомбежкой нашей обороны. В бою особую стойкость и храбрость проявили все артиллеристы: солдаты, сержанты и командиры. Они вели огонь в большом темпе и метко. Член Военного совета 64-й армии дивизионный комиссар К. К. Абрамов при отражении танков был на командном пункте дивизии. Он внимательно наблюдал за ходом боя и восхищался боевым мастерством и стойкостью воинов. Уезжая, дивизионный комиссар сказал:

— Да, 138-я дивизия умеет бить врага. Спасибо вам, товарищи, и всему личному составу дивизии спасибо.

— Бойцы и командиры у нас, действительно, отличные, — согласился я. — Но их маловато, товарищ дивизионный комиссар. Нам надо помочь пополнением.

— С людьми очень трудно во всей армии, товарищ Людников,— ответил задумчиво Абрамов.— Тоже не получаем пополнение. Но я доложу Военному совету армии вашу просьбу.

Успешно отразив атаки танков, дивизия по приказу командующего М. С. Шумилова в 20.00 начала отходить к Старой Отраде, в резерв 64-й армии.

Ночью на 31 августа была получена телеграмма:

«Военный совет 64-й армии за успешное отражение атаки танков противника в районе Варваровка—Гавриловка личному составу дивизии объявляет благодарность».

С выходом в район Старая Отрада, на внутренний оборонительный обвод, дивизия вступила в сражение за город.

БОИ ЗА ГОРОД

Сосредоточившись в районе Старая Отрада, в резерве армии, дивизия 31 августа не имела активной задачи. Это позволило нам подсчитать свои ряды и кое-как пополнить их теми, кого можно было поставить в строй, изъяв из тыловых подразделений, часть из которых пришлось расформировать. Начальнику медицинской службы и командиру медико-санитарного батальона была поставлена задача разыскать легкораненых и выздоравливающих больных в армейских госпиталях и просить госпитальное руководство направлять наших солдат и офицеров по выздоровлении в дивизию.

В связи с угрозой прорыва портивника со стороны Воропоново на стыке 62-й и 64-й армий второго сентября в 14 часов наша дивизия получила приказ командующего 64-й армией занять оборону во втором эшелоне армии на стыке с 62-й армией. На левом фланге этой армии оборонялась 35-я гвардейская дивизия генерал-майора В. А. Глазкова, а на правом фланге 64-й армии — 422-я стрелковая дивизия под командованием полковника И. К. Морозова. Это направление было оперативно важным, им постоянно интересовался командующий армией М. С. Шумилов.

6 сентября вечером на наш командный пункт в район Лапшинского сада приехал заместитель командующего 64-й армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков с целью

проверить состояние обороны дивизии. Василий Иванович и я на газике поехали в полки. Командиры полков четко доложили обстановку.

Убедившись в том, что в частях правильно понимают обстановку и свои задачи, мы возвратились на командный пункт, поужинали и под одной кавказской буркой легли спать. Однако сон был недолгим. Около четырех часов утра Василий Иванович с начальником штаба дивизии Шубой поехали в район высоты 143,5. Это был главный узел обороны в полосе нашей дивизии. Убедившись, что и там все организовано правильно, я уехал в штаб армии.

7 сентября утром в дивизии была получена газета «Красная звезда» за четвертое сентября 1942 года с передовой статьей: «Отбить наступление немцев на Сталинград».

Прочитав статью с комиссаром дивизии Н. И. Титовым, начальником штаба В. И. Шубой и начальником политотдела дивизии М. С. Немцевым, мы решили ознакомить с нею личный состав частей и подразделений, чтобы все знали, как высоко оценена наша стойкость на подступах к Сталинграду.

Седьмого сентября во второй половине дня обстановка нам позволила собрать командиров и комиссаров полков, отдельных батальонов и дивизионов, чтобы подвести итоги боев и обсудить передовую статью «Красной звезды».

«Обстановка под Сталинградом остается напряженной,—говорилось в газете.—Бои, разыгравшиеся северо-западнее Сталинграда, не имеют себе равных по количеству введенных с обеих сторон в действие сил и по ожесточению.

Немцы еще в начале своего наступления на юге поставили себе целью захват Сталинграда, поэтому они с такой настойчивостью бросили крупные силы к излучине Дона, стремясь вырваться на подступы к городу. К этому же был направлен нажим со стороны Котельниково.

Больше месяца шли упорные бои в излучине Дона. Стойкость советских войск, их сильные контрудары разбили первоначальные планы немцев. Немецко-фашистские войска несли огромные потери. Как стало известно из захваченных нашими частями немецких приказов, Гитлер выражал недовольство провалом плана операции и требовал любой ценой взять Сталинград.

...Значительно более серьезное положение создалось к юго-западу от Сталинграда. Крупными силами танков и мотопехоты немцам удалось прорваться в глубь нашей обороны. Стойкое, самоотверженное сопротивление наших частей наносит огромный урон врагу. Но немецкое командование бросает на сталинградский участок фронта все новые и новые силы. Стремясь во что бы то ни стало овладеть Сталинградом, немцы ввели в бой около тысячи самолетов, в том числе переброшенных с Запада, массу танков, стягивали отовсюду свежие дивизии для пополнения своих изрядно потрепанных ударных группировок. Установлено, что под Сталинградом дерутся летчики, переброшенные из Египта, войска, прибывшие из Франции.

...Там, где создана несокрушимая оборона, где защитники боевого рубежа полны решимости умереть, но не пропустить врага,— никакое преимущество в танках, никакое воздействие с воздуха не помогает немцам. В боях за Сталинград многие части Красной Армии проявляют выдающийся героизм и стойкость. Примером могут служить гвардейская дивизия, которой командует генерал-майор Глазков, стрелковая дивизия под командованием полковника Людникова. Упорно защищая подступы к Сталинграду, мужественные воины этих дивизий

беспощадно уничтожают немцев и уничтожают их технику» *.

Когда участники совещания ознакомились с содержанием передовой статьи «Красной звезды», выступил я и подробно остановился на наших задачах в битве за Сталинград, отметил, что каждый из нас, все бойцы должны ясно представить всю сложность создавшейся обстановки и определить свое место в жестоких сражениях за город, которые ждут нас.

Фашисты сосредоточили на юго-западном направлении 4-ю танковую армию и румынские армейские корпуса, действовавшие совместно с 6-й армией генерала Паулюса, которая, не считаясь с потерями, наступала на северо-западе от Сталинграда. Им удалось подойти к стенам города.

Мы начали ожесточенные бои с врагом на Дону у Цимлянской. За 45 дней, понеся огромный урон в живой силе и технике, гитлеровцы подошли к окраинам Сталинграда. Таким образом, расстояние в 150 километров они смогли преодолеть лишь за полтора месяца, что в среднем составляет около 3,5 километра в сутки. А все потому, что всюду встречали на пути упорное сопротивление наших доблестных воинов, которые день ото дня все больше мужали и закалялись в битвах.

Теперь их ожидали еще большие испытания. Нельзя было позволить врагу перерезать жизненную артерию страны, отторгнуть от Родины богатейшие области юго-востока, утвердиться на Волге. Священная тревога за Сталинград должна была поднять в наших солдатах ярость для беззаветной борьбы с врагом. Многие дни и ночи сдерживали они наступление от Дона к Волге. Лучшие сыны Родины, наши боевые товарищи и друзья отдали свои жизни, чтобы остановить фашистов. Сотнями сожженных и изуродованных танков, трупами десятков тысяч гитлеровцев были усеяны донские и приволжские степи. Танки горели от наших снарядов, гитлеровцы падали от наших пуль. Значит, коварного врага можно бить, можно остановить. Значит, можно отстоять родной город, отбросить и разбить фашистские орды.

* Газета «Красная звезда», 1942, 4 сентября.

Руководимые волей великого Ленина, вдохновленные железной решимостью умереть, но победить, бойцы молодой республики Советов проявляли чудеса героизма, отстаивая город Царицын в годы гражданской войны.

Сыны и братья защитников Красного Царицына обороняли теперь землю, обагренную кровью их отцов и братьев. Солдаты, сержанты, офицеры должны были проникнуться одной мыслью: отступать некуда, нельзя отдать в руки захватчиков важный центр на пути к нашей нефти и хлебу, к землям, богатствам, добытым нашим трудовым потом. Вспомнились еще раз слова великого Ленина: «Удержать Царицын необходимо... Напрягайте все силы».

«Напрягайте все силы, доблестные защитники Родины! Истребляйте немцев на подступах к Сталинграду. Родина требует от нас, дорогие товарищи, отбить наступление немцев, не допустить их к берегам Волги, уничтожить фашистские полчища!» — призывала газета «Красная звезда». Мне захотелось пойти с этими словами в роты, батареи, прочитать газету, чтобы каждый солдат и офицер поняли оценку его ратного труда, и донести до каждого из них задачи по уничтожению немецко-фашистских войск, которые поставила перед нами Родина.

На совещании выступил комиссар дивизии Н. И. Титов. Он коротко рассказал о том, что коммунисты дивизии находятся на самых ответственных участках, всегда впереди, личным примером вдохновляют на ратные под-

виги всех воинов. Комиссар изложил задачи, стоящие перед партийными организациями в столь ответственный период. Выступили также начальник штаба дивизии подполковник В. И. Шуба, командир полка Печенюк и многие другие. Каждому хотелось поделиться всем тем, что наболело на душе, высказать ту ненависть, которую питают бойцы к фашистским оккупантам. А. Печенюк в заключение сказал:

— Я думаю, мы будем биться еще лучше, еще ожесточеннее, чем бились до этого.

После совещания все его участники отправились в части, подразделения, чтобы всюду рассказать о высокой оценке наших ратных дел, воодушевить воинов на новые боевые подвиги. Я побывал в этот день в 344-м стрелковом полку. Провел здесь беседы в трех группах. До этого газета уже была прочитана солдатами по нескольку раз. Они припрятали ее в походные мешки, чтобы сохранить, потому что очень дорожили высокой оценкой их подвигов. Беседа с бойцами получилась оживленная, задушевная. Вспоминали эпизоды из недавних боев под Цимлянской, Варваровкой и Гавриловкой. Вспомнили о беспримерной отваге и мужестве пулеметчика Белова, командира орудия Вардаваняна, старшего политрука Макарова, младшего лейтенанта Кушныря, комиссара артдивизиона Лейбы, сержанта Смышляева и многих других, которые были отмечены высокими правительственными наградами. Солдаты в своих выступлениях или репликах заверяли, что отстоят Сталинград, потому что уже знают, как бить врага, и он это надолго запомнит.

Возвратившиеся из частей офицеры штаба дивизии и политотдела также доложили, что весь личный состав с большим моральным подъемом воспринял оценку их ратных дел и полон решимости биться с врагом до победного конца.

8 сентября в 5 часов 30 минут после сильной артил-

лерийской и авиационной подготовки противник прорвал оборону на стыке гвардейской дивизии генерала Глазкова и стрелковой дивизии полковника Морозова. Одновременно до двух полков пехоты, до 50 танков при поддержке самолетов-пикировщиков атаковали с направления Воропоново боевые порядки 344-го и 650-го стрелковых полков нашей дивизии, а с направления Песчанки до двух батальонов вражеской пехоты устремились на 768-й стрелковый полк.

Завязался ожесточенный бой. Огнем артиллерии и стрелкового оружия пехота была отсечена от поддерживающих ее танков и залегла на северных и северо-западных склонах высоты 143,5. Вражеские танки стремились оказать содействие своей пехоте, беспрерывно «утюжили» боевые порядки 344-го стрелкового полка и особенно его первого батальона. Гитлеровцы пытались во что бы то ни стало уничтожить храбрых воинов. Но хорошо окопавшись, они огнем из стрелкового оружия отразили все атаки.

С наблюдательного пункта мне хорошо было видно поле, где разыгрывались главные события: огневой бой то разгорался до высокого накала, то на мгновение притихал, чтобы снова разгореться до высшего напряжения. Для уточнения деталей сражения, я несколько раз связывался с Печенюком.

— Все в порядке,— непременно слышалось в ответ.

Начальник штаба 344-го полка Маслов, замещавший в это время командира полка, тоже докладывал, что полк геройски отражает атаки.

— Хотя первому батальону и трудновато,— сознался он однажды,— но солдаты держатся упорно. Хорошо помогает и Тычинский метким огнем своей артиллерии.

14 часов длился бой, но части дивизии продолжали успешно отражать атаки противника, следовавшие одна за другой. В этом бою героизм личного состава дивизии

был массовым. Исключительно стойко держались на занятых рубежах, например, воины первого батальона 344-го стрелкового полка, которым командовал старший политрук Николай Щербак. Они отразили несколько атак пехоты и танков. Гранатами, огнем из противотанковых ружей и бутылками с горючей жидкостью были подбиты и сожжены пять вражеских танков.

Нескольким танкам удалось прорваться за передний край нашей обороны, но батальон все равно продолжал сражаться. Комиссар батальона старший политрук Корнеев всегда появлялся там, где было особенно трудно, подбадривал воинов, совершал с ними смелые вылазки.

А часом позже командира батальона Николая Щербака накрыло в окопе вражеским танком. Помянули мы добрым словом этого храбреца и весельчака, а он, будто чудом воскресший, объявился на новом наблюдательном пункте и оттуда сообщил, что продолжает руководить боем. Выскочив из щели, Щербак автоматной очередью сразил офицера-танкиста, высунувшего голову из люка машины, и уже через минуту был среди своих солдат.

Враг бросал в бой свежие силы, пытался любой ценой добиться успеха.

Командир полка Гуняга доложил, что в первой траншее погиб почти весь взвод младшего лейтенанта Калинина, но гитлеровцев через эту траншею не пропустил. Потом здесь вступили в рукопашную схватку воины другого взвода.

В разгар боя оборвалась связь с 344-м полком. Когда ее восстановили, мне доложили о подвиге младшего сержанта Беляева. Раненный в спину, истекая кровью, он продолжал ползти вперед, пока нашел обрыв провода, устранил повреждение.

Были ранены связисты младший лейтенант Бобалев и красноармеец Батлер, но продолжали выполнять свои

обязанности до конца боя. Они быстро устраняли обрывы проводной связи наблюдательного пункта командира дивизии с командными пунктами полков, что позволяло оперативно руководить боем.

Артиллерийская батарея 76-миллиметровых орудий, которой командовал младший лейтенант Кушнырь, стояла на огневой позиции южнее высоты 143,5. Все было готово к отражению атаки фашистов.

В гуле и вое пикирующих самолетов Ю-87, в лязге и скрежете гусениц, идущих в атаку танков противника, потонули другие звуки. Земля содрогалась от взрывов мин, снарядов и авиационных бомб.

Но вот в каких-нибудь двухстах метрах от нашего переднего края вздрогнул и остановился один танк, за ним вспыхнул второй, а через несколько секунд и третий. Окутанные клубами черного дыма, они неподвижно застыли на месте. Только тут мы поняли, что это была работа батарейца Кушныря и в это время, словно в подтверждение нашей догадки, яркие языки пламени заиграли и на броне четвертого танка. Остальные восемь машин, увеличивая скорость и стреляя на ходу, еще стремительнее подходили к нашим позициям. Артиллеристы подбили еще один танк. Через минуту вражеские танки устремились и на батарею. В грохоте боя не было слышно коротких отрывистых залпов, но по тому, как часто вздрагивали небольшие 76-миллиметровые пушки, можно было догадаться, в каком темпе ведется огонь.

Кто кого? В этом неравном поединке секунды решали все.

Вот еще три танка горели на подступах к нашей батарее. Но и батарея от бомбежки, от артиллерийского и танкового огня сильно пострадала. У единственного уцелевшего орудия остался в живых лишь заряжающий. К нему и подбежал командир — офицер Кушнырь. Каких-нибудь сто метров отделяло вражеские танки от

двух советских воинов, вступивших в единоборство с бронированными машинами. Еще два подбитых танка остановились. А два уцелевших продолжали наседать.

Мне с наблюдательного пункта было видно, как один из них шел прямо на орудие, а второй стал обходить его с фланга. Положение казалось безвыходным... Однако Кушнырь не дрогнул. Он быстро повернул орудие и почти в упор выстрелил в наползавшую громадину.

В тот миг, когда Кушнырь на секунду оторвался от прицела, в орудие попал снаряд — заряжающего убило, а самого Кушныря ранило. Будто вымерло все на огневой позиции. На нее со скрежетом наползал последний из атаковавших фашистских танков. И вдруг произошло неожиданное: перед самыми его гусеницами во весь рост поднялся человек. Это был Кушнырь. С автоматом наперевес, волоча правую ногу, он шел навстречу бронированной махине. И такова была сила этого человека, что танк остановился в нерешительности и вдруг пополз назад.

Все это продолжалось несколько секунд. В невысокой, коренастой фигуре советского воина было столько величия и мужества, что тот, кто видел эту картину, невольно затаил дыхание.

Танк продолжал пятиться, потом остановился. Раздался выстрел. Офицер упал, сраженный фашистской пулей. Только после этого вражеский танк снова пошел вперед, но, не пройдя и двадцати метров, был подожжен орудийным выстрелом соседа.

Кончился день, стихла канонада, лишь на поле боя то на одном участке, то на другом закипали пулеметная стрельба или артиллерийский огневой налет по какой-либо цели. Но сильный дневной бой продолжал отдаваться эхом в голове и в ушах. Требовалось время, чтобы мозг, нервы и мышцы отдохнули от четырнадцатичасового беспрерывного грохота. Немцы ценой огромных

потерь овладели только северо-западными склонами высоты 143,5. Они дорого заплатили за этот «орешек». На участке шириною до тысячи метров на поле боя стояло 16 подбитых и 12 сожженных танков (5 из них подожгли бутылками с горючей жидкостью), 6 автомобилей—тягачей орудий, 4 орудия, 6 минометов, 4 станковых пулемета. Не менее пятисот трупов противника остались на этом участке.

Наша дивизия за 8 сентября потеряла убитыми 137 человек, ранеными 116. Соотношение убитых и раненых свидетельствовало о мужестве и стойкости личного состава, высоком воинском мастерстве. Командиры и политработники в течение дня докладывали, что легкораненые, как правило, из боя не выходили, только тяжелое ранение или смерть лишали бойцов и командиров возможности продолжать бой. Тут мы теряли воинов, прошедших славный боевой путь, по мужеству и стойкости оцениваемых в десятой степени.

9 сентября части дивизии отразили пять атак пехоты и танков противника. Но сила натиска была не та. По всему чувствовалось, что в бою восьмого сентября враг понес большие потери. Поэтому 10 сентября он вел только сильную боевую разведку, и по многим признакам было видно, что готовился к активным действиям.

11 сентября в 11 часов 30 минут вражеская пехота численностью более полка при поддержке 50 танков повела наступление в направлении совхоза «Горная поляна». Делалась попытка прорвать оборону нашей дивизии. В течение восьми часов шли ожесточенные бои. Но все атаки противника были отбиты. Враг оставил на поле боя значительное количество убитых солдат и офицеров, более десяти сожженных танков и немало другой техники. Групповым огнем стрелкового оружия был сбит самолет-бомбардировщик Ю-87.

В последующие дни противник особой активности в

полосе дивизии не проявлял, лишь периодически отдельными группами вел разведку боем. Основные же его усилия в боях за город здесь были направлены на участках Ельшанка—Купоросное.

Так как дивизия понесла большие потери, Военный совет 64-й армии решил подчинить нам Краснодарское и Винницкое пехотные училища, действовавшие как два отдельных батальона.

В ночь на 15 сентября дивизия по приказу штаба армии вышла в резерв — в район высот северо-западнее Бекетовки.

17 сентября в связи с вручением большой группе солдат и офицеров правительственных наград состоялся митинг, на котором воины клялись упорно бороться за каждую пядь советской земли и добиться полного уничтожения врага.

До 25 сентября дивизия получила пополнение. Хотя оно и было не так многочисленно, но все же позволило укомплектовать роты примерно наполовину.

За это время воины-ветераны немного отдохнули. Командиры, политработники и партийные организации знакомили новичков из пополнения с боевым опытом и традициями дивизии, старались скорее сплотить и приобщить их к нашим делам и заботам. Это позволило сделать дивизию снова готовой к активным боевым действиям.

В числе командного состава, прибывшего на пополнение дивизии, был полковник Д. А. Реутский. Когда мне доложили о нем, я заинтересовался. Реутский воевал всю гражданскую войну на Восточном фронте, был ранен, в мирные годы закончил военную академию имени М. В. Фрунзе, продолжительное время преподавал тактику на высших офицерских курсах «Выстрел». Обычная биография для человека, связавшего свою судьбу с армией. Необычным было одно: назначение Реутского на

должность командира 344-го стрелкового полка. Полками у нас командовали майоры. В дивизии, кроме меня, полковником был лишь мой заместитель по строевой части И. И. Куров. Поэтому я попросил представить мне Реутского.

Через несколько минут ко мне подошел высокого роста, крепко сложенный офицер, четко представился:

— Прибыл в ваше распоряжение на должность командира полка.

Я предложил ему сесть. Начал расспрашивать: кто он, откуда прибыл, воевал или нет, большая ли семья и где она.

— Воевал всю гражданскую войну,— ответил Реутский.— А сейчас по личной просьбе прибыл из глубокого тыла с должности преподавателя курсов «Выстрел».

— Долго ли вам пришлось ждать удовлетворения вашей просьбы?

— Долго. Но события между Волгой и Доном ускорили решение.

Он выслушал внимательно мой рассказ о боевых делах дивизии и не смутился, когда я прямо спросил:

— Что побудило вас принять должность командира полка? Изъявили желание или это не имело значения, куда пошлют?

Мой вопрос был продиктован вовсе не праздным любопытством. Доверяя полк офицеру, еще не воевавшему в этой войне, я хотел знать о нем больше, чем мог почерпнуть из анкеты.

— Были у меня три желания и все исполнились,— улыбнулся Реутский. — Настойчиво просил начальника курсов отправить меня на фронт, несмотря на нежелание моего начальства меня отпускать, своего добился. В резерве командного состава Сталинградского фронта читал в газете и слышал рассказы о вашей дивизии. Очень просил направить меня к вам. Как видите, вняли

моей просьбе. Затем...,— полковник чуть помедлил, понимая, что меня интересует несоответствие его военного образования и звания последнему назначению,—затем я просил дать мне полк. Для практического опыта бывшему преподавателю тактики именно это и надо. Если на первых порах даст о себе знать отсутствие опыта...

— Это не будет служить для вас оправданием,— поспешил я вставить фразу.

И не пожалел, что сказал так. Принял командование — неси полную ответственность за бой, который может грянуть в любой момент. Ссылки командира на «недоработки» предшественника, на нехватку опыта на войне не прощаются.

— Хорошо, товарищ Реутский, надеюсь, вы быстро втянетесь в боевую жизнь, и все пойдет нормально,— добавил я.— Не стесняйтесь лишний раз позвонить, если что будет не так.

Находясь в резерве армии, дивизия проводила несколько частных наступательных боев в особо трудные моменты обстановки в Сталинграде. В этих случаях нас активно поддерживала армейская артиллерия. В таких наступательных операциях больших территорий мы не захватывали, бои шли за отдельные опорные пункты. Однако к участку нашего наступления противник стягивал резервы, сосредоточивал танки и артиллерию, что в какой-то степени облегчало борьбу непосредственным защитникам города.

После двух-трех дней боя, с установлением относительной стабилизации обстановки, дивизия снова отходила в резерв.

5 октября около 18 часов позвонил командующий армией М. С. Шумилов и спрашивает:

— Иван Ильич, чем занимаешься?

— Сейчас думаю пить чай, товарищ командующий.

— Если чай хороший, то это приятное занятие,—

говорит Михаил Степанович.— А что бойцы дивизии делают?

— Собираются тоже ужинать, а потом и отдохнуть.

— Да, это все хорошо,— вздохнул командарм.— Но сделать надо вот что, товарищ Людников. С наступлением темноты дивизию необходимо вывести в район переправ через Волгу у Бекетовки, чтобы за ночь всю переправить на остров Сарпинский. Отдашь распоряжение и сейчас же с комиссаром приезжайте сюда и здесь на месте получите все организационные указания.

По пути в штаб армии мы с Николаем Ивановичем Титовым высказывали разные предположения по поводу столь срочного отвода дивизии. Одно лишь было ясно, что не для отдыха, а чтобы ввести в бой на другом участке фронта. Я знал, что В. И. Чуйков назначен командующим 62-й армией. Он хорошо знает нашу дивизию, и, может быть, по его просьбе нас передадут в 62-ю армию. А возможно, и в штабе фронта что-нибудь придумали для нас?.. На войне всего ожидать можно.

Начальник штаба армии полковник И. А. Ласкин вручил мне распоряжение штаба фронта: 138-я стрелковая дивизия переходит в резерв фронта, переправляется на левый берег Волги и располагается в лесах восточнее заводской части Сталинграда.

За ночь дивизия переправилась на остров Сарпинский. Части разместили в рощах, чтобы бойцы могли спокойно отдохнуть до вечера.

Утром с Н. И. Титовым мы прибыли на КП армии с докладом Военному совету о прибытии дивизии на остров. Нас приняли командарм М. С. Шумилов, члены Военного совета З. Т. Сердюк и К. К. Абрамов. Они выразили благодарность воинам дивизии за ратные дела и пригласили нас к столу. За завтраком мы выпили по чарке и затем отправились к берегу Волги на катер. Такое теплое прощание не всегда бывало. Мы это воспри-

няли как дань уважения всему личному составу дивизии за мужество и героизм. Возвратившись на командный пункт, я решил отдохнуть. Чтобы не беспокоить своих помощников, попросил оперативного дежурного разбудить меня в случае чего и уснул на походной бурке.

Но не успел проснуться, как подошел Шуба и спросил:

— Что будем делать дальше? — Печенюк и Гуняга уже по нескольку раз звонили и спрашивали по этому поводу.

— Хорошо, соберите командиров и комиссаров, чтобы всем сообщить, что будет дальше,— сказал я.

На совещании прежде всего была обрисована обстановка в Сталинграде. А она в первых числах октября была здесь чрезвычайно сложная и тяжелая. После захвата немцами Орловского выступа и заводских поселков, бои подошли непосредственно к территории сталинградских заводов. Врагу удалось также овладеть частью центра города и выйти к Волге в районе пристани Купоросное, что в значительной степени осложнило связь с левым берегом реки. Ограниченность территории, занимаемой нашими войсками, очень затрудняла организацию обороны.

Вся глубина обороны 62-й армии простреливалась артиллерией, минометами и пулеметами. Передвижение даже мелкими подразделениями было возможно лишь непосредственно вдоль берега Волги и только ночью.

Вопреки чрезвычайным трудностям соединения и части 62-й армии продолжали упорно обороняться и в ожесточенных уличных боях перемалывать живую силу и технику врага.

Рассказав о положении в Сталинграде, я сообщил собравшимся, что дивизии предстоит совершить ночной марш и сосредоточиться в районе Цыганская Заря — Рыбачий. Район сосредоточения дивизии удален от переднего края сражающихся войск в Сталинграде на 12—15 километров. Все говорило о том, что и нам, наверное, придется воевать в Сталинграде.

Это было 6 октября. Позднее я узнал, что 5 октября из Ставки Верховного Главнокомандования на имя командующего Сталинградским фронтом пришла телеграмма следующего содержания: «Требую, чтобы вы приняли все меры для защиты Сталинграда. Сталинград не должен быть сдан противнику, а та часть Сталинграда, которая занята противником, должна быть освобождена. Сталин» *.

7 октября утром в штаб дивизии приехал заместитель командующего Сталинградским фронтом генерал-майор Советников. Он весь день знакомился с тем, что в дивизии есть и в чем она нуждается. В результате подробного изучения генерал Советников пришел к выводу, что дивизия имеет мужественный, храбрый состав. Но он очень малочислен. Стрелковые роты имеют по 15—20 человек, то есть 20 процентов их штатного состава, а в артиллерийском полку только 25 процентов орудий (против нормы), средств связи настолько мало, что трудно установить связь со всеми частями, несмотря на короткие расстояния между ними. Дивизии необходимо пополнение как в людях, так и в технике. Генерал Советников выслушал все наши просьбы и перед отъездом из дивизии пообещал сегодня же доложить обо всем Военному совету фронта.

На второй день меня вызвали в отдел укомплектования штаба фронта, где сообщили о возможном пополнении. Это подняло настроение.

Отдел кадров был щедрым. Почти на пятьдесят процентов удовлетворил нашу заявку на командный и по-

* Битва под Сталинградом. Изд. Генерального штаба. 1944, стр. 54.

литический состав. Остальная часть офицеров должна прибыть с маршевыми ротами.

Сложность обстановки продолжала нарастать. Хотя мы и находились на левом берегу Волги, но расстояние, отделяющее нас от Сталинграда (всего десять километров, близость переднего края и сильных боев в городе), не выключало нас из боевой действительности, мы продолжали жить боем.

Беседую с командирами, комиссарами и начальниками штабов полков. Но особенно меня интересуют разговоры с командирами батальонов. Обстановка заставляет полагать, что нам предстоит вести ожесточенные бои в городе. Основная тема нашего разговора состоит в том, что на степных просторах между Доном и Волгой, несмотря на ожесточенность боев, управление частями и подразделениями организовать было проще, там правофланговый солдат полка мог видеть левофлангового солдата своего полка, а командир полка видел одновременно бой на всем участке полка. А в городе каждый солдат должен самостоятельно уметь воевать, так как он часто может оказываться в изоляции от своих боевых товарищей, в этом существенная и главная особенность тактики боя в условиях города.

Забегая несколько вперед, хочу рассказать о сержанте Иване Злыдневе из 344-го стрелкового полка, начальнике гарнизона второго этажа одного из домов. При моем посещении этого гарнизона он доложил:

— Начальник гарнизона сержант Злыднев.

— А где же ваш гарнизон?

— Товарищ полковник, утром в моем гарнизоне нас было три человека. Но после десятой атаки я остался один, двоих раненых перенес в подвальное помещение дома. Их оттуда эвакуировали на медпункт. Но оружие раненых осталось в бою. Видите, вон там ручной пулемет, а вон там винтовка,— показал мне сержант,— у

меня автомат. И в зависимости от того, откуда и какой силы пойдет противник, я веду огонь из пулемета, винтовки или автомата. Пусть противник думает, что наша огневая позиция не обессилена и гарнизон всегда готов к бою.

Вот это и есть пример правильной тактики городского ближнего боя и стойкости советского воина.

* * *

Сегодня был в 344-м стрелковом полку. Им уже больше полумесяца командует полковник Д. А. Реутский.

— Ну, как дела, Дмитрий Александрович? Что нового и каково настроение командира полка?

— Новое для меня то, что я, кажется, понял мои обязанности командира полка в настоящей войне и думаю, что дальше все пойдет лучше. Что же касается моего настроения, то оно определяется настроением воинов. Я хорошо познакомился с людьми, они имеют отличную боевую практику, стойко держат себя в бою, у всех бодрое настроение, непреклонная вера в нашу победу над фашизмом. Прислушиваясь к тому, что творится в Сталинграде, ветераны-солдаты, улыбаясь в «гвардейские усы», говорят: «Если нам будет дано право оборонять Сталинград, мы постараемся вывернуть фрицам души наизнанку». Точно такое настроение и у меня. Одно только неважно — людей в полку маловато, необходимо пополнение.

— Да, народ у нас замечательный, когда вы получите пополнение, надо организовать так воспитательную работу по передаче боевого опыта, чтобы новички в короткий срок усвоили и впитали боевые традиции дивизии и стали такими же, как и наши «старые» воины.

Когда возвратился в штаб дивизии, Василий Ивано-

вич Шуба доложил, что получено распоряжение штаба фронта приготовиться к приему пополнения. Первая партия в несколько маршевых рот прибудет уже этой ночью.

— А наряды на оружие есть? — поинтересовался я.

— Пока нет,— ответил подошедший Тычинский.

— Надо немедленно и активно хлопотать оружие,— сказал я ему.— Здесь обстановка сложней той, которая была на Дону, и нехватка оружия может создать для дивизии большие неприятности. А вам, товарищ Шустов,— сказал я своему заместителю по тылу,— ко времени прибытия пополнения надо подготовить хороший обед. Неважно, что он будет даже в середине ночи. Дать каждому по сто граммов фронтовых. И обязательно курево, нашей русской махорки, она лучше греет.

— Товарищ полковник, мы же сейчас не на передовой,— взмолился прижимистый Шустов.— И такая роскошь не положена.

— Знаю, знаю, что не полагается, а вот пополнение нужно принять достойно. К тому же, говорят, у вас есть кое-какой запасец. Вот и растрясите его.

Утром, после короткого доклада начальника штаба дивизии о составе пополнения, я предложил комиссару дивизии поехать поговорить с прибывшими людьми. По предварительным данным, пополнение ожидалось хорошее. Люди были в боях и в маршевые роты попали после излечения в госпиталях. Но некоторые были недавно призваны, и что такое война по-настоящему не представляют.

Встретившись с вновь прибывшими, я прежде всего поинтересовался, как их приняли.

— Приняли, что надо,— раздалось в ответ несколько голосов,— хорошим обедом угостили. И даже с водкой. Видать, хороший у вас порядок, о людях забота есть.

— Но мы и воевать требуем по-настоящему,— сказал я,— и держать на высоте славные традиции дивизии. А вы, видимо, уже знаете, в какую дивизию пришли. О воинах нашей дивизии месяц тому назад писала в передовой статье газета «Красная звезда».

Вперед выступил один бывалый с виду солдат и попросил слова.

— Товарищ полковник, нам еще в запасном полку подробно рассказывали об обстановке в Сталинграде и о вашей, а теперь, стало быть, и о нашей дивизии. И насчет нас можете не сомневаться, не посрамим чести прославленной дивизии. И обстановка такая, что надо бить и бить вражину так, чтобы он и ноги отсюда не унес.

За день до получения приказа штаба фронта о переходе дивизии в состав войск 62-й армии к нам прибыл командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник Андрей Иванович Еременко. В беседе с личным составом он подробно обрисовал серьезность обстановки на фронте и особенно в городе, на отдельных примерах показал, как героически сражаются солдаты 62-й армии.

— О вашей дивизии у Военного совета фронта тоже хорошее мнение,— сказал он.— Мы знаем, что воины дивизии крепко били врага. А вы,— адресовался командующий к пополнению,— народ крепкий. Надеюсь, что также будете хорошо воевать. Какое у вас мнение, товарищ Людников?

— Личный состав хороший и воевать будет хорошо, товарищ генерал-полковник. Но у нас есть и одно «но»: дивизия воевала на степных просторах, а сейчас нам придется воевать в городе, надо в ходе боя научиться всем, в том числе и командиру дивизии, вести ближний бой в условиях города.

— Вы правильно понимаете свою задачу, к этому

надо готовиться,— заключил беседу генерал-полковник А. И. Еременко.

С прибывшим пополнением командиры частей и подразделений организовали учебу по ведению ближнего боя в условиях города. Политработники и партийные организации дивизии проводили большую работу по передаче боевого опыта. В беседах с прибывшими солдатами и офицерами назывались имена героев, отличившихся в недавних боях на пути к Сталинграду. А начальник штаба В. И. Шуба уже готовил всевозможные варианты переправы через Волгу в осажденный город.

НА „БАРРИКАДАХ"

14 октября 1942 года в районе Сталинградского тракторного завода развернулись ожесточенные бои. Утром после мощной артиллерийской и авиационной подготовки противник перешел в наступление. На направлении главного удара на участке около пяти километров наступали пять гитлеровских дивизий, в том числе две танковые. В этот день вражеская авиация произвела более двух тысяч самолето-вылетов, на район тракторного завода было сброшено свыше пяти тысяч тонн бомб. Бомбежке подвергались огневые позиции артиллеристов на левом берегу Волги и заволжские дороги, идущие к переправам 62-й армии.

Атаки врага следовали одна за другой. Противник, не считаясь с большими потерями, во что бы то ни стало стремился захватить тракторный завод. 15 октября бои в Сталинграде и особенно в районе тракторного завода не прекращались ни днем, ни ночью. Лишь ценой огромных потерь в живой силе и технике гитлеровцы к

исходу дня захватили тракторный завод и вышли в этом районе к Волге, отрезав от главной группировки 62-й армии в районе Рынка группу войск под командованием полковника С. Ф. Горохова.

Захватив тракторный завод и прилегающий к нему район, немецкое командование направило основные усилия своих войск на то, чтобы развить наступление вдоль Волги на юг и ударить по флангу войск 62-й армии, разгромить ее основные силы и овладеть городом.

Немецкий генерал Ганс Дёрр так описывает обстановку, сложившуюся для немецкого командования в районе Сталинграда к 14 октября:

«Путь к этой полосе (100-метровая прибрежная полоса р. Волги) лежал через районы города, промышленные предприятия и железнодорожные сооружения, которыми необходимо было овладеть; их сопротивляемость благодаря характеру местности, оборудованию позиций, боевым качествам личного состава и вооружению оборонявшихся войск была настолько сильной, что сил 6-й армии никогда не хватало для того, чтобы атаковать эти два объекта. Эти тяжелые условия тогда не сразу были учтены, они полностью выявились лишь в ходе боев. 14 октября началась самая большая в то время операция: наступление нескольких дивизий (в том числе 14-й танковой, 305-й и 389-й пехотных дивизий) на тракторный завод. Со всех концов фронта, даже с флангов войск, расположенных на Дону и в калмыцких степях, стягивались подкрепления, инженерные и противотанковые части и подразделения, которые были так необходимы там, где их брали. Пять саперных батальонов по воздуху были переброшены в район боев из Германии. Наступление поддерживал в полном составе восьмой авиакорпус. Наступавшие войска продвинулись на два километра, однако не смогли полностью преодолеть сопротивление трех русских дивизий, оборонявших завод

(37-я гвардейская стрелковая дивизия, 95-я и 112-я стрелковые дивизии), и овладеть отвесным берегом Волги. Если нашим войскам удавалось днем на некоторых участках фронта выйти к берегу, ночью они вынуждены были снова отходить, так как засевшие в оврагах русские отрезали их от тыла»*.

Хотя наша 138-я дивизия и находилась на левом берегу Волги, мы были не безучастны к тому, что творилось в городе. По активным действиям авиации противника и сильной артиллерийской канонаде с обеих сторон мы непосредственно ощущали темп боя и особо жаркие его районы.

Утром 15 октября дивизия получила приказ командующего Сталинградским фронтом быть готовой к переправе в город в состав войск 62-й армии. А через несколько часов последовал приказ генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова:

«Командиру 138-й стрелковой дивизии немедленно по тревоге поднять один полк и в полном составе не позднее 5.00 16 октября 1942 г. переправить на западный берег р. Волги».

По тревоге был поднят 650-й стрелковый полк майора Ф. И. Печенюка. Оружие и боеприпасы взяли из других подразделений, чтобы полк, идущий первым в бой, обеспечить полностью.

Противник подвергал бомбежке все дороги, идущие к переправам 62-й армии, поэтому полк Печенюка начал марш к переправе с наступлением темноты. Враг держал переправу 62-й армии под артиллерийским обстрелом, а ночью огневым налетам подвергались прилегающие к переправе участки. Поэтому полк переправлялся под сильным артиллерийским и минометным огнем врага.

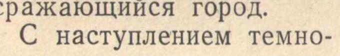
* Г. Дёрр. Поход на Сталинград, стр. 57.

К утру полк Печенюка переправился и с ходу вступил в бой.

С этим полком переправился заместитель командира дивизии Иван Иванович Куров, старший лейтенант Владимир Коноваленко и управление артиллерийского дивизиона артиллерийского полка. А 295-й артиллерийский полк занял позиции на левом берегу Волги и был готов поддержать огнем полк Печенюка. К утру 16 октября все части дивизии сосредоточились в районе юго-западнее хутора Старенький и приготовились к переправе в сражающийся город.

Владимир Коноваленко.

С наступлением темноты к местам погрузки подошла 44-я бригада Волжской военной флотилии. Бронекатера и два моторных парома начали переправу полков Гуняги и Реутского.

Путь в Сталинград был коротким, но сложным. Над Волгой в ночной темноте кружил «фокке-вульф», сбрасывая на парашютиках «фонари». Вспыхивали ракеты, освещая зеркальную гладь реки. Мы на виду у противника. Он ведет интенсивный огонь по району переправы. Всем не терпится скорее добраться до берега. На земле пехотинец твердо стоит на ногах. Там он может перебегать, маскироваться, окапываться. Другое дело — на воде и под огнем. Муторно становится на душе, когда по

тебе бьют, а ты сидишь в трюме баржи, сжав винтовку или автомат.

Некоторые новички нервничают, сужу об этом по обрывкам разговоров:

— Почему так медленно?

— Будто на месте стоим...

— Этак им недолго накрыть огнем... И не за понюх табаку...

— Не хнычь. На то Волга, чтоб плыть по ней долго.

Солдату тягостно молчать.

Во время этого разговора показалось, что веселее затарахтел мотор бронекатера. Носовая его часть скоро поползла по отмели берега. Послышалась команда:

— Вылезай!

Первый эшелон штаба дивизии переправился совместно с подразделениями полка Гуняги. Меня встретил старший лейтенант Владимир Коноваленко, чтобы провести на командный пункт 62-й армии.

Набережная Волги представляла собой хаотическое нагромождение всевозможных станков и другого заводского оборудования, которое не смогли до критической обстановки эвакуировать. Валялись разбитые и горящие вагоны, тут же догорала баржа, уткнувшаяся носом в берег, большое количество искореженного бомбами и снарядами металла. Повсюду видны следы больших разрушений, земля сплошь изуродована воронками от взрывов. Несмотря на все это и на непрерывный огонь противника, вдоль обрывистого берега наблюдалось большое оживление: сюда подходило пополнение, шло снабжение всех видов, отсюда организовывали эвакуацию раненых.

У входа в штольню, где располагался командный пункт 62-й армии, меня встретил полковник И. И. Куров. Коротко доложил о том, как ведет бой полк Печенюка.

...Время начисто стирает и те следы войны, которые

надо было сохранить для будущего. Ветры да дожди изменили контуры обрывистого берега Волги у нижнего поселка завода «Баррикады», и блиндаж-штольню подрезало волжским разливом и засыпало землей, а земля поросла травой. Теперь мы уже с трудом определяем его контуры и мысленно воскрешаем картину этого сооружения*.

Строили блиндаж-штольню для дирекции завода в самые грозные дни лета сорок второго года. Отсюда, как с командного пункта, шли приказы по цехам: кому оставаться у станков, кому уходить на фронт. А фронт был рядом. Связные мчались в штольню со сводками о количестве оружия, изготовленного в цехе, и с боевым донесением рабочего отряда истребителей фашистских танков.

Завод эвакуировался, штольню-блиндаж занял штаб 62-й армии, а потом — штаб 308-й стрелковой дивизии сибиряков полковника Л. Н. Гуртьева. Принимая штольню-блиндаж от штаба 62-й армии, мы не предполагали, что в считанных метрах отсюда разгорятся ожесточенные схватки с гитлеровцами.

Пядь приволжской земли, где сражались рабочие завода «Баррикады» и воины дивизии, обозначена ныне памятниками. Солдатское спасибо за это от тех, кто воевал, кто насмерть стоял на позициях «Баррикад». И все-таки жаль, что нет блиндажа-штольни...

Недавно, собирая материал для этой книги, я еще раз побывал на том месте, где был командный пункт дивизии и весь участок обороны, и зримо представляю этот блиндаж. Здесь же, на берегу Денежной Воложки, и старая заводская водокачка — свидетель былых сражений, а там вот и блиндаж нашего «Ролика», о котором я

* Макет блиндажа-штольни мы сделали и передали в музей завода «Баррикады».

еще расскажу. В блиндаже-штольне бывал командующий фронтом и сюда же прибегал солдат с переправы, чтобы согреться и просушить обмерзшее обмундирование.

...Старший лейтенант Владимир Коноваленко, сопровождавший меня, остановился перед одной из комнат блиндажа:

— Здесь Военный совет 62-й армии, сюда прибыл командующий фронтом генерал-полковник Еременко, с ним еще один генерал-лейтенант.

— Ну, хорошо, я пойду представиться командарму, а вы начинайте облюбовывать местечко, где нам расположиться, и немедленно связывайтесь с полками.

Попросил разрешения войти к командующему армией в комнату штольни.

В комнате за столом над картой сидели командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А. И. Еременко, заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов, командующий 62-й армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков, член Военного совета 62-й армии дивизионный комиссар К. А. Гуров, начальник штаба армии генерал-майор Н. И. Крылов. В ответ на мой рапорт: «Товарищ генерал-полковник, командир 138-й стрелковой дивизии полковник Людников прибыл в распоряжение командующего 62-й армией», несколько секунд длилось абсолютное молчание. Мне показалось, что я вошел некстати. В это время, видимо, делались выводы из создавшейся очень сложной обстановки, и мне представилось, что все эти большие начальники думали о том, как лучше ответить на поставленный обстановкой вопрос.

Генерал-полковник Еременко наконец сказал:

— Товарищ Людников, переправившись в Сталинград, вы должны сразу же понять, что противник здесь сосредоточил большие силы и не считается с огромными

потерями в живой силе и технике для того, чтобы сбросить нас в Волгу. Но наши доблестные воины героически сражаются за каждый метр родной земли. Вашей дивизии надо драться так, чтобы не сдать город.

— Задача понятна, товарищ генерал-полковник!

Николай Иванович Крылов предложил идти за ним, чтобы познакомить меня с обстановкой в полосе армии. Тут же мне был вручен приказ Военного совета 62-й армии — 138-й стрелковой дивизии на оборону.

Первый приказ Военного совета 62-й армии гласил:

«Штаб 62, 16 октября 42 года 23.00.

1. Противник занял Сталинградский тракторный завод, развивает удар от СТЗ к югу вдоль железной дороги и стремится захватить завод «Баррикады».

2. 62-я армия продолжает удерживать занимаемый рубеж, отбивая яростные атаки противника.

3. 138-й Краснознаменной стрелковой дивизии к 4.00 17.10.42 г. занять и прочно оборонять рубеж: южная окраина Деревенск, Скульптурный (кварталы и парк в верхнем поселке завода «Баррикады».— *И. Л.*), не допустить выхода противника в район проспекта Ленина и завода «Баррикады».

650-му стрелковому полку Печенюка занять территорию завода «Баррикады», создать в нем сеть опорных пунктов и не допустить проникновения противника на завод.

Командующий 62-й армией
генерал-лейтенант *В. Чуйков*

Член Военного совета
дивизионный комиссар
К. Гуров

Начальник штаба
генерал-майор *Н. Крылов*»

Тут же генерал Крылов объяснил, как осуществить взаимодействие с дивизиями, действующими в этом рай-

оне, и организовать связь, предупредил, что командный пункт армии из этой штольни через два-три часа уйдет южнее завода «Красный Октябрь».

— Командный пункт вашей дивизии будет здесь, совместно с командным пунктом 308-й стрелковой дивизии полковника Гуртьева, — закончил Крылов.

Владимир Коноваленко встретил меня и доложил, что подполковник Шуба налаживает управление, но полностью оно будет организовано с уходом штаба армии. Связь с полком Печенюка уже есть.

Полк Печенюка уже сутки в бою, но обстановка вынудила его сражаться не там, где это определялось приказом. Такое бывает нередко, когда смена частей происходит под воздействием атакующего противника.

— Здравствуйте, товарищ Печенюк, как идут дела?— спросил я, связавшись по телефону. — Что нового в обстановке?

Командир полка подробно доложил и коротко высказал свои предположения о том, как могут развиваться события на его участке. Меня интересует, как бьется полк на новом фронте.

— Жарко тут, — слышу голос Печенюка. — Деремся, как на 74-м разъезде.

Этого мне было достаточно, чтобы понять, что полк дерется хорошо. У железнодорожного разъезда 74-й километр, между Котельниково и Сталинградом, 650-й полк показал образец стойкости.

Отдав распоряжения по организации управления и выхода частей на боевые рубежи, я поспешил встретиться с Леонтием Николаевичем Гуртьевым, чтобы лучше понять и усвоить очень сложную обстановку на этом боевом участке. Но меня и другое тянуло к нему.

Шестнадцать лет назад начальник штаба 37-го стрелкового полка Л. Н. Гуртьев подписал мне, командиру 3-й пулеметной роты, предписание убыть во Владикавказское пехотное училище на должность командира взвода курсантов. И вот встреча в бою. На мое — «Прошу разрешения», получил ответ: «Войдите».

Командир 308-й стрелковой дивизии полковник Л. Н. Гуртьев.

Войдя в блиндаж, я на мгновение остановился; над картой при свете «катюши» («катюша» — коптилка из гильзы 45-мм снаряда) сидел, сосредоточившись, полковник, и только когда я представился: «Командир дивизии полковник Людников», Леонтий Николаевич быстро поднялся. Мы обнялись и расцеловались по-дружески, по-боевому тепло и сразу же перешли к разбору сложности создавшейся обстановки.

Дивизия Гуртьева пришла из Сибири прямо на Сталинградский фронт. Она упорно ведет бой, но быстро тает. Раненых мало, главным образом, убитые. В ротах осталось очень мало людей.

— Хорошо, что твою дивизию переправили, — говорит Леонтий Николаевич, — и нам будет легче. Я сегодня наблюдал, как сражается полк Печенюка, который сегодня на рассвете вступил в бой. Народ дерется хорошо, чувствуется боевая закалка.

При всей неустроенности в блиндаже, Леонтий Николаевич предложил мне чашку чаю. За чаем вспомнили

кое-кого из старых сослуживцев, друзей и товарищей, в частности, командарма И. М. Чистякова, бывшего в свое время командиром пулеметной роты, командира танковой бригады полковника Белого, который здесь же, в Сталинграде, воюет. В нашем полку он был командиром стрелкового взвода.

Наша дивизия закончила переправу к часу ночи 17 октября. Командиры полков Реутский и Гуняга встретились с командирами сменяемых частей, но они не могли сдать свои участки, так как разрозненные группы их частей, находящиеся в строениях, невозможно было найти в темноте, чтобы сменить их. К утру смену полностью закончить не удалось. В сложившейся обстановке части дивизии не успели до наступления дня хорошо организовать систему огня и взаимодействие внутри частей и с соседями, а смененные подразделения 95-й и 308-й стрелковых дивизий к утру не полностью отошли на новые позиции. Таким образом, получилось вынужденное перемешивание частей и подразделений, что всегда создает путаницу, трудности в управлении.

Едва рассвело, авиация противника начала бомбить боевые порядки дивизии, включая огневые позиции артиллерии за Волгой. Вражеские орудия открыли огонь на всю глубину обороны, а также и остров Зайцевский. Противник перешел в наступление, нанося главный удар на завод «Баррикады» с направления тракторного завода 305-й пехотной и 14-й танковой дивизиями, а с запада — через верхний поселок завода «Баррикады» — 94-й пехотной дивизией. В начавшемся сражении полки Гуняги и Печенюка успешно отражали сильные атаки пехоты и танков. К 13 часам 30 минутам противник, не добившись успеха, ввел новые силы. Полк пехоты, поддержанный 12 танками, повел наступление вдоль берега Волги на правый фланг полка Гуняги, а до полка пехоты с 14 танками атаковали полк Печенюка. Вдоль железной

дороги со стороны тракторного завода вражеские танки ворвались в боевые порядки полка, пытаясь овладеть заводом «Баррикады».

Обстановка резко ухудшилась. Созрело решение нанести ответный удар по атакующему противнику. Выполнить эту задачу поручили полку Реутского. Контратаку должен был начать лучший в полку батальон капитана И. Немкова.

Противник, узнав о наших намерениях контратаковать его, перед самой атакой совершил сильный артиллерийский огневой налет. Над полем боя появились самолеты-пикировщики Ю-87. Связь с батальоном Немкова оборвалась. Несколько снарядов разорвалось в районе наблюдательного пункта Реутского. Это произошло за две-три минуты до того, как был отдан приказ атаковать врага.

Полковник Реутский взял в руки автомат.

— Идемте к Немкову! — сказал он адъютанту.

Снаряд разорвался у наблюдательного пункта в тот момент, когда Реутский уже собирался идти к Немкову, мелкими осколками снаряда Реутский был ранен в лицо. Только необычайная сила воли позволила ему, раненому и контуженному, подняться на ноги. Он ничего не видел. В ушах стоял пронзительный звон. Адъютант вложил в руку командира полка телефонную трубку и тот понял, что связь с батальоном Немкова восстановлена.

— Слушай меня, Немков! — хрипло пробасил Реутский. — Передаю приказ «Первого». Это и мой приказ: поднимай батальон в атаку, наступай на северо-восточный угол завода «Баррикады». Вперед, Немков!— Трубка выпала из рук полковника, а сам он повалился на землю. Хорошо организованный подполковником Тычинским артиллерийский огонь и огонь катюш поддержал контратаку полка. Полк энергично провел контратаку, остановил противника, а потом и отбросил его. Враг не-

4 Заказ № 160

сколько раз сосредоточивал массированный огонь, пытался остановить контратаку 344-го полка, но это ему не удавалось. Батальон капитана Немкова, проявив мужество и отвагу, задачу выполнил. Ожесточенный бой, первый бой дивизии в городе, продолжался до наступления темноты, а потом постепенно стал утихать. Дивизия удержала занимаемые позиции, выдержала первый экзамен стойкости в городском сражении.

Помощник начальника оперативного отделения Петр Гулько доложил, что пост ПВО на командном пункте дивизии зафиксировал, что в этот день нашу дивизию и наших ближайших соседей бомбили в общей сложности 650 самолетов противника.

Врачи с перевязочного пункта доложили, что Реутский ранен тяжело, по всем признакам он будет полностью слеп.

— Василий Иванович, распорядитесь, чтобы Реутского немного задержали с эвакуацией, пойду с ним поговорить, — предупредил я Шубу. — Полком временно будет командовать начальник штаба полка капитан Н. Маслов.

Около 23 часов мои заместители и я сели обедать. До этого не было ни времени, ни аппетита. А потом подвели итоги, что произошло за день обороны дивизии в городе. Из тщательного анализа обстановки следовал основной вывод: противник действовал крупными силами, но несмотря на это, ему удалось лишь немного потеснить полки Гуняги и Печенюка, полк Реутского хорошо контратаковал, командный состав четко руководил боем и показывал пример мужества. Личный состав и новое пополнение, даже те, кто первый раз были в бою, стойко сражались, не дрогнули. А это главное. Ведь первый бой в городских условиях! Следующий будут вести увереннеи. До утра необходимо решить все детали оргазации системы огня и взаимодействия, все, что не было полностью сделано в прошлую ночь.

— Сергей Яковлевич, — обратился я к Тычинскому, — командиры артиллерийских дивизионов и батарей должны быть на наблюдательных пунктах батальонов и рот. В городе надо дать им больше самостоятельности в ведении артиллерийского огня, чтобы всякую попытку атаки противника пресекать в зародыше. Командирам частей следует в эту же ночь на местности определить границы батальонных узлов сопротивления и ротных опорных пунктов с максимальным использованием зданий. Штабу дивизии, Василий Иванович, надо тоже принять в этом участие, — сказал я Шубе. — Каждый опорный пункт должен быть нанесен на нашу карту. На командном пункте надо иметь местных заводских работников, чтобы они помогали нам своими консультациями по системе заводских зданий и подземных коммуникаций.

Основные решения по обстановке были приняты. Я имел несколько минут времени и собрался идти к Реутскому.

В землянке, на берегу реки Денежная Воложка, перевязочный пункт. Меня встретил старший врач полка и доложил, что полковник Реутский ранен тяжело, у него вытекли глаза.

— Можно с ним разговаривать?

— Он в очень тяжелом состоянии, но в сознании.

Я подошел к полковнику Реутскому, слегка обнял его:

— Как дела, Дмитрий Александрович? Как себя чувствуете?

— Товарищ комдив, а вы правду ответите? Полк выполнил свою задачу? — забеспокоился Реутский.

— Да, Дмитрий Александрович, полк задачу выполнил успешно. Сейчас он занимает тот рубеж, который должен был занять в результате контратаки.

— Спасибо, товарищ комдив, за ваше известие, теперь мое настроение поднимется, несмотря на сильную боль. Жаль, очень жаль, что не могу биться с лютым врагом.

— Дмитрий Александрович, большое вам спасибо от личного состава и от командования дивизии. Желаем скорого выздоровления, возвращения в строй и непременно к нам. Командование дивизии будет ходатайствовать о награждении вас орденом Красного Знамени.

— После ваших добрых слов мне кажется, что я скоро буду в строю, — сказал при прощании Реутский.

Ночью противник изменял тактику обстрела на Волге. Если днем он вел огонь из артиллерии, минометов и наносил бомбовые удары по районам переправ, то ночью он производил огневые налеты, захватывая переправы и большие участки, прилегающие к переправам, по зеркалу реки. Эвакуация раненых была делом довольно сложным, редко обходилась без жертв. Поэтому начальнику санслужбы дивизии были даны указания доложить, когда полковника Реутского доставят на левый берег Волги...

Двадцать лет спустя я прочел в «Литературной газете» очерк о человеке, который остался в строю наперекор тяжкому недугу. Газета рассказывала о подвиге героя Сталинградской битвы, который стал одним из лучших партийных пропагандистов Киева, о слепом полковнике в отставке Дмитрии Александровиче Реутском. Потом было опубликовано письмо из города Жданова рабочего Леонида Зайцева, в котором говорилось: «Если только товарищ Реутский согласен, то я ему, патриоту нашей любимой многонациональной Родины, готов отдать один свой глаз».

...В ночь на 18 октября в частях дивизии интенсивно велись инженерные работы, окопы доводились до полного профиля, приспосабливались к оборне здания, на направлениях возможных атак танков обширные площади минировались, строились железно-земляные точки (железа у нас было достаточно, а леса не было), строились командные и наблюдательные пункты. Все эти мероприятия в значительной степени усилили оборону дивизии.

Ведение боя в городе в первый день потребовало внести новое в организацию и метод разведки. Ее надо было вести мелкими группами или парами.

— Василий Иванович, надо отобрать хороших разведчиков, поговорить с ними по душам и определить способности и возможности каждого,— предупредил я начальника штаба.—Задание должны ставить им лично вы и майор Батулин. Так же лично выслушивать их сообщения, а если данные разведки окажутся важными, то присылать разведчиков ко мне для личного доклада.

Через день-два у нас уже появились разведчики, способные вести разведку индивидуально и в паре, такие как Коля Петухов, Николай Морозов, Александр Пономарев, Григорьев.

Семнадцатого октября противник в атаках на завод «Баррикады» понес большие потери, но желаемых результатов не получил. С утра восемнадцатого активности не проявлял, но по всем признакам и данным разведчиков, в районе Силикатного сосредоточил до 20 танков. «Рама» назойливо кружилась все время над боевыми порядками дивизии. В 11.30 противник начал артиллерийскую подготовку по нашим боевым порядкам, захватывая и остров Зайцевский, а авиация группами самолетов Ю-87 принялась бомбить все вокруг, в том числе и позиции артиллерии на левом берегу Волги. Для большей точности, чтобы исключить попадание по своим, авиация противника заходила бомбить с наших тылов. При этом особо ожесточенной бомбардировке подверглись коммуникации на берегу Волги, под обрывом, включая и перевязочные пункты с ранеными.

В одном из блиндажей от прямого попадания бомбы было убито около сорока человек раненых. К 12 часам около 150 самолетов противника сбросили до пятисот тонн бомб на завод «Баррикады» и прилегающий к нему район.

В 12 часов до батальона пехоты с 12 танками при сильной артиллерийской и авиационной поддержке атаковали боевые порядки полка Печенюка. Атака была встречена сильным огнем и отбита.

По показанию захваченных пленных, перед полком Печенюка действовала 305-я пехотная дивизия тремя пехотными полками (576-й, 577-й и 578-й) при поддержке 20—25 танков. За 17 октября наша дивизия понесла значительный урон в живой силе, и в ротах теперь насчитывалось по 20—50 человек.

18 октября благодаря активным действиям полк Гуняги и 344-й полк улучшили свои позиции и к концу дня вышли на трамвайную линию северо-западного угла завода «Баррикады».

В ночь на 19 октября я со старшим лейтенантом Коноваленко обошел все полки, был в батальонах капитана Н. Щербака и старшего лейтенанта Бербешкина. Как и командир батальона И. Немков, они опытные и храбрые офицеры. За двое суток боевых действий личный состав батальонов приобрел некоторую практику ведения боя в условиях города. Я еще раз убедился и в том, что 344-му стрелковому полку требуется командир. Заместитель, который временно командует полком, не «тянет». Дивизия воюет силами своих полков, ее успех во многом зависит от личных качест командиров полков. Майор Ф. И. Печенюк, командир 650-го полка, выделяется храбростью, обладает бесценной на войне интуицией, которая помогает принимать смелые решения и осуществлять их. Майор Г. М. Гуняга, командир 768-го, в отличие от Печенюка чрезмерно осторожен, однако его

трезвая расчетливость в обороне положительно сказывается на действиях полка.

Дивизии предстоят тяжелые бои. Здесь, на «Баррикадах», от нас потребуется железная стойкость при защите рубежей, дерзость в контратаках, умение приспосабливаться к новым необычайным условиям.

Есть у меня на примете один офицер, который в храбрости не уступит Печенюку и в расчетливости — Гуняге. Это знающий человек, хорошо впитавший в себя опыт войны, скромный, храбрый. В некоторых случаях говорят: «От него так и пышет храбростью». Но не всегда с внешне показной храбростью уживается истинная храбрость. В большинстве случаев храбрость живет в спокойном, грамотном, расчетливом воине. Он идет на выполнение задания, заранее предвидя все возможные неожиданности, и учитывает их. И такие воины, как правило, побеждают. К этой категории воинов относился и старший лейтенант Владимир Коноваленко. Поэтому я и думал назначить его командиром 344-го стрелкового полка, но решил еще проверить свои мысли, повременить с объявлением решения два-три дня. Он, правда, еще молод, и воинское звание у него небольшое. Интересно, что скажут мои заместители, когда предложу этого офицера на должность командира 344-го полка?

19 октября. Дивизия четвертый день ведет бой в городе, активно отбивая многочисленные атаки противника. В этот день при отражении атак захвачено двое пленных, пять станковых и восемь легких пулеметов, два миномета, 17 автоматов и двести винтовок. Это оружие убитых или тех, кто бросал его при бегстве под сильным ударом наших частей. Понеся большие потери в живой силе и технике, противник от массированных атак отказался и перешел к действиям отдельными отрядами, вел интенсивный огонь артиллерией, особенно часто рыкали шестиствольные минометы. Самолеты-пи-

кировщики Ю-87 группами по 9—12 машин весь день бомбили боевые порядки дивизии. Особенно сильной бомбежке подвергся полк Печенюка. Вечером в разговоре с ним я спросил, каков итог дня.

— Все атаки отбили хорошо, но от авиации покоя не было. Думал, сегодня не придется и пообедать, но ничего, пока все в порядке. Сейчас сяду поем...

В районе завода «Баррикады» мы дрались сто дней и ночей, а с 11 ноября и до конца декабря были отрезаны от основной группировки 62-й армии. Перед фронтом и на флангах до берега Волги — враг, позади — река, которая все время под огнем противника. Переправиться к нашей дивизии мог только тот, кто отваживался плыть под перекрестным огнем немецких пулеметов, автоматов и снайперских винтовок. В те дни (это отмечает в своих мемуарах В. И. Чуйков) о защитниках «Баррикад» в газетах не писали — ни один корреспондент не мог пробраться к нам.

В архиве Министерства обороны СССР 138-я стрелковая дивизия за этот период представлена малым количеством документов. Мы испытывали нужду не только в боеприпасах и продуктах питания. Бумаги не было тоже, да и, признаться, некогда было писать. Однако я постараюсь представить читателю ход событий до некоторой степени в хронологическом порядке. Хроника боевых действий на «Баррикадах» незабываема, ибо в каждом факте, в каждом эпизоде, сохраненном памятью, проявился характер воина, сражавшегося на земле сталинградской.

...Меня беспокоила обстановка в 344-м полку, поэтому я чаще бывал в его подразделениях.

— Ну, Коноваленко, куда пойдем? — спросил я однажды Владимира.

— Если не возражаете, товарищ полковник, в батальоны Щербака и Бербешкина.

Я так и думал, что старший лейтенант Коноваленко предложит начать осмотр переднего края именно с 344-го полка. Ранение полковника Реутского очень сильно взволновало Владимира. Я слышал, как старший лейтенант доказывал своему начальнику, майору Рутковскому, что беда миновала бы Реутского, будь он, Коноваленко, в 344-м полку.

— Скажи, какой ангел-хранитель,— усомнился тогда Рутковский.

— Не в том дело! — горячился обычно спокойный Коноваленко.— Я раньше других переправился на этот берег, изучил обстановку и знал, где можно оборудовать хороший наблюдательный пункт командира полка.

— Какая же тут особая обстановка? — допытывался Рутковский.

— А такая, товарищ майор, что надо сближаться с противником до расстояния броска гранаты. Тогда его авиации и артиллерии заказано бить по нашему переднему краю — своих поразят.

Помощники Рутковского, капитан Гулько и старший лейтенант Коноваленко, по моему заданию уже облазили передний край каждого полка, докладывали мне и начальнику штаба свои наблюдения и выводы, и я убедился, что они правильно понимают обстановку и характер предстоящих боев. Поэтому я и взял Коноваленко сопровождать меня в полки, чтобы посмотреть, как оборудованы опорные пункты, узлы сопротивления, наблюдательные пункты, как организована связь между ними, а заодно лишний раз присмотреться и к самому Владимиру.

Фронт дивизии изогнулся, рассекая цеха завода и улицы Нижнего поселка. Против нас продолжают действовать две пехотные дивизии и танки 14-й танковой дивизии. Изрядно потрепанная в прошедших боях, она, однако, еще располагает сорока танками, а у нас — ни

одного. Вся надежда на «бога» войны — артиллерию, которой управляет грамотный и храбрый артиллерист Сергей Тычинский.

Дивизионная и поддерживающая нас армейская артиллерии сыграли большую роль в оборонительных боях за завод «Баррикады». Прошла неделя со времени переправы, и, хотя враг топчется на месте, бои с каждым днем принимают все более ожесточенный характер. Вот что записано в моем дневнике за 25 октября:

«С шести часов утра самолеты-пикировщики Ю-87 бомбили боевые порядки дивизии. Противник атакует танками. В образовавшиеся разрывы между полками пришлось ввести очень малые резервы, чтобы восстановить положение.

В 13.00 отбита сильная атака на полк Гуняги. Через два часа — повторная атака танками и пехотой. Противнику удалось овладеть красным домом, гарнизон этого дома погиб. Вечером и в полночь противник продолжал атаки. 1-й батальон 344-го полка выдержал двухчасовой бой.

Докладывал подробно обстановку командарму Чуйкову. Василий Иванович в конце разговора сказал: «Понимаю, что вам туго, но именно сейчас во что бы то ни стало надо удержать занимаемый участок».

Рубежи надо удержать! На «Баррикадах» не было такого наблюдательного пункта, откуда можно обозреть эти рубежи. Коноваленко и Маслов знали их на память и показывали мне опорные пункты, узлы сопротивления и отдельные гарнизоны, рассчитанные на круговую и длительную оборону. С наблюдательного пункта командира батальона Щербака хорошо видны опорные пункты. Четырехэтажное здание на соседней улице — это уже ротный опорный пункт батальона Немкова. Отдельные дома обороняют гарнизоны — в составе отделения или из трех-четырех солдат. У них ручной пулемет и винтовки,

автоматы и гранаты. Они ведут огонь по дальним и ближним целям, готовы и к гранатному бою и рукопашным схваткам. Гарнизоны дерутся самоотверженно. Только, разрушив дом, противник ценою больших потерь может достигнуть рубежа, на котором стоит этот дом, но не всегда это бывает — разрушенный дом и своими развалинами сопротивляется.

Немцы уже испытали стойкость нашей обороны. Батальонный комиссар Фомин, комиссар 344-го полка, показал мне письмо убитого гитлеровского офицера, принесенное нашими разведчиками. В нем написано: «Нам надо дойти до Волги. Мы ее видим, до нее меньше километра. Нас постоянно поддерживает авиация и артиллерия. Мы сражаемся, как одержимые, а к реке пробиться не можем. Вся война за Францию продолжалась меньше, чем за один приволжский завод. Мы брали крупные города и теряли при этом меньше людей, чем на этом богом проклятом клочке земли. Против нас, вероятно, сражаются смертники. Они не получают подкреплений, так как мы контролируем огнем переправу. Они просто решили сражаться до последнего солдата. А сколько там осталось «последних»? И когда этому аду наступит конец?..»

Наблюдал работу штаба полка, она идет не совсем организованно, капитан Гулько и комиссар Фомин поставили передо мной вопрос о том, что надо дать 344-му полку командира.

Противник весь день проявлял активность против полка Печенюка. Силами роты, батальона, поддержанными 5—10 танками, враг пытается просачиваться мелкими группами в промежутки между нашими опорными пунктами. Там, где есть резервы, эти охватывающие группы быстро уничтожаются, а там, где у нас не оказывается резервов, противник пытается окружить наши

опорные пункты и гарнизоны в зданиях, но не всегда добивается успеха.

Возвращаюсь на командный пункт, собираю на «малый военный совет» комиссара дивизии Николая Ивановича Титова, Ивана Ивановича Курова, Василия Ивановича Шубу, Сергея Яковлевича Тычинского.

— 344-му полку требуется командир, вам это известно,— начал я.— Взять его придется из вашего штаба, Василий Иванович.

— Кто имеется в виду? — настороженно спрашивает Шуба.

— Коноваленко.

Все молчат. Мой заместитель по строевой части Иван Иванович Куров—старший среди нас по возрасту. Жду, что он скажет.

— Коноваленко офицер толковый, но...— Куров разводит руками,— как быть с субординацией? В полку есть капитаны, майоры, а командовать будет старший лейтенант.

— Николай Иванович, твое мнение? — спрашиваю комиссара Титова.

— Я согласен. Коноваленко грамотный, храбрый и выдержанный офицер. Мы в нем не ошибемся. Но он... старший лейтенант.

— Это второй вопрос, Николай Иванович. А что вы предложите, Василий Иванович?

— Я буду выполнять ваш приказ.

— Э...! Мне это не понятно. Вы, значит, не согласны, если так отвечаете. Коноваленко, по-вашему, не справится или вы не желаете его отпустить?

— Последнее,— говорит Шуба.— Он хороший штабной офицер.

— Тогда мне все ясно,— и, обращаясь к лейтенанту Тоцкому, говорю: — вызовите Коноваленко.

Через несколько минут в землянку вошел Коноваленко, готовый следовать с заданием в один из полков. Он уже привык к неожиданностям.

— Я вас слушаю,— как всегда, четко представился и добавил: — Опять, видимо, что нибудь стряслось?

— Пока нет, все в порядке. А вас я вызвал на большой разговор: командиром 344-го полка думаю назначить. Все присутствующие здесь тоже согласны со мной, что вам можно доверить полк. Что скажете?

— Я просто затрудняюсь, что вам ответить, товарищ полковник,— взволнованно сказал Коноваленко.— Это для меня неожиданный вопрос. Одно я должен сказать, что я молод, да и звание у меня не подходящее для столь высокой должности.

— С этим я согласен, что и звание у вас малое и бороды нет, не отросла. Но все это наживное, а вот, что с полком справитесь, у меня сомнений нет.

Оказанным ему доверием смущен, смотрит на меня чуть приоткрыв полные губы, тихо говорит:

— Вы уверены, что справлюсь?

— И думать не смейте, что не справитесь,— перебивает комиссар Титов,— мы за вас головой отвечаем.

— Подполковник Шуба, пишите приказ: допустить к исполнению обязанностей командира 344-го стрелкового полка 138-й Краснознаменной дивизии капитана Коноваленко Владимира Онуфриевича,— продиктовал я.

— Я пока не капитан,— робко замечает Коноваленко.

— В полк пойдете капитаном! Две «шпалы» на гимнастерку даст комиссар, две «шпалы» на шинель — я. Идите, товарищ капитан. Желаю успеха, а мы тут подготовим представление к очередному званию, оформим приказ...

Наше решение было оправдано ходом последующих событий.

Семь месяцев спустя во время Курской битвы (138-я дивизия именовалась тогда уже 70-й гвардейской, а

344-й полк — 203-м гвардейским полком, в составе 17-го гвардейского стрелкового корпуса, а я командовал 15-м стрелковым корпусом в 13-й армии) к исходу первого дня боя мне удалось связаться по телефону с полковником Шубой.

— Здравствуйте, Василий Иванович! Узнал, где вы находитесь, и как здорово, по-сталинградски, воюете. Спасибо вам!

— Рад слышать ваш голос, товарищ гвардии генерал-майор. Деремся, как на «Баррикадах».

— А как показал себя в бою Коноваленко?

— Не хватает слов, чтобы достойно оценить этого офицера. О Коноваленко, о боевых делах его полка скоро узнаете.

Полковник Шуба имел в виду подвиг, о котором в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945» в главе, повествующей о Курской битве, будет сказано: «На 203-й гвардейский стрелковый полк, которым командовал майор В. О. Коноваленко, авиация противника за короткое время совершила до 1,5 тыс. самолето-налетов. Несмотря на то, что полк еще не успел как следует закрепиться, врагу не удалось сломить гвардейцев. Они отразили 16 атак, в которых участвовало 250 танков. Советские пехотинцы смело пропускали немецкие танки за свои окопы, огнем отсекали пехоту и уничтожали танки гранатами и бутылками с горючей смесью. Героизм проявлял каждый гвардеец. Почти все солдаты и офицеры этого полка были представлены к правительственным наградам».

Забегая вперед, хочу также сказать, что за форсирование Днепра Указом Президиума Верховного Совета СССР Владимиру Коноваленко первому было присвоено звание Героя Советского Союза. Потом на Правобережье Украины гремела слава командира 203-го гвардейского полка Героя Советского Союза гвардии подполковника Коноваленко.

Герой Советского Союза Рубен Ибаррури.

...На исходе октябрь.

Противник наращивает атаки на рубежи нашей дивизии, обороняющей завод «Баррикады». Бомбами, снарядами и минами он крушит здания цехов, жилые кварталы. Когда дома превращаются в груды щебня, их гарнизоны перебираются в подвалы. Наш солдат, пока жив, не оставляет своего рубежа.

В те напряженные дни пришла весть, которая взволновала и опечалила меня. Подполковник Шуба доложил о телеграмме, полученной от генерала Крылова. Она касалась сына Долорес Ибаррури — Рубена, пропавшего без вести в боях под Сталинградом. Николай Иванович спрашивал, не располагаем ли мы какими-либо сведениями. Мы, к сожалению, ничего не знали.

Этот юноша был очень близок и дорог мне. Мы познакомились за два года до начала войны, когда заместитель начальника Генерального штаба комдив И. В. Смородинов приказал мне, офицеру этого штаба, явиться к секретарю исполкома Коминтерна Дмитрию Захаровичу Мануильскому.

— Поможете ему решить один вопрос, а какой —

Мануильский вам объяснит, — сказал Смородинов.

С таким напутствием приехал я к Мануильскому, а от него узнал о заветном желании единственного сына Долорес Ибаррури поступить в военное училище. Юноша закончил в Советском Союзе среднюю школу, хорошо говорил по-русски. Мать одобряла решение сына. Но какое училище для него выбрать? И как это оформить? Я понял, чего от меня ждут, и в общих чертах обрисовал будущее молодого человека, окончившего военное училище.

Мануильский и я пошли к Долорес Ибаррури. В ее кабинете мы встретили Хосе Диаса, секретаря ЦК Испанской коммунистической партии. Он тоже принял участие в беседе. А началась она необычно.

— Товарищ полковник, как вы стали военным? — спросила Долорес Ибаррури.

— Начал с ездового на пулеметной тачанке. Вы такие тачанки видели у нас на параде на Красной площади. Это была грозная сила в гражданскую войну.

— А дети у вас есть?

— Да, два сына.

Долорес Ибаррури спросила, кем бы я хотел видеть своих мальчиков в будущем.

А им еще предстояло расти и расти. Толька учился в четвертом классе, но уже твердил, что станет Чкаловым. Валька, дошкольник, расстилал на полу мой полушубок, завертывался в него и кричал:

— Я—Папанин!

Мы от души посмеялись и перешли к серьезному разговору.

— На семейном совете мы несколько раз обсуждали, в какое училище поступить Рубену,— говорит Долорес Ибаррури.

Я рассказал принцип подготовки командного состава Красной Армии, горячо рекомендовал поступить учиться

в училище имени Верховного Совета РСФСР — знаменитую школу кремлевских курсантов, как ее называют в народе.

Через несколько дней прием Рубена в училище был оформлен. Навестив Ибаррури, я застал мать и сына в заботах. В училище сказали, что надо взять из дома некоторые личные вещи, и Рубен усердно набивал большой чемодан. Мы тут же вместе разобрали его и оставили в чемодане лишь мыльницу и зубной порошок со щеткой.

Все это я вспомнил в самую тяжелую пору Сталинградской битвы, в темную октябрьскую ночь над волжским обрывом.

Все эти годы храню как реликвию копию письма Д. З. Мануильского к Долорес Ибаррури:

«19 октября 1942 г.

Дорогой друг и боевой товарищ!

По заданию Главного Политического Управления Красной Армии я был на Сталинградском фронте и имел возможность лично выяснить обстоятельства, при которых погиб Рубен. Был на том месте у хутора Власовка, где он пал смертью храбрых.

Посылаю тебе, дорогой товарищ Долорес, заключение, подписанное членом Военного совета Сталинградского фронта тов. Хрущевым, об отваге твоего сына и его героической смерти.

За несколько дней до гибели Рубена к разъезду 564, ведущему к станции Котлубань, прорвались неприятельские танки. Захват противником станции Котлубань грозил прервать сообщение со Сталинградом. Военная обстановка сложилась таким образом, что главная тяжесть удара танков и мотопехоты противника упала на плечи пулеметной роты, которой командовал орденоносец старший лейтенант тов. Рубен Ибаррури.

Отважными действиями курсантов учебного баталь-

она и в особенности огнем пулеметной роты, организованным Ибаррури, путь противнику был прегражден, и немецко-фашистские части не были допущены к станции Котлубань. Действуя в дальнейшем в направлении хутора Власовка, пулеметная рота учебного батальона, увлекаемая примером тов. Ибаррури, проявила исключительный героизм в деле истребления живой силы и техники врага. Пулеметная рота тов. Рубена Ибаррури своим губительным огнем уничтожила передовые части противника, который в панике отступил, бросил пушки, минометы, пулеметы, автоматы, винтовки и оставил на поле боя свыше 100 солдат и офицеров только убитыми.

В этом бою гвардии старший лейтенант тов. Рубен Ибаррури был смертельно ранен, вынесен бойцами с поля боя и направлен в госпиталь. Хутор Власовка был занят нашими частями, причем захвачено было у противника большое количество трофеев, в том числе: 12 минометов, 16 станковых пулеметов, 27 противотанковых ружей, автомашины, винтовки, большое количество снарядов и патронов.

У могилы своего славного командира бойцы, которыми командовал гвардии старший лейтенант тов. Рубен Ибаррури, поклялись отомстить за смерть своего боевого товарища...

...Пусть эта оценка послужит тебе, дорогой друг и товарищ, моральной поддержкой в постигшей тебя тяжелой утрате.

Ни Испания, ни наша страна не забудут имени твоего славного сына. Честь и слава твоему достойному сыну и его достойной матери, взрастившей и воспитавшей его!

Сердечно обнимаю тебя.

Д. Мануильский».

Незрима эстафета подвигов во имя Родины, совершенных в разные времена. Но она существует, я верю в это.

Украинский хлопец из светловской «Гренады», полюбившийся миллионам людей, так и не побывал в далекой Испании, погиб, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Много лет спустя наши соотечественники, реальные герои, проливали свою кровь в боях с фашизмом за свободу Испании. А в 1942 году, преграждая путь фашистским танкам к Волге, упал сраженный на русскую землю отважный испанский юноша Рубен Ибаррури.

К исходу 20 октября приказом командующего 62-й армией 118-й гвардейский стрелковый полк 37-й гвардейской стрелковой дивизии был передан в подчинение 138-й Краснознаменной стрелковой дивизии. Командиром полка был гвардии подполковник Колобовников. Полк оборонялся на правом фланге дивизии. Забегая несколько вперед ,отмечу, что 28 октября приказом командующего армией Чуйкова 308-я стрелковая дивизия была тоже передана в оперативное подчинение нашей дивизии. Однако от этого боевые порядки не уплотнились, ибо вновь приписанные части были очень малочисленны.

Мне довелось 20 октября провести много времени среди бойцов батальона, которым командовал капитан Щербак. В батальоне он имел «старых» солдат, которые получили боевое крещение еще на берегу Дона под хутором Красный Яр. Они такие же бесстрашные, отважные и хитрые, такие же неуязвимые, как и сам Щербак. Один солдат — «начальник гарнизона» — оборонял дом, у него на вооружении автомат, винтовка и ручной пулемет, он ходил по этажу или переходил с этажа на этаж, вел огонь из различных точек, наносил потери противнику, сам же оставался невредим потому, что он, внезапно открывая огонь по цели, не оставался долго на этом месте. В некоторых домах были и большие по численности гарнизоны, но и здесь огонь вели один-два бойца, переходя от одной бойницы к другой, а остальные нахо-

дились в резерве — в укрытии. Противник несет значительные потери, он вводится в заблуждение относительно численности наших гарнизонов в отдельных зданиях. Это уменьшает потери в дивизии.

Борьба приобрела ожесточенный характер.

В 13.00 противник перешел в атаку против полка Гуняги. Атаку отбили. В 13.40 враг вторично атаковал этот полк с северо-восточной части завода. И снова был вынужден отступить.

В 15.00 во время третьего удара пехотой и танками противник овладел красным зданием завода только тогда, когда гарнизон, оборонявший его, погиб полностью. Никто из защитников этого здания не отошел. Характер боя складывается так, что прежде чем овладеть домом, нужно или разрушить этот дом, или уничтожить его защитников.

В 20.00 был атакован первый батальон полка Коноваленко, которым командует капитан Бербешкин. После двухчасового ожесточенного боя в батальоне осталась маленькая горстка бойцов. Батальон удержал свои позиции. Но там, где образовались разрывы в наших боевых порядках, начали просачиваться вражеские автоматчики. Однако и они далеко не прошли, были уничтожены или отброшены силами резерва полка.

В ночь на 26 октября противник вел сильный артиллерийский и минометный огонь по боевым порядкам дивизии, командному пункту и острову Зайцевский. Наша артиллерия удачно накрыла огневые позиции шестиствольных минометов врага, они замолчали.

С утра полк Гуняги вел ожесточенный бой за овладение цехом № 4. Атаки полка противником были отбиты. Для отражения атаки гитлеровцы применили термитные гранаты, действия которых очень тяжелые: тело или обмундирование, пораженные такими гранатами, горят и не поддаются тушению землей или песком. Огонь тушится только водой, а воду на передовой не всегда и вовремя можно найти. Поэтому было много случаев сильных ожогов.

До 16.20 артиллерия противника вела систематическую огневую подготовку методом разрушения зданий, занятых нашими гарнизонами, бомбардировщики группами по 3—5 самолетов с 12.00 и до 16.20 бомбили боевые порядки дивизии. В 16.20 из цеха № 4 гитлеровцы силой до батальона пехоты перешли в наступление на полк Гуняги. Бой длился до 17.40. Противник понес большие потери и отошел на исходные позиции.

А вот что пишет Г. Вельц о боях за цех № 4:

«Масштабы и суровость этой битвы изменили арифметику войны, во всяком случае, у нас.

Участки, занимаемые дивизиями, имеют протяженность всего километр. В ротах от 10 до 30 активных штыков. При атаках на каждые пять метров линии фронта приходится одно орудие. Расход боеприпасов возрос десятикратно. Так называемой нейтральной полосы во многих случаях нет вообще. Вместо нее тонкая кирпичная стена. Иногда линия фронта проходит даже вертикально, когда мы, к примеру, засели в подвале, а противник — на первом этаже или наоборот.

Захват небольшого цеха — дневная задача целой дивизии и равнозначна выигранному сражению. Да и масштабы здесь совсем иные.

Мы уже предприняли немало попыток штурма. Часто сталкивались лицом к лицу с противником. Знаем, что это такое — полчаса ближнего боя. Но ближний бой, рукопашная схватка день за днем, месяц за месяцем — вот что такое Сталинград» *.

На левом фланге дивизии на полк Печенюка и на

---

* Г. Вельц. Солдаты, которых предали. Изд-во «Мысль», М., 1965, стр. 60.

соседа слева — дивизию генерал-майора Смехотворова— враг предпринимал удары пехотой и танками в течение всего дня. Положение сложилось тяжелое. Генерал-майор Ф. Н. Смехотворов просил меня помочь ему людьми, но людей нет. Поручил начальнику штаба дивизии подумать, откуда можно взять хотя бы 50 человек для Смехотворова, но ничего не могли придумать, потому что и у нас каждый солдат был на учете.

Переправившись в Сталинград, дивизия вела ожесточенные бои и одновременно училась воевать в городе. На примере 344-го стрелкового полка можно проследить некоторые особенности этих беспримерных боев. Командир полка Коноваленко детально готовил полковой участок к обороне, памятуя, что живучесть обороны в городе обеспечивается не только количеством огневых средств, но и хорошей системой огня и резервами, расположенными в разных местах. Резервы в батальонах и ротах составляли не менее одной трети всех сил.

Каждое большое здание или группа малых строений превращались в опорные пункты. Численность гарнизона такого пункта была не одинакова. Например, одно пятиэтажное здание занимала рота — это был ротный опорный пункт. Батальон занимал несколько зданий — это был батальонный узел сопротивления, где гарнизоны некоторых домов состояли всего из 4—5 человек. Но бывали случаи, когда гарнизон составлял всего один человек.

Обходя подразделения полка Печенюка, я в одном из домов на втором этаже познакомился с ефрейтором. На мой вопрос: «Вы кто такой?» — последовал четкий ответ: «Начальник гарнизона ефрейтор Акатьев!».— «А где же ваши люди, если вы начальник?» — спросил я. Он спокойно ответил: «Нас двое, но один сейчас ушел за боеприпасами и продовольствием. У нас автоматы, винтовки и ручной пулемет и достаточное количество

гранат, все атаки мы отбиваем и удерживаем свой дом». «Да, вы должны рассчитывать на свою стойкость, использовать умело свое оружие»,— сказал я Акатьеву.

Вот эти гарнизоны и были первой основой нашей стойкости. Всякая короткая беседа с солдатами и командирами положительно влияла на стойкость бойцов.

В подвале одного здания я услышал песню. Пели ее бойцы, обороняющие дом.

...Говорил товарищ, умирая:
— Навсегда пускай запомнит враг —
Не отходит сто тридцать восьмая
Никогда, хотя бы и на шаг.

Пропагандист 650-го стрелкового полка капитан Сурин тут же сказал мне, что песня не дивизионная.

— Кто ее автор, не знаю, наши полковые песенники и поэты ее частично изменили, дав песне точный адрес. Но и в этом варианте она говорит правду.

В тот же вечер Печенюк рассказал мне об одном патриоте полка — солдате Курбанове. Казах Курбанов в боях юго-западнее Бекетовки был ранен и лежал на излечении в госпитале 64-й армии. В это время дивизия была передана в состав 62-й армии и вела бои в заводском районе Сталинграда. Выписываясь из госпиталя, Курбанов узнал, где находится дивизия, и настойчиво просил отправить его в свой полк. Ему предложили идти в запасной полк 64-й армии, но он наотрез отказался.

— Если не пошлете в полк, все равно убегу,— пообещал он.

Ему дали разрешение следовать в полк. По пути Курбанов попал в Красную Слободу, в штаб тыла 62-й армии, чтобы узнать, как добраться до места. Там его накормили, по-зимнему одели и предложили остаться служить в одной из частей армии на левом берегу Волги. Но Курбанов и от этого предложения отказался, хотя

знал, что полк ведет тяжелый бой в заводском районе Сталинграда, что там не горячими куличиками встретят.

Добираясь до полка, Курбанов на переправе был легко ранен осколком, но все же прибыл к своим и встал в строй.

— Дошел! — ликовал содат.— Теперь я дома!

В третий раз и, к счастью, опять легко, Курбанов был ранен за день до окончания боев в Сталинграде. Он остался в строю и, выступая на митинге полка, так закончил свою речь:

— Сейчас Курбанов может идти в медсанбат. Гвардейцем ухожу! Гвардейцем вернусь в свой полк.

Таким был наш дивизионный боевой актив, и мы им очень дорожили.

Из показаний пленных мы узнали, что 578-й полк 305-й немецкой пехотной дивизии получил недавно пополнение из Данцига. Прибыло четыреста солдат, осталось сорок. Несмотря на такие потери, враг рвется к Волге.

29 октября дивизия отбила четырнадцать атак. В последнюю атаку—это было на участке полка Печенюка— гитлеровцы гнали впереди себя детей и женщин. Мы повидали на войне немало чудовищных злодеяний фашистов, но с подобным столкнулись впервые.

Я вынужден снова обратиться к книге Дёрра «Поход на Сталинград». Он не был там, где сражалась 6-я немецкая армия, и опирается лишь на свидетельства очевидцев и документы. Рассуждая о минувшей войне с позиций генерала побежденной армии, автор рассчитывает, видимо, создать у читателя иллюзию объективности. Именно в таком духе пытается он толковать о «высоких этических традициях» немецкой армии, сражавшейся под Сталинградом и в Сталинграде. Напрасно! Весь мир давно знает о неслыханных насилиях над мирным населением и военнопленными, совершенных немецко-фашистской армией в годы второй мировой войны. Как участник Сталинградской битвы я могу только еще раз подтвердить это.

Подлость гитлеровцев, искавших защиту не за броней танков, а за спинами русских детей и женщин, лишь ожесточила наших воинов. Они поклялись яростно отстаивать каждую пядь родной земли.

Бывший командующий 6-й немецкой армией фельдмаршал Паулюс в своих воспоминаниях * писал, что во второй половине ноября трижды обращался в вышестоящие инстанции с предложением отвести войска 6-й армии на Дон и Чир.

Об этом, видимо, не знали командиры дивизий, которые непрерывно атаковали наши части. А мы имели приказ командарма: «Дивизии Людникова, усиленной 118-м гвардейским стрелковым полком, удерживать занимаемую полосу обороны, не допуская противника в район улиц Таймырская, Арбатовская». (Приказ № 232, § 3). Этот приказ мы и выполняли.

В своем повествовании я познакомил читателя с тем, какую систему обороны мы создали, в чем заключалась ее живучесть, как действовали отдельные части, их подразделения, небольшие резервные группы.

Мы воевали на земле за каждую улицу и дом, за каждый метр дома, за каждый холмик и овраг, за каждый метр полотна железной дороги. Дрались под землей — в лабиринтах подземных ходов большого заводского хозяйства. На «Баррикадах» лицом к лицу сходились солдаты противоборствующих армий, и в таких схватках победа была на стороне тех, кто самоотверженно и храбро сражался за правое дело.

Перед моим мысленным взором проходят события боевых дней на «Баррикадах». Каждое событие — под-

---

* Военно-исторический журнал, 1960, № 2, стр. 81—95.

виг, совершенный нашими воинами. И прежде всего память воскрешает трех сержантов из разных полков дивизии: Ивана Свидрова, Ивана Злыднева и Александра Пономарева.

На опорные пункты полка Печенюка можно было проникнуть только в полночь, в час затишья.

Обходя их, я заглянул в одноэтажный каменный дом, гарнизон которого состоял из пяти защитников. Старший по годам и званию был казах Юсупов, но командовал здесь самый юный — худенький черноволосый сержант. Он бойко доложил, как его гарнизон несет боевую службу и сколько фашистов истребил за последние три дня. А Юсупов расстелил на полу полотенце и снял с «буржуйки» котелок, в котором варился солдатский «плов» — крошево из сухарей, перемешанных с консервами.

— Ваня,— обратился он к сержанту,— угостим полковника.

Сержант смутился, а Юсупов обратился ко мне:

— Разобьем Гитлера,— приезжайте к нам в колхоз. Таким бараньим пловом угощу, таким...

У него не хватило слов, чтобы описать, каким пловом угостит меня после победы.

Я поблагодарил солдат и пожелал им успехов.

Через несколько дней мне позвонил Печенюк. Сообщив о тяжелой обстановке у него на участке, майор, между прочим, сказал:

— Тот каменный домик, где вы были, сейчас в тылу у немцев. Мы слышим, как отстреливается его гарнизон. Знаю этих парней — живыми не сдадутся.

Потом мне сказали, что гарнизон погиб.

Много лет спустя в Волгограде, в дни празднования двадцатой годовщины победы в Сталинградской битве, мне передали в президиум торжественного заседания письмо:

«Товарищ генерал-полковник, докладывает бывший сержант 650-го стрелкового полка 138-й Краснознаменной дивизии Иван Ильич Свидров.

24 октября 1942 года мне было приказано с группой из четырех солдат защищать один из домов Нижнего поселка завода «Баррикады». Тот дом имел важное тактическое значение в обороне полка, и нас предупредили, что удержать его надо любой ценой.

Каждый день мы отбивали по нескольку яростных атак фашистов. Но к вечеру 27 октября у гарнизона иссякли патроны, гранат не было, а мы уже отрезаны от своих. Трое пали смертью храбрых. Я и старшина-казах были ранены. Но бой продолжали. Мы засели в подвале дома. Хоть под землей, а рубеж наш. И удержали его, пока наши контратакой не отбросили фашистов. Много врагов полегло около дома и в доме, который мы защищали.

А доложить командованию, что гарнизон выполнил задачу, я уже не мог. Потому делаю это сейчас.

Тяжелораненого, контуженого, переправили меня на другой берег Волги и эвакуировали в тыл. После выздоровления вернулся в строй и сражался на других фронтах. В госпитале узнал, что наш гарнизон считался целиком погибшим, а родным послали похоронную. Сейчас живу и работаю в Волгограде. Приглашаю Вас к себе в гости.

Бывший сержант 138 сд Свидров».

Я оглядел зал и поднял конверт, как знак ожидаемой встречи.

Да, это был тот самый Ваня, начальник маленького гарнизона на Нижнем поселке. Он, оказывается, дрался и на Ленинградском фронте, был второй раз тяжело ранен под Тарту и уже после войны инвалидом приехал в Сталинград. Работал, учился, стал инструктором промышленно-транспортного отдела Центрального райкома

КПСС Волгограда. В городском музее обороны Свидров увидел пробитый осколком гранаты партийный билет своего бывшего командира дивизии. Там же в музее Свидрову сказали, что генерал-полковник Людников жив и приедет на празднование двадцатой годовщины разгрома фашистов в Сталинградской битве.

Так и встретились мы с тезкой.

Сержанта Ивана Злыднева из 344-го стрелкового полка я запомнил не только потому, что у него необычная фамилия. При первой встрече, не смущаясь присутствия командира полка капитана Коноваленко, который меня сопровождал, Злыднев стал жаловаться:

— Скучновато тут одному. Пока светло, бегаю по

Встреча И. И. Людникова с бывшим сержантом 650-го полка И. И. Свидровым (крайний слева) в дни празднования 20-й годовщины Сталинградской битвы.

коридору от амбразуры к амбразуре, поглядываю, постреливаю. То из винтовки, то из пулемета. А ночью маюсь в одиночестве. Дайте напарника.

Он показал свое «хозяйство», рассказал, где обнаружил цели, и опять стал жаловаться:

— Назначили меня комендантом второго этажа, а над кем я комендант? Патронов, опять же, нехватка...

Патронов у каждой амбразуры было достаточно. Коноваленко даже пристыдил Злыднева, но тот не унимался:

— А мне мало. Расход большой.

Я заметил, что патронов на фашистов жалеть не следует, но тратить их надо с толком, доставлять боеприпасы к нам тоже под огнем противника нелегко.

— Для нас ничего не жалко,— возразил Злыднев.— Мы у всего советского народа на виду.

Через несколько дней в боевом донесении командира 344-го полка фамилия Злыднева была названа в описании боя за дом, где он был «комендантом» второго этажа. Вражеские саперы сделали подкоп к этому дому, в подвал проникли автоматчики. Бой шел на лестничной клетке и на верхнем этаже. Пятнадцать гитлеровцев истребил сержант Иван Злыднев. Последний бой он вел на крыше, куда забрался с ручным пулеметом. Еще семь гитлеровцев, перебегавших улицу, были скошены очередями из пулемета. Кончились патроны, и Злыднев, прикрываясь дымоходной трубой, отбивался гранатами. Сержанта ранили, но все же он пробился к гарнизону соседнего дома, перевязал рану и продолжал бой.

И еще о сержанте из 768-го полка майора Гуняги.

Александр Пономарев прибыл в полк с пополнением в той группе, о которой нас предупредили: «Состоит из лиц, досрочно освобожденных из мест заключения». Ранее служил в армии, имел звание сержанта. Когда пополнение распределяли по ротам, Пономарев просил,

чтобы его назначили в разведку. Ему отказали и отправили в 3-ю роту, где было мало людей. На вторую или третью ночь Пономарева уже посылали в секрет. Никому и в голову не пришло, что из секрета, да еще в осеннюю ночь Пономарев при желании может покинуть свой пост. Если солдат на переднем крае, как же ему не доверять?

Посетил как-то 3-ю роту начальник штаба полка Георгий Демков и познакомился с Пономаревым. А надо сказать, что Демков толковый, грамотный офицер, поспорил с начальником разведки дивизии майором Батулиным. Демков утверждал, что карта Батулина на участке их полка не соответствует истинному положению на переднем крае противника и в ближайшем тылу. Если добавить к этому, что гитлеровцы проявляли заметную активность, то станет ясным, как важно было нам захватить «языка». Поиски полковых разведчиков не увенчались успехом, а штаб дивизии настоятельно требовал контрольного «языка».

Однажды на рассвете я заглянул в блиндаж, где работал подполковник Шуба, но не обнаружил его на месте. На столе зазуммерил телефон. Взяв трубку, я услышал голос Демкова:

— Товарищ «Первый», нахожусь в блиндаже третьей роты. Только что сюда приволокли «языка». Разрешите доставить к вам?

— Немедленно! И приведи тех, кто его взял.

Пока майор Батулин допрашивал верзилу-сапера из Магдебургского саперного батальона, недавно переброшенного в район Сталинграда, я, поблагодарив Демкова, спросил, кто отличился при поимке «языка».

Демков озабоченно вздохнул:

— Благодарность от вас уже получил, теперь можно и наказание понести. Я нарушил приказ командира полка майора Гуняги.

Начальник штаба 768-го полка Г. В. Демков.

И рассказал мне Демков, как познакомился с Пономаревым, а тот, зная о неудачах полковых разведчиков, вызвался раздобыть «языка». Замысел Пономарева понравился Демкову, но майор сначала категорически запретил посылать в разведку «ненадежного» Пономарева, а потом, когда Демков заверил, что с Пономаревым пойдут двое «надежных» и проверенных, он согласился, однако строго предупредил Демкова:

— Под твою личную ответственность!

Демков вернулся в роту, но там дело приняло неожиданный оборот.

— С полковыми разведчиками не пойду, — заявил Пономарев. — Я их не знаю, они — меня. Возьму двух из нашей «подмоченной» группы. — И сумрачно добавил: — Раз доверяете мне, то верьте до конца.

Демков разрешил разведку.

Пономарев ушел едва стемнело, а вернулся с «языком» к рассвету. Можно представить себе, что пережил Демков во время бессонной ночи в блиндаже командира 3-й роты.

Открыв дверь, Демков кликнул разведчика, и я увидел высокого статного сержанта. Александр Пономарев

скупо рассказал, как обследовал «объект», как бесшумно снял часового, заменив его своими хлопцами. «А те,— сказал он,— костьми лягут, но никого к немецкому блиндажу не подпустят». Пономарев спустился в блиндаж и длинной очередью из автомата отправил спящее отделение саперов из сна временного в сон вечный. Одного только сберег Пономарев. Об этом одном и спросил:

— Каков «язычок», товарищ полковник? Стоило ради него так рисковать?

Я тут же объявил Пономареву, что с него будет снята судимость, что здесь, на «Баррикадах», он получит первую правительственную награду.

— Надеюсь, не последнюю. Родина умеет ценить подвиги тех, кто ей честно служит. Это касается и двух твоих товарищей,— добавил я,— ступай, скажи им об этом.

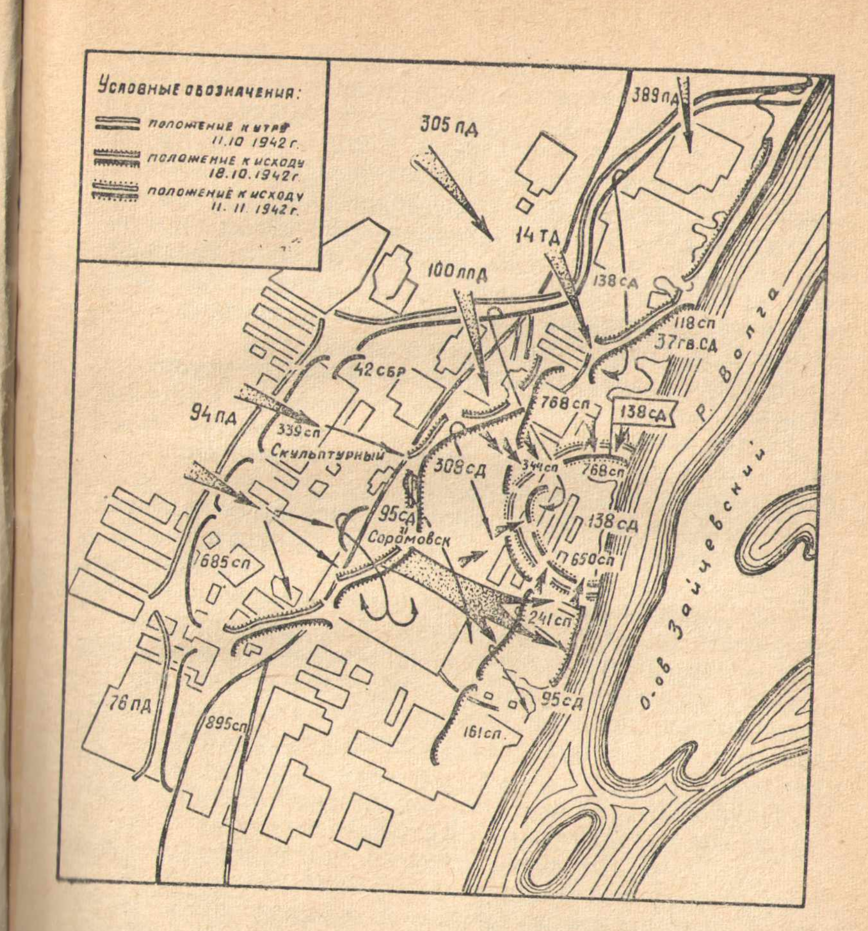
Пономарев лихо козырнул и удалился.

Александр Пономарев, кавалер ордена Ленина за Сталинградскую битву, многих других орденов и медалей, погиб смертью храбрых два года спустя, уже на польской земле.

Я рассказал лишь о группе солдат и сержантов, но все защитники «Баррикад», за весьма редким исключением, достойны самой высокой похвалы.

СТОЯТЬ НАСМЕРТЬ

Начиная рассказ о событиях ноября-декабря 1942 года, я прежде всего приведу для наглядности схему боев за завод «Баррикады». На ней хорошо видно положение на 11 октября 1942 года. В то время мы еще были на левом берегу Волги и только готовились к переправе.

Карта-схема боя за завод «Баррикады».

Неделю спустя линия фронта сузилась, однако измерялась пока километрами (положение к исходу 18 октября). Маленькая дуга, или подкова, концы которой упираются в Волгу, изображает «остров», который образовался к исходу дня 11 ноября. На этом клочке земли (речь идет уже о метрах) сорок пять дней и ночей сражалась 138-я Краснознаменная, оторванная от главных сил 62-й армии, пока не перешла в наступление, метр за метром отвоевывая землю, занятую противником, и не соединилась с соседом — 95-й стрелковой дивизией В. А. Горишного.

Почему образовался «остров»? Как это могло случиться?

Гитлер приказал командующему 6-й немецкой армией Паулюсу любой ценой достигнуть берега Волги на всем протяжении Сталинграда.

В дневнике адъютанта Гитлера генерала Энгеля имеется следующая запись от 2 октября: «Цейтцлер, а также Йодль поднимают вопрос о том, не отложить ли взятие Сталинграда на вторую очередь, чтобы высвободить силы; ссылаются на уличные бои, требующие больших жертв. Фюрер резко возражает и подчеркивает, что взятие Сталинграда крайне необходимо не только по оперативным, но и по психологическим соображениям, для воздействия на мировую общественность и настроение союзников».

Паулюс собрал все, что мог, нацелив главный удар на заводы «Баррикады» и «Красный Октябрь».

Этот удар готовился скрытно. 10 ноября вечером противник провел массированную бомбежку огневых позиций дивизионной и армейской артиллерии на левом берегу Волги. Отдельные немецкие самолеты, сменяя друг друга, кружили над боевыми порядками дивизии. Командиры полков сообщили: враг уплотняет свои боевые порядки.

Предлагаю читателю события, описанные противоборствующими сторонами 11 ноября 1942 года.

Гельмут Вельц — командир саперного батальона противника:

«Прибыли вчера. Отовсюду шлют сюда самые сильные батальоны. В Крыму, на Дону, на севере их грузят на машины или самолеты и прямым ходом к нам, в Сталинград. Они уже здесь, теперь дело пойдет!

— Просто не верится!

— И все-таки это так. Завтра первая атака».

Весьма живо изображает Вельц и крушение тех надежд, которые вызвали вновь прибывшие саперные батальоны. Подробно, со знанием дела, повествует бывший майор вермахта о том, как была организована и как протекала операция с участием саперных батальонов:

«С этой высоты нам видна вся полоса наступления — она лежит перед нами. Под покровом ночи подразделения занимают исходные позиции, подтягивают роты и взводы. Еще раз проверяются оружие и средства ближнего боя. Вдруг тишина лопается. Орудийные залпы один за другим, непрерывно. Снаряды рвутся на склонах высот и складках лощин, в руинах, на насыпях. Все дрожит от гула. Над нами прокатываются волны горячего воздуха.

На русские позиции обрушивается залп за залпом, взлетают гирлянды снарядов. Там уже не должно быть ничего живого. Если дело пойдет так и дальше, саперам остается только продвинуться вперед и занять территорию. Кажется, так оно и есть. Беспрерывно бьют тяжелые орудия. Навстречу первым лучам восходящего солнца в просветлевшем небе несутся бомбардировщики с черными крестами. Эскадрилья за эскадрильей. Они пикируют и с воем сбрасывают на цель свой бомбовый груз, а за ними новые и новые.

Немцы перенесли огневой вал в глубь советской обо-

роны, а их пехота приблизилась к переднему краю защитников города. Еще каких-нибудь двадцать метров — и они уже займут передовые русские позиции! И вдруг они залегли под ураганным огнем. Слева короткими очередями бьют пулеметы. В воронках и на огневых точках появляется русская пехота, которую мы уже считали уничтоженной. Нам видны каски русских солдат. Глазам своим не верим. Как, неужели после этого ураганного артиллерийского огня, после налета пикирующих бомбардировщиков, которые не пощадили ни единого квадратного метра земли и перепахали все впереди, там все еще жива оборона? Каждое мгновение мы видим, как валятся на землю и уже больше не встают наши наступающие солдаты, как выпадают у них из рук винтовки и автоматы.

Но вот наконец становится заметно движение. Через край балки перепрыгивает солдат. Немецкий. Он бежит назад! Ага, наверняка связной с донесением! Но нет, за ним другой, третий, четвертый. Все несутся назад. За ними несколько саперов. Итак, наши отступают! Самое время вводить в бой основную массу батальонов, но ничего похожего не происходит. Еще две-три минуты, и уже видны первые каски русских солдат. Русские постепенно накапливаются, формируются в группы, преследуют беспорядочно отступающих саперов. Где же остальные силы пяти батальонов? Неужели отступающие группы — это все? Все, что осталось? Русские приближаются теперь к исходной позиции, по ним открывают такой же ураганный артиллерийский огонь.

Линии закрепляются, застывают. Все опять как прежде. Как перед атакой, как вчера, как неделю назад! Что за наваждение, уж не приснился ли мне весь этот бой? Пять свежих батальонов пошли в наступление, пять батальонов вели бой, как дома на учебном плацу. А результаты? Большинство убито, часть ранена, остальные разбиты, разбиты наголову. Заколдованное место! Как ни пытайся взять его, натыкаешься на гранит»*.

Василий Иванович Шуба — начальник штаба дивизии, записал эти события за 11 ноября в журнал боевых действий дивизии к исходу дня, а день у нас кончался в 12 часов ночи. Хотя их оценки одного и того же события и разные, но сами события записаны исторически правильно:

«В 6.00, после сильной тридцатиминутной артиллерийской подготовки противник, силою до трех пехотных полков и двух саперных батальонов, перешел в наступление по всему фронту дивизии. С севера и северо-запада на правый фланг и центр дивизии (118-й гвардейский, 768-й стрелковые полки) наступали: 544-й и 546-й пехотные полки и 45-й отдельный саперный батальон РГК (резерва главнокомандования). На левый фланг дивизии (344-й и 650-й стрелковые полки) наступали 577-й пехотный полк и 336-й саперный батальон.

По данным пленных, установлено, что в течение 5—10 ноября из Миллерово на автомашинах был переброшен 45-й саперный батальон, а из Магдебурга самолетами — 336-й саперный батальон. Каждый из этих батальонов имел до 400 человек.

Наступление поддерживается авиацией, артиллерией и танками.

Неся потери в упорных кровопролитных схватках, части 138-й стрелковой дивизии до 10.30 отбили все атаки и удерживали свои рубежи. С 10.30 противник ввел свежие силы (50-й отдельный саперный батальон РГК) и, смяв малочисленные остатки 1-го батальона 118-го гвардейского стрелкового полка, вышел к реке Волге. 118-й полк, будучи в полуокружении, продолжал отра-

* Г. Вельц. Солдаты, которых предали. Изд-во «Мысль», М., 1965, стр. 91—94.

жать атаки противника. Лишь к исходу дня, когда личный состав полка был полностью уничтожен и все люди вышли из строя, враг полностью овладел его рубежом. Из боя вышло всего 7 человек с тяжелораненым командиром полка подполковником Колобовниковым.

788-й стрелковый полк отбивал многочисленные атаки, но к 13.00 противник обошел правый фланг полка и группами просочился в тыл. Силами штаба и роты охраны штаба дивизии продвижение врага остановлено. К 15.00 прорвавшаяся группировка была полностью уничтожена. В 15.30 противник предпринял пятую атаку на подразделения 768-го полка. Смял эти подразделения и продолжал продвигаться к Волге. Оставшиеся в полку 24 человека, в том числе и минометчики, продолжали оборонять группу домов в 150 метрах от северо-западного угла завода «Баррикады».

344-й стрелковый полк с 6.00 отбивает яростные атаки из цехов 4-го и 14-го. К 11.30 мелкими группами автоматчиков противнику удалось просочиться через передний край на левом фланге полка. Бой с прорвавшимися группами автоматчиков противника в глубине обороны продолжался до 16.00. К этому времени проникшая группа автоматчиков была полностью уничтожена. С 17.40 противник возобновил атаки на центр полка. Все они отбиваются.

С 6.30 650-й стрелковый полк во взаимодействии с 241-м стрелковым полком ведут бой с пехотным полком противника, усиленным десятью танками. В течение дня отбили все атаки, уничтожили до 400 гитлеровцев, сожгли 3 танка и один танк подбили.

К 15.20, потеряв свой малочисленный состав, 241-й полк отошел на юг, к штабу 95-й стрелковой дивизии. (Этим положением и определилось наше полуокружение, мы были отсечены от главных сил 62-й армии.— *И. Л.*). За день боя взято в плен 9 гитлеровцев. Нашим огнем,

контратаками и в рукопашных схватках уничтожено более 850 вражеских солдат и офицеров.

В полночь собрались на «малый военный совет», подвели итоги большого дня, сделали выводы».

Дивизия стойко отражала сильные атаки. Коваленко уверенно и спокойно руководил боем. Василий Иванович говорит, что кое-когда по старой памяти он пытался спрашивать у него разрешения уйти в батальоны, но Шуба не разрешал и всякий раз адресовал ко мне, но Коноваленко стеснялся, да и обстановка не позволяла.

Какой же вывод? Отразили сильные атаки, в том числе и свежих сил. Печенюк и Коноваленко прислали два десятка револьверов «браунинг», 14-зарядных. Они взяты у вновь прибывших гитлеровских саперов.

Мной была поставлена задача командирам частей лично проверить все боевые порядки и учесть весь личный состав, с кем будем воевать на следующий день.

— Сергей Яковлевич,— обратился я к Тычинскому,— завтра надежда на артиллерию. Противник попытается начать атаку, и задача артиллеристов в зародыше уничтожать всякие признаки подготовки к ней, в этом наша сила. Установите четкие сигналы для своих артиллеристов. Если противник выйдет на командный пункт дивизии, цель должна быть накрыта. В этом случае приказываю обрушить на командный пункт огонь всей нашей артиллерии.

Начальник штаба предупредил, чтобы все офицеры штаба были готовы к бою.

А вот несколько записей из дивизионного журнала боевых действий.

12 ноября. Противник после боя 11 ноября в течение суток производил перегруппировку. 138-я стрелковая дивизия отражала действия мелких разведывательных групп.

138-й стрелковой дивизии передаются 289 человек— остатки 193-й стрелковой дивизии, штаб которой уходит на левый берег Волги.

13 ноября. Задача дивизии: упорно оборонять занимаемый рубеж и, держась до последнего бойца, не допустить выхода противника к Волге.

Командир дивизии приказал командирам частей мобилизовать все средства и во что бы то ни стало выполнить задачу. Ни шагу назад. Усилить службу наблюдения и стойко отражать все атаки противника.

Весь день 12 ноября и в ночь на 13 ноября противник готовил новое наступление, усиленно сосредоточивая пехоту и танки перед фронтом дивизии и особенно в районе центральных ворот завода «Баррикады».

В 6.00 13 ноября противник силами 305-й пехотной дивизии, усиленной подразделениями 131-го и 132-го пехотных полков и 80-го саперного батальона, 389-й пехотной дивизии, усиленной 45-м и 50-м саперными батальонами РГК, 162-м и 336-м и саперными батальонами, перешел в наступление, нанося главный удар с направления ул. Мезенская на левый фланг дивизии, имея задачей выйти в тыл дивизии в районе командного пункта. Наступление поддерживается сильным артиллерийским огнем и бомбардировочной авиацией.

К 7.30 группа прикрытия нашего левого фланга была полностью уничтожена превосходящими силами противника.

Группе вражеских автоматчиков численностью до 70 человек удалось просочиться в тыл дивизии в районе огневых позиций минометной батареи 344-го стрелкового полка. Огневые позиции были забросаны гранатами. Минометчики перешли в контратаку. Завязался рукопашный бой.

Часть автоматчиков противника начала распространяться к району командного пункта дивизии. К этому

времени остатки 179-го отдельного саперного батальона в составе 12 человек и комендантская рота старшего лейтенанта В. И. Гричины (6 человек) с криками «За Родину!» бросились в контратаку. В рукопашном бою прорвавшаяся вражеская группа была уничтожена, и к 17.00 на левом фланге дивизии положение было восстановлено. В контратаку выходили и все офицеры штаба дивизии во главе с командиром полковником Людниковым.

Командир роты В. И. Гричина.

В центре дивизии, на правом фланге бой продолжался с нарастающей ожесточенностью. Противник беспрерывно подбрасывал свежие силы.

К 12.00, сосредоточив крупные силы пехоты в домах поселка завода «Баррикады», противник силою двух батальонов с танками снова перешел в наступление на левый фланг 650-го стрелкового полка.

Неоднократные атаки отбивались до 15.00, и лишь когда ряды левого фланга 650-го полка поредели, а противник бросил в бой еще десять танков и прямой наводкой разбил верхний этаж П-образного здания, ему удалось овладеть развалинами верха этого дома.

В течение часа минометчики 650-го полка вели бой за остатки дома. Вызванный ими на себя огонь нашей

артиллерии лишь отсрочил время сдачи дома. К исходу дня он был взорван противником. Небольшой группе наших бойцов, большинство из которых были ранены и обожжены, удалось выйти из-под развалин здания.

Атаки крупных сил пехоты и танков противника повторялись беспрерывно до наступления темноты. К исходу дня врагу удалось уничтожить гарнизоны домов 35-го, 36-го и П-образного здания и захватить эти дома.

Боеприпасы и продовольствие на исходе, запасов осталось на сутки. В течение всего дня противник вел интенсивный артиллерийский и минометный огонь по переправе, острову Зайцевскому, левому берегу Волги (район огневых позиций артиллерии).

14 ноября. После боя 13 ноября гитлеровцы не предпринимали сильных атак, шли бои за отдельные объекты на территории завода «Баррикады».

Вражеская авиация весь день висит над боевыми порядками дивизии и бомбит остров Зайцевский — минометные подразделения и левый берег Волги — район артиллерийских позиций, сыпятся бомбы и на командный пункт дивизии.

К 14 ноября 138-я стрелковая дивизия полностью израсходовала все боезапасы. В течение пяти суток ожесточенных сражений использовались боеприпасы и оружие, захваченные у противника. После разгрома 336-го саперного батальона, прибывшего из Магдебурга (прямо с корабля на бал), в дивизии появилось большое количество 14-зарядных браунингов и большое количество патронов к ним.

Несмотря на недостаток продовольствия и боеприпасов, личный состав дивизии стойко обороняет свои позиции, показывая исключительные примеры героизма.

В итоге боев 11—13 ноября дивизия оказалась совершенно отрезанной от главных сил армии и ее баз. Неся большие потери, противник вышел в район улицы

Тувинской и начал контролировать берег Волги, нарушая нормальную работу по подвозке боеприпасов и продовольствия, которые подносились по ночам вручную с переправы 62-й армии.

13 ноября до 1500 пьяных гитлеровцев прорвались через наши боевые порядки. На отражение их атаки были брошены все силы дивизии. Сражение длилось одиннадцать часов.

При наивысшем напряжении боя до 70 вражеских автоматчиков прорвались в район командного пункта, но горсткой храбрецов, состоящей из 18—20 человек, они были остановлены и уничтожены. Перед фронтом дивизии гитлеровцы оставили более 1000 трупов солдат и офицеров.

Не добившись успеха в этом бою, гитлеровцы отказались от массовых атак и перешли к действиям мелких групп по захвату отдельных зданий. Гранатные бои за отдельные этажи и комнаты приобретают исключительное значение.

«Гарнизон» младшего лейтенанта Калинина обороняет двухэтажный кирпичный дом в Нижнем поселке завода.

На первом и втором этажах в пробитых в стене отверстиях — амбразурах—оружие, подготовленное к бою. На первом этаже в зале стоял рояль, на нем в минуту временного затишья кое-кто играл.

К дому неоднократно пытались прорваться немецкие танки с автоматчиками, но танки уничтожались градом бутылок с горючей жидкостью и гранатами, а автоматчики — огнем из автоматов и пулеметов.

Днем и ночью на этажах дежурили стрелки. Днем они упражнялись в меткости стрельбы по перебегающим фашистам, а ночью по слуху определяли местонахождение противника и кидали туда гранаты, стреляли из автоматов.

Особенно здорово это получалось у офицера-разведчика Гераськина и начальника химической службы капитана Толкача. Они вдвоем лично отправили на тот свет многих захватчиков.

Дом был на редкость прочным, снаряды легких орудий лишь царапали его. Потеряв надежду взять дом танками и пехотой, противник решил разрушить его и открыл огонь из орудий крупного калибра.

Рухнула одна стена и лестница между этажами. Погиб Гераськин. К дому подошли два танка с автоматчиками. При отражении атаки погиб инженер полка.

Но гарнизон продолжал вести бой. Калинин предложил:

— Споемте, братцы!

Оставаясь на своих боевых местах, все поют «Интернационал», «Варяга» и «Катюшу», кто-то тихо играет на рояле.

Все атаки противника на дом отбиты.

В ходе ожесточенного боя командир полка Печенюк доложил мне, что в боевых порядках полка по соседству с домом, который обороняет гарнизон лейтенанта Калинина, сражается гарнизон роты рабочих завода «Баррикады» под командованием А. П. Федорова. В него входили коммунисты, комсомольцы и личный состав охраны завода.

Рота активно и стойко вела бой.

По моей просьбе политрук этой роты Л. М. Клюкин пришел на командный пункт дивизии и подробно рассказал о рабочих-ополченцах.

Противник несколько раз атаковал роту пехотой при сильной поддержке огня артиллерии, но атаки успешно отражались с большими для него потерями. Тогда были применены и танки. Гитлеровцы, казалось, обрушили все свои силы на гарнизон рабочей роты. Вскоре один танк подошел к дому. Боец В. Мухортов с товарищами

встретил его гранатами и бутылками с горючей жидкостью. Танк загорелся. Через некоторое время подошли еще три танка, но и они были подбиты и сожжены.

П. А. Тяличев.

В результате упорных боев противнику все же удалось овладеть частью дома, обороняемого рабочими гарнизона. Но борьба за дом продолжалась еще несколько дней. Для выкуривания из дома наших воинов противник применил термитные гранаты. Они сильно обжигали, а дым от этих гранат действовал на глаза, вызывал обильное слезоточение, что очень затрудняло вести прицельный огонь.

В неравном бою рабочая рота понесла значительные потери. Погибли и командир роты А. П. Федоров и храбрец В. Мухортов. Но рота продолжала сражаться до самого окончания Сталинградской битвы.

Чтобы полнее представить, как рабочие сражались за свой родной завод, приведу рассказ П. А. Тяличева:

«По приказу командования 62-й армии, наш рабочий отряд был передан в дивизию Гуртьева. Ночью вместе с комиссаром этого отряда товарищем Ченцовым, секретарем партбюро одного из цехов нашего завода, я пробирался по берегу Денежной Воложки в штаб диви-

зии, который был расположен в одном из оврагов.

То и дело нас останавливали приглушенным криком: — Стой! Кто идет! — и только после проверки документов пропускали дальше.

По узким крутым тропкам на верх оврага поднимались бойцы и пропадали в темноте.

У входа в блиндаж командного пункта дивизии, закрытого плащ-палаткой, мы доложили о себе дежурному командиру. Командир и комиссар дивизии приняли нас очень тепло.

Полковник Л. Н. Гуртьев подробно расспросил о заводе. Узнав, что я работал заместителем главного конструктора и до войны окончил академию, он сказал:

— Это хорошо!

И тут же стал рассказывать нам, как два полка остановили немцев, рвавшихся к Волге. Эти полки понесли очень тяжелые потери, но поставленную задачу выполнили.

— Я надеюсь, что рабочие будут драться не хуже моих сибиряков. Передайте это рабочим, нашим боевым друзьям,— сказал Гуртьев.

Он включил нас в состав роты лейтенанта Бурлакова. За нами сохранилось название рабочего отряда.

В это время наш отряд с боем отходил с Верхнего поселка на территорию завода. Утром все бойцы собрались на заводе. От него остались уже только полуразрушенные стены.

Мы шли по заводскому двору и вспоминали тех, кого уже не было вместе с нами. Здесь погиб молодой инженер Петр Денисович Борозна, заместитель начальника сборочного цеха. До последнего своего часа он собирал и отправлял на фронт боевое оружие. Отсюда наши рабочие уходили на фронт.

В железнодорожном тупике стояла батарея морских орудий дальнего действия. Из этих пушек моряки флоти-

лии вместе с нашими рабочими вели огонь по немцам, и теперь эта батарея стояла тут же, но она была уже разбита немецкой авиацией.

Я доложил о прибытии нашего отряда командиру роты старшему лейтенанту Бурлакову.

Бурлаков приказал нам проделать бойницы в железобетонном заводском заборе. В любую минуту со стороны Верхнего поселка могли появиться вражеские танки.

Немцы подходили к трамвайной и железнодорожной линиям, били по заводу прямой наводкой.

Когда противник занял тракторный завод и повел наступление на «Баррикады», рабочий отряд занял оборону в западной части завода. На завод прибыл 650-й стрелковый полк майора Печенюка с сильными огневыми средствами. Мы перешли в наступление, но вскоре отошли на исходный рубеж. Территория «Баррикад» с Верхнего поселка хорошо просматривалась фашистами, и их прицельный огонь не давал продвигаться нашим бойцам.

Немцы начали ожесточенную артиллерийскую подготовку. Волна за волной на завод шли бомбардировщики. Затем в наступление двинулось 50 немецких танков. За ними шли волна за волной автоматчики.

Наши бронебойщики, расположенные вдоль железобетонного забора, метким огнем встретили немецкие танки. Вражеские автоматчики залегли. Противотанковые орудия, расположенные у первых контрольных ворот, подбили семь танков. Они загородили проход. Лобовая танковая атака была сорвана.

Затем противник бросил танки с десантом пехоты. Они пытались охватить завод с севера и юга. Танки подошли вплотную к цехам. Прямой наводкой они вели огонь по нашим боевым порядкам, а автоматчики наступали густыми цепями.

Нам пришлось отойти и занять оборону на линии горячих и механических цехов.

На долю многих рабочих выпало бороться за Родину там, где они раньше трудились. Завязался бой на коротких дистанциях. Главным оружием были ручные гранаты. Два часа длился этот неравный бой в цехах завода. Нам снова пришлось отойти и занять оборону на восточной окраине завода.

Трудно передать в коротком рассказе все эти события, которые продолжались днем и ночью без перерыва.

Вот как об этих днях рассказывают донесения, которые писал старший лейтенант Бурлаков: «Командиру дивизии: доношу, что северо-западные цехи завода заняты противником. Гарнизон роты попал в окружение. Связь с этими цехами прервана. На углу, северо-западнее от цехов, шесть танков противника. Нахожусь в обороне с отрядом рабочих. Положение серьезное. Бурлаков».

«Доношу, что рабочий отряд роты занял оборону северо-западнее угла завода. Утром с соседнего участка прорвалась большая группа немцев. Приняли бой почти с двумя батальонами пехоты гитлеровцев, часть их уничтожена. Положение серьезное. Старший лейтенант Бурлаков».

На всю жизнь останется в памяти момент, когда немецкие танки, обойдя завод с запада, прорвались к Волге. Их встретили бойцы коммунистического батальона. Своей кровью оросил разрушенные здания любимого города наш комиссар Павел Иванович Сенцов. Был тяжело ранен и отважный командир роты старший лейтенант Бурлаков.

Командир полка Печенюк отозвал часть офицеров и сержантов на командный пункт полка. Оборонять дом был оставлен адъютант командира полка младший лейтенант Калинин.

Старший сержант А. И. Горбатенко рассказывал:

— Через несколько дней Печенюк дал указание капитану Толкачу пробраться в дом, оборонять который продолжает гарнизон Калинина, отрезанный от своих частей, но у нас нет с ним никакой технической связи. «Подойдите туда,—сказал Печенюк,—свяжитесь с Калининым, изучите подробно у них обстановку».

Капитан Толкач взял и меня с собой. По воронкам, через развалины пробираемся к дому. У входа, в проеме рузрушенной двери,— часовой. Но чей — наш или противника? Капитан Толкач подкрадывается и кулаком сбивает часового. В ответ русское крепкое словцо — значит, свои. Часовой подводит нас к дыре в подвале.

Начальник гарнизона младший лейтенант Калинин с двумя бойцами успешно ведет бой, он просил доложить командиру полка, что хотя гарнизон и находится в тылу противника, но дом не будет сдан.

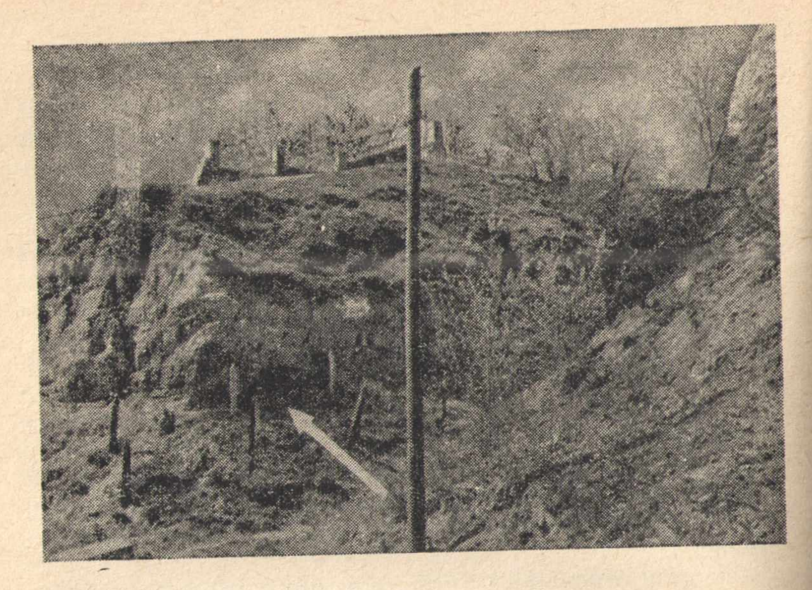
Гарнизон Калинина оборонял дом до конца декабря, когда полк Печенюка перешел в окончательное наступление.

Будучи отрезанной от части армии, дивизия все более и более нуждалась в пополнении, боеприпасах и продовольствии. На 14 ноября боеприпасы почти полностью были израсходованы, продовольствия не оставалось.

16 ноября. 138-я Краснознаменная стрелковая дивизия удерживает занимаемые позиции, отражает многочисленные атаки мелких групп противника. Помощь, оказываемая нашими самолетами, сбрасывающими грузы, незначительна. Гранат, патронов нет, питания тоже.

В ночь на 16 ноября старший политрук Михаил Зуев, редактор дивизионной газеты, вызвался добраться вплавь до острова Зайцевского, чтобы оттуда сообщить Военному совету армии о нуждах дивизии.

По Денежной Воложке шла шуга. Пока Зуев плыл в ледяной воде, наша артиллерия интенсивно вела огонь по огневым точкам противника, мешая им поразить

Здесь оборонялись «роликовцы».

смельчака. Зуев пошел на риск, понимая, что иной связи с Военным советом у нас не может быть.

Дневной суточный паек бойца к этому времени составлял: 25 граммов сухарей, 12 граммов крупы, 5 граммов сахара.

Если иметь в виду положение нашей дивизии после 12 ноября, то оно хотя и скупо, зато точно обрисовано в воспоминаниях командира 62-й армии В. И. Чуйкова: «Теперь перед нами встала задача оказать помощь дивизии Людникова, оторванной от главных сил армии. Ее положение стало очень тяжелым: она была зажата противником с севера, с запада и с юга, а с востока отрезана Волгой. Пошел сплошной лед.

Подвоз боеприпасов, продовольствия, вывоз раненых производились с перебоями, промежутками в двое-трое суток» *.

В. И. Чуйков пишет затем о певедении командования 138-й дивизии и отдает дань его выдержке, спокойствию, уверенности.

Оборона Сталинграда—большого промышленного города и важного узла коммуникаций — составляет ценнейший вклад в историю военного искусства.

Враг вынужден был признать, что в Сталинграде он встретился с совершенно новыми и невиданными им до сего времени формами борьбы. 14 ноября 1942 г. газета «Берлинер борзенцейтунг» (официоз фашистской партии) писала: «...борьба мирового значения, происходящая вокруг Сталинграда, оказалась огромным, решающим сражением. Впервые в истории современный город удерживается войсками до разрушения последней стены. Но этот противник не жалеет собственный город... Наше наступление, несмотря на численное превосходство, не ведет к успеху».

Продолжая свое повествование, считаю своим долгом рассказать еще о тех, кто сражался в заводском районе. И в первую очередь — о наших солдатах и сержантах.

Есть слово, которое о многом напоминает ветеранам 138-й дивизии, короткое и звучное слово — «Ролик».

Представьте себе глубокий овраг, раструбом выходящий к Волге. Его суглинистые стены круты. По самому верху оврага — огневые точки, блиндаж, позади — глубокая траншея, ведущая в глубь немецкой обороны. Гитлеровцы наверху, а под ними, в нишах двух отвесных стен оврага, засели четыре наших бойца — по два

* В. И. Чуйков. Начало пути. Воениздат, МО СССР, 1962, стр. 253—254.

в каждой нише. Это связисты промежуточной телефонной станции линии связи «армия—дивизия». Их позывной — «Ролик». Приказа на отход «Ролик» не получил и действовал, поддерживая одностороннюю связь. Провод, соединявший нас со штабом армии и с дивизией Горишного, противник порвал.

Старшему на «Ролике», младшему сержанту Кузьминскому, подчинялись три бойца — Ветошкин, Колосовский и Харазия.

Фамилии четырех связистов начертаны на обелиске «Ролика», который установлен в нижнем парке завода «Баррикады», у самого обрыва правого берега Волги.

За что четырем солдатам такая честь?

Когда на левом фланге дивизии противник вышел к Волге, Кузьминский связался с нами по телефону и

Мемориальная доска на берегу Волги.

сообщил, что видит фашистов, стреляет по ним и к берегу не подпускает. А немцы были не в силах выкурить «Ролик» из ниш. Попробовали даже опустить на наших связистов взрывчатку, но Кузьминский и его бойцы срезали веревку огнем автоматов, и взрывчатка, пролетев мимо, никому не причинила вреда.

Кузьминский бодро говорил:

— Нам нужны патроны да харчи. «Ролик» будет оборонять занятые позиции!

Один из связистов пробивался ночью в штаб дивизии, получал необходимые запасы патронов и продовольствия и возвращался к себе. Для «Ролика» даже в трудные для нас дни со снабжением мы не жалели патронов и продуктов. У «Ролика» нас разъединили с соседней дивизией, а «Ролик» соединил нас с нею. Сорок дней и ночей выдерживали четыре связиста необычайную осаду, и их пример воодушевлял всех бойцов дивизии. Когда «Ролик» замолкал, на душе становилось тревожно, но опять слышалась стрельба из расщелины оврага, и наши солдаты радовались:

— «Ролик» не сдался! «Ролик» стреляет! «Ролик» ведёт бой!

А. С. Колосовский — телефонист «Ролика».

* * *

Берег левый, берег правый
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава,
Кому темная вода, —
Ни приметы, ни следа.

Картину, подобную той, что нарисована в поэме А. Твардовского «Василий Теркин», мы наблюдали не раз. А сейчас, двадцать восемь лет спустя, ветераны 138-й Краснознаменной стрелковой дивизии склоняют поседевшие головы перед светлой памятью солдат-понтонеров и моряков Волжской военной флотилии. Переправляя нам грузы на рыбацких лодках и на бронекатерах, они знали, на что идут.

Ночью на острове Зайцевский была построена рота понтонеров, и ее командир, капитан Кориков, вызвал добровольцев-гребцов на двадцать пять рыбацких лодок, до предела нагруженных боеприпасами и продовольствием для защитников «Баррикад». Добровольцев оказалось больше, чем требовалось.

Понтонеры притащили нагруженные лодки из глубины острова Зайцевский к урезу воды.

Понтонеры знали наши сигналы. По команде подполковника Тычинского заговорила артиллерия. Обнаружив движение лодок, противник тоже открыл заградительный артиллерийский огонь. С высокого правого берега мы увидели, как сквозь битый лед, взрываемый снарядами противника, лодки пробиваются к нашему берегу. Но через несколько минут мы с великой болью провожали взглядом эти лодки, плывшие от нас по течению вниз, к Бекетовке. Там их перехватывали понтонеры соседней армии генерала М. С. Шумилова. Там хоронили мертвых гребцов и оказывали помощь их раненым товарищам.

Только шесть лодок из двадцати пяти прорвались

к полосе реки, не простреливаемой пулеметным огнем врага, и причалили к нашему берегу.

Все работники штаба дивизии участвуют в разгрузке этих лодок. Наш берег подвергался сильному обстрелу вражеских минометов. Надо было спасать то, что еще можно было спасти, и люди бросались в самую гущу разрывов.

«Переправа, переправа! Берег левый, берег правый...»

Много после той ночи было переправ: на лодках, потом на бронекатерах, и ни одна из них не обошлась без жертв. Были убиты руководившие разгрузкой бронекатеров майор К. Рутковский, капитан П. Гулько и ординарец подполковника Шубы рядовой Кочерга. Они погибли ради того, чтобы продолжал сражаться истерзанный, искромсанный снарядами и авиабомбами небольшой участок земли на «Баррикадах».

Летчики, мастера ночных рейсов на трудягах ПО-2, тоже пытались помочь защитникам «Баррикад». Они сбрасывали нам мешки с патронами, сухарями. Но уж до того была мала наша земля, что мешки попадали в расположение неприятеля или в Волгу. А из тех мешков, что доставались нам, мы извлекали патроны с изъянами: они деформировались при ударе о землю.

Атаки противника не прекращались, каждый день дивизия теряла бойцов и командиров, а пополнение не прибывало.

Больше всего тревожило нас состояние раненых. Их было около четырехсот (почти столько, сколько имелось активных штыков на переднем крае), а помочь им мы ничем пока не могли.

Однажды пришла ко мне медсестра штаба дивизии Серафима Озерова, жена командира роты связи. Один глаз у Озеровой был закрыт повязкой (ранило на переправе осколком мины), а в другом стояли слезы. «Ну, — думаю,— опять станет умолять, чтобы не отправляли ее

в тыл, не разлучали с дивизией, с мужем». Но медсестра заговорила о другом: настойчиво просила меня найти время и пойти в землянку к раненым, пока те не разбежались.

— Куда они могут разбежаться? — удивился я.

— Не знаю... Только меня слушать не хотят, к себе не подпускают и требуют: «Приведи комдива!».

С Озеровой мы прошли в огромную землянку. Легкораненые ухаживали за теми, которые недвижно лежали на земле, прикрытые шинелями. Даже при тусклом свете коптилки заметна грязь на бинтах. У нас нет достаточного количества перевязочного материала, нет медикаментов, не хватает продуктов питания. Раненые получают ту же голодную норму, что и здоровые. Тягостное зрелище... Но жалобам здесь нет места. Поздоровавшись, я спросил:

— Как самочувствие, что интересует вас, товарищи солдаты?

Раздались голоса:

— Хотим знать обстановку.

— Расскажите, как на переднем крае? Что нас ждет?

Легче рассказать раненым, как воюют их товарищи и что дала первая попытка доставить к нам боеприпасы и продукты. Труднее ответить на вопрос: что нас ждет?

— Последние рубежи на Волге врагу не отдадим,— заверил я их.— Когда река покроется льдом, всем станет легче, но пока и раненым надо потерпеть. Вашу эвакуацию на лодках я запретил. Не для того солдат дрался на «Баррикадах», чтобы раненым утонуть в Волге под огнем неприятеля.

— Обстановка ясна...

С земли поднялся немолодой солдат. Одна рука на перевязи, другой поправил шапку и заявил, что ему поручили выступить от имени раненых.

— До того нам, товарищ полковник, ясна обстановка,

что пожелали с вами видеться и поведать вам свои думы. Разрешите легкораненым вернуться в строй. Поглядите, к примеру, на меня. Стрелять несподручно, так я подносчиком боеприпасов могу работать, командиры подразделений найдут нам посильную работу. Уважьте нашу просьбу!

Я обещал уважить. И тогда он от имени раненых обратился ко мне еще с одной просьбой, но сначала пожаловался на полевую почту.

— Толкуют тут про военную тайну! — сердито сказал он.— И некоторые письма у нас не берут. Нельзя, говорят, указывать город, где мы сражаемся. А почему? Мы здесь кровь пролили, здесь готовы биться до победы или смертного часа. На этот город сейчас весь мир смотрит. Так чего нам таиться?

Вероятно, я превысил свои полномочия, но разрешил солдатам указывать в письмах город, на который «весь мир смотрит», руководствуясь тем, что и это решение будет положительно сказываться на боевом духе нашего личного состава. Дал на этот счет указание и начальнику полевой почты.

Из сорока дней боев в этом своеобразном полуокружении самой трудной была первая неделя. И хотя вслед за нею начались неимоверно тяжелые для нас испытания, радость воинов дивизии, узнавших о начале большого наступления советских войск, не поддавалась описанию.

Из разговора с генералом Н. И. Крыловым по радио я понял смысл и значение его слов: «Уже началось!».

А немцы продолжали упорные атаки, будто знали, что запасы боеприпасов и продуктов у нас на исходе. Сказать об этом генералу Крылову я не успел. Штабная радиостанция замолчала — кончилось питание.

В ту пору печать дружественных нам стран ежедневно публиковала подробные сводки о ходе борьбы в Ста-

линграде и восхищалась стойкостью, упорством и мужеством наших войск. Приведу лишь две выдержки из разных газет, чтобы сопоставить их описание с истинной обстановкой в сражении за город.

Американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Такие бои не поддаются стратегическому расчету. Они ведутся жгучей ненавистью, со страстью, которой не знал Лондон даже в самые тяжелые дни германских налетов».

При всем уважении к стойкости лондонцев, испытания, которым они подверглись, не выдерживают сравнения с тем, что выпало на долю жителей и защитников города Сталинграда. Ничто не угрожало зенитчикам Лондона, кроме прямого попадания бомбы на их батарею. Мы сражались с фашистами лицом к лицу. Но разница не только в этом.

Английская газета «Рейнольдс ньюс», отдавая дань уважения славным защитникам города на Волге, писала в те дни:

«Вторично на протяжении одного поколения Сталинград стал символом воли русского народа к жизни. 24 года тому назад реакционеры, старавшиеся уничтожить молодую Советскую республику, были сами уничтожены на берегах Волги. Сегодня еще худший деспотизм требует кровавых жертв на улицах города, который выдерживает самые грандиозные атаки в истории войн. Эпос Сталинграда будет жить вечно. Героизм вооруженного русского народа, искусство русских командиров будут вызывать восхищение во всем свободном мире. Мы с полным основанием восхищаемся Сталинградом».

А сейчас некоторые буржуазные историки, наблюдавшие войну со стороны, не зная по-настоящему, что такое война, пытаются поучать тех, кто воевал, кто перенес все тяжести войны, как надо было бы воевать.

Опоздали с поучениями.

СОЛДАТ И КОМАНДИР

Равняясь на коммунистов, вступают в партию отличившиеся в боях, но авангард, как известно, несет самые большие потери. За первые недели в 344-м стрелковом полку потеряли командира полка, убиты начальник штаба, его помощник, три командира рот, пять командиров взводов, врач. В малочисленных подразделениях насчитывается по одному-два коммуниста, по два-три комсомольца. Каждый из них не только стрелок, но и связист или сапер. Мы называли их политбойцами. Это — полпреды партии на переднем крае.

При очень сложной обстановке тяга в партию была огромной. Наш воин вступлением в партию выражал свой патриотический долг перед Родиной. При малочисленном составе дивизии в ноябре было принято в члены ВКП(б) 19 человек, в кандидаты — 160, в декабре, когда в дивизии было еще меньше бойцов, было принято в члены ВКП(б) 15, в кандидаты — 106 человек.

Хотя и в сложной обстановке, но мы кое-когда собирали командиров полков и комиссаров на командном пункте дивизии, чтобы обменяться опытом и подумать, как улучшить ближний бой в городе. При малом количестве людей надо воевать не числом, а умением — это было основной нашей целью.

Разведчики Петухов, Морозов и Григорьев получили задачу взять контрольного «языка». Когда привели пленного, они доложили мне:

— Готовясь в разведку, мы решили использовать для поиска подземные заводские коммуникации. В этом деле нам хорошо помог гражданский пожилой человек— инженер с завода «Баррикады» Тяличев.

— Извините меня, молодые люди, что я вас подслушал, но я могу вам помочь,— вызвался он. И рассказал о колодцах и трубах, по которым можно пройти в любую точку завода.

Получив консультацию от товарища Тяличева, они и пошли на поиск.

В подвале соседнего дома Тяличев познакомил их с женщиной и двумя ее дочерьми. Они работали на заводе до последнего момента и не успели эвакуироваться за Волгу.

Преодолевая всевозможные завалы и препятствия в подземных коммуникациях, разведчики медленно продвигались вперед. На одной из остановок для ориентирования и отдыха их внимание привлек очень тихий разговор, ребята прислушались и услышали тихий детский плач. Прошли еще некоторое расстояние и четко услышали голос русской женщины, успокаивающей плачущего ребенка. Разведчики подошли вплотную и осветили их электрофонариком. Это была женщина с детьми, на их лицах написаны страх и ужас. Смельчаки сказали, что они советские воины. Женщина и дети заплакали от радости. Не смогли удержаться от слез и мужественные солдаты. Место, где находилась несчастная семья, напоминало настоящий склеп с заживо погребенными. До того, как появилась возможность эвакуировать женщину и детей, солдаты носили им свои скудные продукты.

Начальник политотдела дивизии М. С. Немцев вручает партийные билеты.

После доклада разведчиков я решил изучить подземное хозяйство. Посетив командный пункт командира 344-го полка, я увидел там необычную карту. Ее подарил Владимиру Коноваленко инженер завода «Баррикады» Тяличев. На карте обозначены колодцы, трубы и тоннели большого хозяйства завода. По трубам и тоннелям можно пробраться в цехи, занятые врагом. Разведчики и саперы уже начали подземную войну. Они проникают в тыл врага, внезапно нападают и скрываются. Каждая такая вылазка сопряжена с риском, и совершают ее добровольцы. Коноваленко лично проверяет их подготовку, дает напутствие, провожает на задание.

Прежде чем отправить группу разведчиков и саперов-подрывников в тыл врага, Коноваленко дал людям пять минут «на размышление». Командир ясно представлял себе трудный маршрут этой группы и характер задания. По трубам, по узким тоннелям двигаться можно только в одиночку, цепочкой. Воздух там спертый. Внезапная встреча с противником потребует от каждого разведчика и сапера разумных и самостоятельных действий. Любому из этой группы разрешено отказаться от вылазки, если он плохо себя чувствует.

— Нет ли простуженных, кашляющих? — допытывался Коноваленко.

Больных не нашлось, и командир полка проводил группу к колодцу, со дна которого начинался лабиринт подземного хода в неприятельский тыл.

У этого же колодца он встречал на рассвете вернувшихся. Старший группы доложил командиру полка:

— Задание выполнено. В подвале инструментального цеха взорваны ящики с боеприпасами. Истреблено не менее тридцати вражеских солдат. Отходить пришлось с боем, прикрывая друг друга. Из группы в десять человек пятеро не вернулись.

Задание выполнено. Иной командир ограничился бы похвалой и обещанием наград. Коноваленко поступил иначе. Вытащив блокнот, он прежде всего записал фамилии тех, кто не вернулся, и тут же прямо и честно высказал то, что в эту минуту больше всего его волновало:

— Если на «Баррикадах» мы будем терять по пяти наших лучших разведчиков и саперов за тридцать поганых гитлеровцев, придется отказаться от таких вылазок.

Молча слушали солдаты своего командира полка. Умом и сердцем поняли, как переживает капитан Коноваленко гибель лучших бойцов...

Суровость — во благо, а доброта — во зло,— на войне и это бывает. Только не сразу за внешней суровостью различишь истинную доброту, да и доброта доброте рознь. В этой связи вспоминается разговор с пулеметчиком Белобородько, первым орденоносцем дивизии за бой под Цимлянской. Белобородько погиб на «Баррикадах», а случай, о котором я хочу рассказать, произошел в одной из станиц на Аксае.

Две роты первого батальона 344-го стрелкового полка (им тогда еще командовал Алесенков) разминулись на подходе к станице. Командир первой роты привел своих бойцов на окраину станицы, и те, изнуренные жарой, по-

валились на землю. На станицу налетели бомбардировщики противника. Рота стала их легкой добычей. Когда я приехал в эту станицу после бомбежки, убитых уже похоронили. Вместе с солдатами в братской могиле лежал недавно принявший роту молодой лейтенант. У могилы я и увидел пулеметчика Белобородько. Был он мрачен и, разговорившись со мной, стал винить себя, что сам накликал беду на товарищей.

— Кабы я, дурень, не слышал того спору! — казнил себя Белобородько.— Наш лейтенант каже другому ротному: «Звернем до хат, притомились бойцы, нехай отдохнут». А тот—никак: «Немножко, каже, до ночи потерпим». И повел своих хлопцев лощиной в камыши. А наш добренький лейтенант... Не хватало у мэнэ духу сказать ему: «Да не жалей ты нас!» Вот она, жалость его как обернулась.

...Ночью морозит. С берега реки доносится шум — идет густая шуга, предвещающая скорый ледостав. Это пугает гитлеровцев, и они напрягают последние силы, чтобы сбросить нас в Волгу и высвободить войска, которые до зарезу нужны Паулюсу на других участках фронта. В последней надежде разделаться с нами немцы сосредоточили на «Баррикадах» новую дивизию. Допросив пленных, майор Т. М. Батулин, начальник отделения разведки, с тревогой сообщил, что против нас действует еще одна немецкая пехотная дивизия — 389-я.

Комиссар дивизии Н. И. Титов успокаивает Батулина:

— Пусть тревожится враг, а нам — только радоваться: 305-ю вместе с танками 14-й танковой дивизии как корова языком слизала. Новой дивизии тоже не дадим уйти.

Но пока нам очень тяжело — отбиваем атаки подошедшей 389-й гитлеровской пехотной дивизии. Сломить оборону нашего 344-го полка противник не смог и на

исходе третьей недели ноября навалился на полк Печенюка, потеснив его настолько, что штаб дивизии вынужден был занять оборону. Гитлеровцев, приблизившихся к нашему блиндажу-штольне, вместе с бойцами охраны контратаковали и истребили.

Майор Гуняга настойчиво просит разрешить ему сменить командный пункт полка. У него тоже офицеры штаба дерутся бок о бок с рядовыми в считанных метрах от командного пункта. Когда я ночью шел к Гуняге, немецкая граната угодила в траншею. Осколки изодрали мне шинель. Майор видел, как я извлек из кармана гимнастерки порванный осколком партийный билет.

— Нужна нормальная обстановка для работы, а ее нет,— жаловался Гуняга.— Теперь вы сами убедились.

В этом майор прав. Но он недооценивает другое, главное. Мы тоже создали для противника ненормальную обстановку, лишили его выгодных условий войны. Мы вынудили фашистов воевать так, как это нужно нам. И хотя тяжко майору Гуняге, зато гитлеровцам на его участке не легче. Кризис решающих боев в городе близок. Есть все основания рассчитывать, что перелом произойдет в нашу пользу.

Трудно майору Гуняге. Это верно. Но стоит его солдатам оглянуться — они видят поблизости командный пункт командира полка. И солдаты это ценят.

В те дни, как никогда, мы были сильны на «Баррикадах» своими несменяемыми командными пунктами.

Капитана Коноваленко в этом убеждать не надо — он учитывал психологию солдата. А майор Гуняга, наверное, не раз подумал тогда о полковнике Людникове: «Жестокий у нас комдив». И все же я не разрешил ему сменить командный пункт полка.

В последних числах ноября обстановка на Волге улучшилась, потеплело, прошла шуга. Бронекатера Волжской военной флотилии совершили несколько рейсов. Мы получили небольшое пополнение и немного продуктов. А в ночь на 4 декабря Денежная Воложка от нашего берега до острова Зайцевский покрылась сплошным крепким льдом.

Сталинградский метр... Почти дословно запомнил я разговор солдата Ивана Злыднева с первым небольшим пополнением для 344-го полка. Новичков доставили к нам ночью на бронекатере, и с берега по траншее Злыднев привел их в блиндаж. Я и комиссар полка, следуя за ними, тоже пришли в блиндаж, но в темноте бойцы нас не заметили (мы были в таком же обмундировании). Так невольно и стали свидетелями беседы Злыднева с новичками о наших боевых делах.

— Как вы тут воюете? — спросил Злыднева новичок.— Неужто по-над берегом недалеко отсюда передний край?

— Враки! — ответил Злыднев.— Отсюда до немца метров двести будет.

— Всего-то? — раздались встревоженные голоса.

— Не робей, братцы! На «Баррикадах» метр особый. Это за Волгой, где земли много, там метр нормальный, а мы деремся за каждый дом, за комнату, за лестничную клетку, поэтому и измерения у нас особые и метр особый.

— А правда, что нас пошлют в знаменитый полк Коноваленко? — допытывался уже другой новичок.— На том берегу нам говорили: геройский командир!

Словоохотливый Злыднев стал рассказывать, как одним из первых вступил на правый берег Волги, как воевал в должности «коменданта гарнизона», а теперь, по случаю ранения, числится ординарцем у капитана Коноваленко. А такого командира, как капитан Коноваленко, по всему фронту не сыскать.

— А как вы здесь держитесь?

— Держимся мы здесь очень просто,— просвещал

6 Заказ № 160

Злыднев новичков.— Вдоль нашего переднего края железная дорога проходит. В ту железку мы зубами вцепились — не оторвешь. А у кого зубы слабые, тех в наш полк не берут.

— Скажешь! — усомнились слушатели.

— Повоюешь с мое — и не то скажешь.

Солдат гордится своей ротой, своим батальоном, полком, солдат любит рассказать о походах, боях и тех ратных трудностях, которые он перенес. Солдат любит своего командира, безгранично верит ему и всегда готов выполнить любой его приказ. Нет ничего дороже такого солдата, но обретает его лишь тот командир, который это заслужит.

На «Баррикадах» солдат знал, что у его командира нет пространства для маневрирования. Только в ожесточенных схватках решается спор: кто — кого? И сама боевая обстановка сплачивает и закаляет воинское братство между командиром и солдатом, между начальником и его подчиненным...

В кругу друзей Зоя Леонова как-то рассказала о своем ратном пути:

«В первых числах ноября 1942 года на комсомольских собраниях города Камышина был брошен клич: «Молодежь, на защиту Сталинграда!» По призыву комсомола две тысячи юношей и девушек Сталинградской области встали на защиту города.

Из 9-го класса нашей школы вместе со мной подали заявления Зина Скоморохова, Римма Конева, Валя Иванова. Сборы были недолгими. Мы дали клятву на верность Родине и отправились в путь.

Переправились на левый берег Волги, преодолев стовосьмидесятикилометровое расстояние пешком. С растертыми до крови ногами мы прибыли в Капустин Яр. Нас быстро обучили работать на радиостанции и полевом телефонном коммутаторе, обмундировали, и 18 человек

из нашей группы послали в 138-ю Краснознаменную стрелковую дивизию.

Трудно было пробираться первый раз под перекрестным огнем трассирующих пуль, ползком на животе по еще не окрепшему льду Денежной Воложки в дивизию. Нам пришлось часа три или четыре лежать за торосистыми льдинами, ожидая момента, когда можно будет пройти.

Так мы со школьной скамьи попали в самое пекло Сталинградской битвы. Наши девушки были назначены радистками, телефонистками на полевом телефонном коммутаторе или на концевых телефонах в частях дивизии.

А трудности? Трудно было с питанием, одеждой. Мы

Девушки-добровольцы, пришедшие на защиту Сталинграда.

ходили в засаленных брюках и фуфайках, и негде было помыться. Страх? — Страха особого не было. Очевидно, в 16—17 лет так оно и должно быть.

В землянке под берегом Волги мы встретили Новый 1943 год. Полулежа подняли кружки с фронтовыми ста граммами и тихонько спели «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти — четыре шага».

Девушки с большим старанием относились к исполнению своих обязанностей, они полностью заменили мужчин на их постах и делали все необходимое, чтобы связь работала нормально. Через непродолжительное время показали себя хорошими связистками Зоя Леонова, Тая Кабанова, Зина Скоморохова, Римма Конева, Галя Коваль и многие другие.

Самое благородное на войне — оказание помощи раненым.

...В Сталинград ползли армады фашистских танков. В воздухе нескончаемо выли и бомбили мирное население воздушные стервятники.

Комсомолка Галя Шарова надела сумку с красным крестом и добровольно пошла защищать от врага родной город.

Часто в разгаре боев отважную комсомолку можно было видеть в боевых порядках подразделений. Под огнем противника она оказывала медицинскую помощь раненым и за короткое время вынесла с поля боя семнадцать воинов.

В дни решающих атак полком Печенюка П-образного здания, превращенного противником в мощный опорный пункт, в здание вместе с бойцами ворвалась и санитарка Галя Шарова и тут же оказывала раненым первую помощь.

Смелыми, подлинными патриотками зарекомендовали себя санитарки-комсомолки Шура Кудрявцева и Ирина Кузьмина. Их ратные дела высоко оценило командова-

ние, наградило обеих медалями «За отвагу».

— А страха, мне кажется, особого не было,— вспоминала потом Зоя Леонова.—Посвятив себя защите Отечества, воин думает, как победить врага, а не о смерти.

Медсестра 344-го стрелкового полка Г. А. Шарова.

В одной из стрелковых рот проходило комсомольское собрание, на нем много говорилось о долге солдата.

В конце собрания для справки взял слово командир роты. Он сказал:

— Я должен внести некоторую ясность в выступление комсорга. Он много говорил о смерти и сказал, что Родина требует от нас смерти во имя победы. Комсорг, конечно, неточно выразился: Родина требует от нас победы, а не смерти. Да, кое-кто не вернется с поля боя, на то и война. Герой тот, кто умно и храбро умер, приблизив час победы. Но дважды герой тот, кто сумел победить врага и остался жив.

Да, лозунг «Победа или смерть!» здесь писался не с вопросительным, а с восклицательным знаком. Здесь не гадали: или-или. За лозунгом стояла жизнь, в которую верили и ради которой дрались.

И юные патриотки, посвятившие себя защите Родины, Отечества, честно выполнили воинский долг.

Командующий 62-й армией В. И. Чуйков приказал 400-му пулеметно-артиллерийскому батальону занять оборону на острове Зайцевский, чтобы не дать противнику полностью окружить 138-ю стрелковую дивизию. Но гитлеровцы и не пытались сделать это. Над всеми их дивизиями в районе Сталинграда нависла угроза полного разгрома, врагу стало «не до жиру».

Волгу сковало льдом, и связь с тылом налаживалась. Мороз крепчал, а наша дивизия, подобно дереву в весеннюю пору, начала наливаться соками. Мы даже смогли предоставить солдатам возможность попариться в бане, которая круглосуточно топилась на острове Зайцевский.

14 декабря к исходу дня был получен следующий приказ командарма: «138-й Краснознаменной сд левофланговым полком наступать в юго-западном направлении и с выходом на улицу Таймырская соединиться с правофланговой частью полковника Горишного, восстановив сплошной фронт».

Предстояли нелегкие бои, но самые тяжкие для дивизии испытания остались позади.

138-я Краснознаменная выстояла на «Баррикадах» и теперь сама переходила в наступление, чтобы вместе с другими дивизиями окончательно разгромить врага. Совершалось главное.

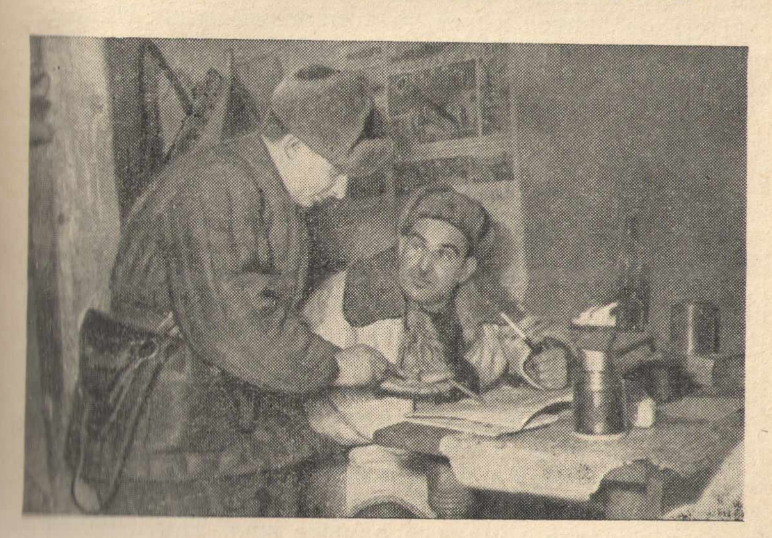
ВПЕРЕД НА ЗАПАД!

За день до наступления близ улицы Таймырская, о которой говорится в приказе командарма, был тяжело ранен Коля Петухов, самый опытный в дивизии разведчик.

Сержант Петухов и его напарник Григорьев ушли в ночную засаду, выследили и взяли «языка» и поволокли его к нашей траншее. В это время ракета осветила местность, и разрывная пуля немецкого снайпера поразила Петухова в голову.

Сдав пленного пехотинцам, Григорьев с бойцом, которого дал командир взвода, на участке которого они вели разведку, положили сержанта на плащ-палатку и понесли на командный пункт дивизии. До рассвета раненого еще можно было эвакуировать на левый берег Волги в медсанбат, но разведчик чувствовал, что часы его сочтены.

Разведчик Н. Петухов докладывает разведывательные данные командиру И. И. Людникову.

— Мне тот берег уже не нужен,— сказал Петухов медсестре Серафиме Озеровой.— Пусть похоронят на той земле, где воюем, не надо за Волгу. А пока дышу — надо повидать комдива. Есть к нему личная просьба.

Озерова позвонила на командный пункт, и я пошел к умирающему. Он не нуждался в утешениях, а только хотел высказать заботу о том, по ком сильно горевал в свой предсмертный час.

— Меня воспитывала моя старшая сестра. А мальчонка — круглый сирота. Так уж вы, товарищ полковник, не оставляйте его без присмотра...

С такой просьбой обратился ко мне разведчик Петухов, и я должен рассказать о его найденыше — Николке и о том, как в дни войны хранят солдаты в своих сердцах нерастраченную любовь и нежность ко всему, что дорого каждому настоящему человеку.

Петухов привел к нам на командный пункт Николку месяц назад, в самый разгар боев. Медсестра Сима Озерова ахнула, увидев маленького оборванного заморыша.

— Коля, где ты его откопал?

— Живых не откапывают,— обиженно сказал Петухов.— Мальчонка накормлен, а ты его приведи в порядок, чтобы комдиву представить.

Пока Озерова возилась с ребенком, Петухов рассказал мне и подполковнику Шубе, как, возвращаясь из разведки, наткнулся на малыша в подвале дома в Нижнем поселке. До войны мальчик жил с родителями в Верхнем поселке. А когда с фронта пришла похоронная на отца и немцы приблизились к Сталинграду, вдова с ребенком перебралась в Нижний поселок. Вскоре началась эвакуация гражданского населения. Оставив сынишку дома, мать потащила к переправе тюк вещей и не вернулась. Пришли гитлеровцы, погнали женщин и детей в свой тыл. Николка сбежал от конвоиров и спрятался в подвале дома, где раньше жил. Так и сидел в

подвале, ждал маму. Он и сейчас верит, что мама придет.

— Совсем дитя отощало,— закончил Петухов свой рассказ. — Рядом бой, и не мог я его там оставить. На уговоры не поддавался, еле унес на руках.

Озерова привела ко мне Николку. Было ему на вид лет шесть-семь. От еды и тепла мальчика разморило. Я уложил его на свою койку.

— За эту находку получишь медаль,— сказал я сержанту.— Не стыдись рассказывать людям, за что тебя на «Баррикадах» медалью наградили. Хотя ты и молод, Коля, но стал уже вроде крестного отца.

Все ушли, а я долго смотрел на спящего ребенка, на его стоптанные сандалетки. Лютует зима, а мальчонка в коротких штанишках. Острые локотки выпирают из рваных рукавов свитера. Давно не стриженные русые волосы, отмытые и расчесанные медсестрой, разметались по тонкой шейке с синими прожилками. Глаза закрыты, а ресницы пугливо вздрагивают и во сне. Дитя войны, сирота... Мы и его муки учтем в час возмездия!

О найденыше узнала вся дивизия. Тщетно пытались мы напасть на следы матери Николки. По всей вероятности, она погибла у переправы во время бомбежки. Николка быстро свыкся с новой обстановкой и не хныкал, хотя валенки были ему непомерно велики, а шапка-ушанка болталась на голове. Зато карманы его фуфайки, доходившей до щиколоток, всегда топорщились от солдатских подарков. Разведчики подарили ему костяной свисток с длинной цепочкой, губную гармошку, никелированную зажигалку и даже наручный компас. Заглянет, бывало, в наш блиндаж солдат и сунет Николке маленький кусочек сахару. Пил солдат кипяток «вприглядку», чтобы сберечь сахар для ребенка. Но не было для Николки никого дороже крестного отца — разведчика Петухова. Тот, бывало, говорит своему тезке:

— Скоро на «Баррикадах» побьем фашистов, полковник даст нам машину, и поедем мы с тобой по окрестным деревням маму искать. Найдем! А после войны заберу я тебя в Москву. Мне и тебе учиться надо. Я в институт пойду, ты в школу. Не пропадем.

Не сбылась мечта сержанта Николая Петухова...

Как только Волгу сковало льдом, мы отправили Николку на левый берег. Трогательным было расставание с мальчиком, которого полюбила и усыновила дивизия. Мы готовились к наступлению, и, как ни просил Николка, оставить его при штабе я не мог. Из тыла дивизии мне сообщили, что портной и сапожник одели и обули мальчика как подобает юному гвардейцу славной дивизии, и начальник медслужбы увез Николку в Саратов, чтобы определить в детский дом.

Фамилию мальчика я запамятовал. В шутку мы звали его Николаем Николаевичем, так как он помнил имя отца своего Николая.

Сейчас Николаю Николаевичу идет четвертый десяток, возможно, он отзовется, прочитав эту книгу.

Гитлеровцы оборонялись с отчаянной решимостью. И дело здесь было не только в свойственной немецкому солдату приверженности к неукоснительному выполнению приказов командира.

Гитлеровские пропагандисты не жалели труда, чтобы посеять в душе солдат 6-й немецкой армии, уже знавших об окружении, страх и надежду. Страх перед русским пленом и надежду на вызволение из сталинградского котла, обещанное самим фюрером. Вот почему только к исходу января сорок третьего года, когда фашистские солдаты своими глазами увидели агонию армии Паулюса, они повалили в плен и на нашем участке. А до этого мы полтора месяца вели тяжелые оборонительные бои.

Наступление начал полк Печенюка и продвинулся

всего на тридцать-пятьдесят метров. Для нас тогда имели значение и эти отвоеванные метры. Однако достались они слишком дорогой ценой. Я приказал атаку прекратить.

Мы решили изменить тактику наступления и создали в каждой роте штурмовые группы, численность которых определялась командиром в зависимости от объекта атаки.

В каждом полку воссоздали на ящике с песком макет местности и будущего объекта для штурма. Ничего особенного в этом не было. И все же нам удалось создать благоприятные условия для действия штурмовых групп, усыпив бдительность противника.

А добились этого, выработав у противника условный рефлекс на определенный сигнал. Для этого послали на остров Зайцевский двух офицеров — артиллериста и связиста — с задачей выбрать место, с которого можно видеть пускаемые ими ракеты одновременно противнику и нашим частям. Как только с командного пункта дивизии карманным фонарем подавали невидимый врагу сигнал, над островом взмывали ввысь три красные ракеты. Тотчас следовал десяти-пятнадцатиминутный огневой налет по огневым точкам и засеченным нашими артиллеристами блиндажам противника.

Сначала противник огрызался артиллерийским огнем. Но постепенно привык, убедившись, что красные ракеты не предвещают атаки и служат только сигналом для артиллеристов. Чтобы избежать потерь, вражеские солдаты по этому сигналу уходили в укрытие на время огневого налета. Показания очередного пленного подтвердили то, на что мы рассчитывали.

— Когда взлетают ваши ракеты,— заявил он,— мы уже усвоили, что русские откроют огонь на десять-пятнадцать минут. Артналет прекращается — и мы занимаем свои позиции.

Условный рефлекс действовал положительно. Осталось только использовать его.

В 4 часа 40 минут 21 декабря с острова Зайцевский подали тот же самый сигнал, но в данный момент он имел другое значение. По этому сигналу наша артиллерия открыла огонь по артиллерии, минометам и вероятным подходам из глубины резервов противника. А штурмовые группы без единого выстрела в быстром темпе атаковали боевые порядки противника. Уничтожая огневые точки и живую силу врага, продолжали продвигаться как можно дальше вперед.

Противник, привыкший за прошедшие ночи к артиллерийским налетам, после сигнала красных ракет ушел в укрытие и не ожидал наступления. Точный огонь наших артиллеристов вынудил гитлеровцев задержаться в укрытиях, и штурмовые группы приблизились к подвалам домов на Прибалтийской, Таймырской и других улицах. Немцы попытались контратаками восстановить положение, но было уже поздно.

Смело и искусно действовали штурмовые группы из батальона старшего лейтенанта А. А. Бербешкина. Им и предстояло захватить дом № 41 на Прибалтийской улице (на наших картах дома имели свою нумерацию) — самый крупный опорный пункт противника. Раньше в этом доме находился командный пункт 344-го полка, и Коноваленко знал, что с этого пункта оборона противника просматривается и простреливается до центральных ворот завода «Баррикады». Вот почему так важно было овладеть домом № 41. Бойцам из батальона Бербешкина это удалось. Гитлеровцы бросили против батальона значительные силы, окружили дом, но Коноваленко ввел в бой свой резерв, выручил окруженный батальон Бербешкина и продолжал наступление.

На главном направлении действовал полк майора Печенюка. По условному сигналу навстречу штурмовым

группам его полка наступали подразделения полка дивизии полковника Горишного. Если бы этим полкам удалось срезать вражеский клин у основания, сплошной фронт между двумя дивизиями был бы восстановлен.

Под острием вражеского клина, в нишах крутого прибрежного оврага, находились четыре связиста контрольной станции «Ролик». Они слышали приближавшуюся стрельбу и приготовились к бою. Но драться не пришлось. К «Ролику» прорвалась штурмовая группа лейтенанта Чулкова из полка Печенюка, а через некоторое время прорвались автоматчики из дивизии Горишного.

На фронте шириной в пятьсот метров наши полки за день упорных боев продвинулись в глубину на двести метров. Совсем немного для обычного театра военных действий, но на «Баррикадах» эти штурмом отвоеванные метры были особенно дороги. Мы не только лишили противника возможности держать под пулеметным огнем правый берег Волги и получили относительно безопасную коммуникацию с тылами дивизии, но и установили, наконец, локтевую связь с соседней дивизией, выполнив приказ командарма.

Нетрудно представить нашу радость, когда в трубке полевого телефона прозвучал голос сержанта Кузьминского:

— Говорит «Ролик», товарищ «Первый», связь с соседом восстановлена. Как меня слышите?

Сорок один день мы не имели локтевой связи с главными силами армии, сегодня мы ее отвоевали.

По армейскому проводу, восстановленному через «Ролик», позвонил Н .И. Крылов:

— Командование армии приглашает вас, Иван Ильич, в удобное время прибыть на командный пункт армии. Предварительно позвоните.

На следующий день, когда новые позиции были достаточно закреплены, я доложил командующему армией,

Нижний поселок завода «Баррикады» после боев.

что могу вечером прибыть на командный пункт армии.

Пошел берегом Волги. По пути заглянул к связистам «Ролика». Выдержав длительную осаду, они чувствовали себя бодро, каждый хотел мне рассказать, как они вели бой и какие трудности перенесли, но это уже было в прошлом. У них была только одна солдатская просьба — разрешить им по очереди сбегать на несколько часов на остров Зайцевский и попариться в бане. Я, конечно, разрешил и невольно подумал, что сам тоже не отказался бы от такого удовольствия. Но и комдиву без разрешения начальства нельзя покидать «Баррикады». У связистов дождался Титова с Тычинским, и мы вместе тронулись в путь.

Штаб армии располагался в блиндаже у самой Волги.

Около семидесяти дней мы не видели ни командарма, ни члена Военного совета, ни других начальников из штаба армии, командиров других дивизий, хотя воевали рядом. Такое на войне случается редко. Тем и понятней для нас трогательная встреча после долгих разлук. В блиндаже командарма мы увидели дорогих соратников, чьи боевые дела уже заслужили добрую славу в армии и народе. Кроме Чуйкова, Крылова, Гурова и начальника политотдела армии Васильева, в блиндаже были все командиры дивизий 62-й армии — Горишный, Соколов, Батюк, Гурьев, Родимцев.

Василий Иванович Чуйков пригласил нас к столу, и первую чарку мы выпили за доблестных воинов 138-й Краснознаменной стрелковой дивизии.

— Теперь рассказывай, как жил-воевал,— обратился ко мне Чуйков.

Меня окружили видавшие виды командиры. Их ничем не удивишь. Я только сказал, что 138-я била врага без передышки, а потому мы и не заметили, как в разлуке прошла осень и настала зима. Рассказа не получалось.

— Как это у них там все просто! — Василий Иванович с укоризной посмотрел на меня, но тут же его взгляд из-под густых бровей потеплел: — А чего тебе сейчас надобно, полковник? Есть у тебя к нам личная просьба?

— Есть! — поторопился я с ответом, вспомнив беседу с бойцами «Ролика».— Давно не был в тылах дивизии, надо побывать у артиллеристов, а заодно наведаться в баню. Имею я право хоть раз за три месяца по-настоящему помыться в бане? Чтобы с веником, с жаром...

Николай Иванович Крылов поддержал мою просьбу, сославшись на то, что подполковник Шуба заменит меня до вечера следующего дня.

После приема Военным советом армии с командного пункта я направился на левый берег Волги. Отменно помылся, крепко проспал всю ночь. Даже боль в желудке, донимавшая меня на «Баррикадах», на сей раз не-

много поутихла и особо не давала о себе знать. Хорошо отдохнув, утром направился к артиллеристам.

Пехотинцы на переднем крае не раз вспоминали добрым словом пушкарей и минометчиков. Теперь была возможность лично поблагодарить мастеров меткого огня. От батареи к батарее сопровождал меня командир артиллерийского полка майор Соколов. Перед выстроившимся расчетом одного из орудий он остановился, скомандовал:

— Федоровы, ко мне!

Не торопясь, но широким шагом к нам подошли два рослых артиллериста — молодой и уже в летах.

— Командир орудия сержант Федоров Петр явился по вашему приказанию! — доложил младший.

— Заряжающий — ефрейтор Федоров Василий! — представился старший.

Майор Соколов не без гордости пояснил:

— Отец и сын. Сын командует, отец подчиняется.

И тут, к досаде майора, получился конфуз. Старший Федоров обратился ко мне с просьбой перевести его в другой расчет. Косясь на сына, стал жаловаться:

— Служба службой, но уж больно суров сержант. Со всех один спрос, а с меня — вдвойне. Кому и втерпеж, а мне — никак.

Хотя я и сказал старшему солдату, что с таким вопросом он должен обратиться к командиру огневого взвода, однако, оставшись наедине с майором, посоветовал пойти навстречу заряжающему. Неудобно, видно, отцу подчиняться сыну...

Я снова встретился с артиллеристами Федоровыми, вручая им награды после боев в Сталинграде. Представляя награжденных, майор Соколов опять с гордостью докладывал:

— Отец и сын. Сын командует, отец подчиняется.

Старший Федоров виновато улыбнулся. Его, оказы-

вается, перевели в другой расчет, но там, по разумению бывалого солдата, и порядок оказался не тот и сноровка в стрельбе иная, непривычная. Помаялся Василий Федорович, покаялся перед командиром взвода и снова попросился в расчет к сыну.

Секретарь Баррикадского райкома партии Ф. П. Котов.

— А кто командовал в бою, за который награду получаете? — спросил я заряжающего.

— Сын командовал, сержант Федоров Петр.

— Значит, служить вам в одном расчете до самой победы. Тогда уж распрощаетесь с пушкой и вернетесь домой.

— Вот-вот! Дома я ему субординацию покажу! — пригрозил Федоров-старший, посмеявшись в гвардейский ус.

От артиллеристов я поехал в подразделения тыла и, как только стемнело, по льду Денежной Воложки вернулся на командный пункт дивизии.

С нами не порывало связь партийное руководство Баррикадского района, и когда части дивизии прорвали оборону противника и соединились с 95-й стрелковой дивизией, к нам пришел второй секретарь Баррикадского райкома ВКП(б) Федор Павлович Котов с группой ра-

бочих, которые очень желали оказать необходимую помощь нашим частям.

Голод царил в стане врага.

Кольцо окружения неумолимо сжимается. Послушный фюреру Паулюс не принял условий капитуляции, предложенных советским командованием. За это расплачивались теперь его солдаты. «6-я армия окружена. Вашей вины, солдаты, в этом нет». Начав так приказ войскам, Паулюс не назвал истинных виновников катастрофы, на которую обречена его армия, да и он сам. Заканчивался приказ воззванием: «Держитесь! Фюрер выручит вас!»

Об этом приказе мы узнали позже. Авантюра Гитлера и его генералов с деблокированием 6-й немецкой армии, их тщетные усилия снабжать окруженных боеприпасами и продовольствием по воздуху — все это тоже стало известно гораздо позже. Но под Калачом, где сомкнулось кольцо окружения, аукнулось, а над Волгой, на «Баррикадах» и на других участках гитлеровской армии откликнулось.

Плененный разведчиком Николаем Петуховым немецкий солдат пулеметной роты сообщил, что их командир капитан Ньютман отдал приказ без команды не стрелять и резко сократил норму патронов на каждый пулемет. Поступали к нам и другие сведения, наглядно показывающие, какое влияние на противника, ведущего боевые действия в заводском районе, оказывают сокрушительные удары советских армий по находившимся в сталинградском котле.

Александр Пономарев привел в штаб дивизии пленного, весь вид которого служил убедительной иллюстрацией к тезису «Гитлер капут». На ногах у гитлеровца было нечто напоминающее огромные валенки на деревянных подошвах. Из-за голенищ вылезали пучки соломы. На голове, поверх грязного ситцевого платка — дырявый шерстяной подшлемник. Поверх мундира — женская кацавейка, а из-под нее торчал кусок лошадиного мяса. Придерживая левой рукой «драгоценный трофей», пленный козырял каждому советскому солдату и звучно выкрикивал:

— Гитлер капут!

Сдавая «языка» майору Батулину, разведчик Пономарев смущенно пояснил:

— Не глядите, что такого дохлого приволок... Он фельдфебельское звание имеет. У них сам фюрер в фельдфебелях ходил, а у этого еще и фамилия какая-то мудреная.

Пленный охотно поведал то, что нам давно уже было известно. Никакой ценности его показания не представляли, и запомнился этот фельдфебель лишь потому, что был взят в плен при любопытных обстоятельствах.

За передним краем на ничейной полосе лежал лошадиный труп. Однажды ночью при свете пущенной кем-то ракеты наши бойцы увидели двух немецких солдат, которые бежали от мертвой лошади к своим траншеям. Гитлеровцы что-то волокли за собой. А утром стало ясно, чем занимались ночные «охотники»: они вырезали огромный кусок конины.

Разведчик Пономарев взял этот случай на заметку и устроил засаду у замерзшего конского трупа. Пономарев рассудил правильно. На следующую ночь он подкараулил двух гитлеровцев. Одного пришлось застрелить в схватке, а другого — это и был фельдфебель — удалось захватить.

Из полка по телефону доложили, что Пономарев повел фельдфебеля на командный пункт дивизии; однако миновал час, другой, а разведчик с «языком» все не появлялся. В тот раз Пономарев допустил самоуправство, в котором сам признался. Он не без основания полагал, что его поймут и простят.

Сопровождая пленного, Пономарев встретил знакомого бойца, знавшего немецкий. Разведчику очень хотелось определить, какую «фигуру» он захватил, и, главное, выяснить, как может нормальный человек жрать дохлятину. Фельдфебель рассказал о себе и своих голодающих товарищах, которых он уже потчевал падалью. Заметив, что наш разведчик брезгливо поморщился, немец попросил переводчика слово в слово записать такие слова: «Кто, попавши в котел, свою лошадь не жрал, тот солдатского горя не знал». Но эти слова вызвали у Пономарева не сочувствие к фельдфебелю, а злость.

— Я ему сейчас покажу настоящее горе людское. Ком, ком! — поманил он за собой пленного.

И повел наш разведчик пленного фельдфебеля не на командный пункт дивизии, а к разрушенным домам Нижнего поселка. Сначала показал ему подвал развороченного бомбой детского сада, где на полу валялись игрушки, потом подвал разрушенного школьного здания, затем свалку искореженных станков. Гитлеровец растерянно смотрел на советского солдата, не понимая, чего от него хотят. Это еще больше разозлило Пономарева. Он знал только две немецкие команды: «Хальт», «Хэндэ хох» и одно слово — «ком». А переводчика нет. И не объяснишь фельдфебелю, что матерей, которые приносили младенцев в тот детский сад, и ребятишек, что ходили в ту школу, немцы гнали впереди себя на минные поля, когда месяц назад шли в атаку на полк майора Гуняги. Не расскажешь фельдфебелю, как дорого человеку все то, что разрушил, осквернил враг. И все же Пономарев страстно желал доказать пленному его вину. Уже на пути в штаб разведчик круто свернул к берегу, ступил на лед и подошел к проруби.

— Ком, ком! — опять поманил он пленного и, когда тот с опаской приблизился, объявил: — Вот она, Волга!

Глянул фельдфебель на круг проруби и задрожал.

— Соображать начинаешь,— обрадовался Пономарев.— В этой воде ты хотел меня утопить. Буль-буль, Иван! Так тебе приказывал Гитлер?

— Гитлер капут! — истошно закричал фельдфебель.

Только теперь понял пленный, какая связь существует между развалинами, что показывал ему русский солдат, и прорубью, на краю которой они стояли. Страшась наказания, пленный рухнул на колени, возвел руки к небу (кусок конины, с которым он не расставался, глухо стукнул об лед). И тут фельдфебель заметил, что в глазах конвоира не ненависть, одно презрение.

— Зачем ты мне долдонишь «Гитлер капут?» — спрашивал Пономарев, забыв, что пленный его не понимает.— Нашел чем оправдываться! Разве можно, дурья твоя голова, одним Гитлером рассчитаться за все горе людское? Встань!

Я спросил Пономарева, зачем понадобилась ему эта затея.

— Мне, товарищ полковник, еще воевать. Всякое может случиться... А этот тип отвоевался. Из плена вернется домой...

— Нашел кому завидовать!

— Да разве в том дело? — с досадой возразил разведчик.— Вот он, гитлеровец, до Волги дошел, тут мы ему хвост прищемили, а послушать его, так самое большое лихо испытал тот, кому падаль пришлось жрать. Не согласен я с этим! Хочу, чтобы пленный на всю жизнь запомнил, что такое война. Чтобы детям и внукам своим внушил это!

* * *

Наши штурмовые группы продолжали наступление, и каждый дом Нижнего поселка, точнее, каждый его подвал брали с боем.

В подвалах последних зданий гитлеровцы сопротивлялись особенно яростно. Дальше отступать им было некуда: дальше плен или смерть в заснеженном поле. И все же сдавались немногие, и среди них были такие, для которых даже Сталинградская битва не послужила уроком. Выбравшись из подвалов, эти маньяки поднимали только одну руку, чтобы изречь «Хайль Гитлер».

В ночь на десятое января 1943 года мы передали свой участок пулеметно-артиллерийской бригаде и получили приказ сосредоточиться в районе завода «Красный Октябрь».

После одиннадцати недель непрерывных боев расстаемся с «Баррикадами», где каждая пядь земли полита кровью наших бойцов и командиров. Отстояв «Баррикады», мы готовимся к решительному удару по врагу.

Третья по счету немецкая дивизия, с которой мы ведем бой в Сталинграде, 71-я пехотная, входит в состав 11-го армейского корпуса 6-й армии Паулюса. Корпусом командует генерал Штреккер.

Мы наступаем с западной окраины завода «Красный Октябрь» в направлении улиц Центральная и Зарайская на высоту 107,5. За день продвинулись всего на сто пятьдесят метров. Но на этих метрах — минная полоса, прикрываемая огнем противника, большие здания. Гитлеровцы, засевшие в домах, не сдаются, и истреблять их приходится в ожесточенных кровопролитных схватках. На этих метрах мы потеряли ординарца Коноваленко Ивана Злыднева, двух связистов из знаменитого «Ролика», отважных командиров штурмовых групп лейтенантов Чулкова и Колосова.

Но во имя чего гибли немецкие солдаты?

В результате двух недель упорных боев, продвинувшись на полтора километра, мы вышли на рубеж Жмеринской и Угольной улиц. За это время противник потерял только на нашем участке около трех тысяч солдат

и офицеров. Потерял потому, что «верноподданный» фюрера, командир 11-го армейского корпуса Штреккер категорически приказал уже обреченным на плен солдатам сражаться «до последнего патрона».

В заключительной главе книги «Поход на Сталинград» Г. Дёрр пишет: «История до сих пор не предоставляла права ни одному полководцу жертвовать жизнью своих солдат, когда они уже не могут продолжать борьбу» *.

Но куда точнее высказался на сей счет Иоахим Видер, офицер-разведчик из 6-й армии Паулюса. В отличие от генерала Г. Дёрра, Видер пережил трагедию разгрома армии Паулюса и с последней группой офицеров сдался в плен на участке, обороняемом частями корпуса Штреккера. Признание Видера представляет несомненный интерес: «На заключительном этапе сражения от нас требовали уже не осознанного выполнения долга, а слепого повиновения бессмысленным приказам. Мы были лишь винтиками в бездушной человеческой машине милитаризма, извратившего и выхолостившего само понятие честь» **.

Прочитав подобное, диву даешься, как могут некоторые немецкие авторы (не говоря уж о Манштейне) сваливать всю вину за катастрофу, постигшую фашистскую армию у стен Сталинграда, только на Гитлера и его ближайшее окружение. Разве один Гитлер безумствовал в ставке, требуя, чтобы обреченная армия Паулюса сражалась «до последнего патрона», до последнего вздоха? И разве фельдмаршал Манштейн, которому подчинялся Паулюс, не поставил перед командующим 6-й армией совершенно определенную цель? «Ваша задача

* Г. Дёрр. Поход на Сталинград. Воениздат МО СССР, стр. 123.

** Иоахим Видер. Катастрофа на Волге. Изд. «Прогресс», М., 1965, стр. 205.

состоит в том, чтобы всемерно содействовать выполнению полученных вами приказов. За то, к чему это приведет, вы не несете никакой ответственности*.

Никакой ответственности перед своей совестью! Никакой ответственности перед немецким народом за десятки тысяч зря загубленных солдат! Это ли не одно из чудовищных преступлений фашистской военной верхушки, командовавшей окруженными у стен Сталинграда немецкими войсками!

...Советский разведчик Александр Пономарев, о котором я рассказал выше, сражался во имя торжества жизни. Он не случайно пытался растолковать пленному фельдфебелю, в чем состоит вина каждого немецкого солдата, вторгшегося на советскую землю.

Надо полагать, что фельдфебель извлек из сталинградской катастрофы куда более полезный урок, чем битый фельдмаршал Манштейн или погубивший свой корпус генерал-полковник Штреккер.

Возмездие свершилось...

В просторной землянке на командном пункте 62-й армии на широкой деревянной скамье сидят сдавшиеся в плен немецкие генералы — командир 4-го армейского корпуса генерал артиллерии Пфеффер, командир 51-го армейского корпуса генерал артиллерии фон Зейдлиц-Курцбах, командир 295-й пехотной дивизии генерал-майор Корфес, начальник штаба этой дивизии полковник Диссель, старшие офицеры...

Гляжу на них, будто сошедших со знакомой картины. Уж очень напоминают они тех французов, что плелись из Москвы по старой Смоленской дороге. Только на одном — наш добротный полушубок и валенки. Остальные очень смахивают на пономаревского «языка» — фельдфебеля.

---

* Иоахим Видер. Катастрофа на Волге, стр. 267.

— Что нас ждет? — спросил один из немецких генералов, заглядывая в глаза Василию Ивановичу Чуйкову.

Наш командарм объяснил, что пленных генералов отправят в тыл страны. Сказал, что они имеют право носить знаки различия и награды, а личное оружие обязаны сдать.

— Оружие у нас отняли. Разве только вот это? — говорит тот же пленный, вынимая из кармана перочинный ножик, и протягивает его Чуйкову.

— Оставьте его при себе, хотя бы... для нужд гигиены. Мы не боялись вас, когда вы наступали с сильным оружием. А уж это...

Пленных генералов уводят.

Генерала Штрекера среди них нет. Его части еще продолжают сопротивляться, и я спешу на свой командный пункт, в развалины заводского клуба «Красного Октября».

Подполковник Шуба докладывает:

— Немцы на нашем участке сдаются в плен мелкими группами. Основной очаг сопротивления переместился к Верхнему поселку завода «Баррикады».

С Верхнего поселка началось осеннее наступление противника на нашу дивизию. Неужели мы его окончательно доколотим здесь же, на «Баррикадах»?

Это предположение сбылось. 2 февраля в двенадцать часов, взаимодействуя с дивизиями В. А. Горишного и В. П. Соколова, мы нанесли последний удар по северной группировке гитлеровцев, сконцентрированной в Верхнем поселке «Баррикад».

Утром 2 февраля на командный пункт дивизии прибыли В. И. Чуйков, К. А. Гуров и начальник бронетанковых войск армии подполковник М. Г. Вайнруб. По всем признакам чувствовалось — день сегодня особый. Увидев командарма, я пожалел, что не надел новую форму (неделю назад получил звание генерал-майора).

И хотя на мне был полушубок с рукавицами на тесьме и шапка-ушанка, я не услышал замечания за нарушение формы одежды.

А стрелки часов между тем приближались к цифре 12. Расчеты орудий выкатили пушки для стрельбы прямой наводкой по противнику в Верхнем поселке «Баррикад».

На этот раз у одного орудия солдата-наводчика заменил сам командарм. Проверив показания приборов, он скомандовал «По супостату — огонь!» и произвел первый выстрел.

Дружно ударили все орудия и минометы. Но пехоте подниматься в атаку не пришлось. В разных местах Верхнего поселка замелькали белые флаги, прикрепив их к штыкам и стволам автоматов, гитлеровцы валом повалили в плен.

— Отбой, товарищ генерал! — обратился ко мне Чуйков.— И соседям передайте: всем отбой!

Командарм и член Военного совета поздравили нас с победой.

Пушки смолкли, взметнулись разноцветные ракеты, заглушая салюты автоматов и винтовок, загремело наше русское «ура!».

Сливаясь в одну огромную колонну, покорно брели мимо нас сдавшиеся в плен гитлеровцы.

Свершилось!

138-я Краснознаменная дивизия получила приказ перейти Волгу и расположиться в районе Верхней Ахтубы. Она заслужила отдых.

Вечером 7 февраля по радио был объявлен приказ № 56 народного комиссара обороны о преобразовании 138-й Краснознаменной стрелковой дивизии в 70-ю гвардейскую Краснознаменную стрелковую дивизию. За три дня до этого на площади Павших борцов в Сталинграде мы присутствовали на митинге победителей. Об этом

митинге знают все. А я расскажу о солдатских митингах в полках нашей дивизии и о том, как приняли солдаты весть о присвоении им почетного звания гвардейцев.

Кстати — о значках. И в связи с этим еще об одной затее небезызвестного разведчика Александра Пономарева.

Направляясь однажды ночью в штаб майора Гуняги и освещая дорогу скудным огоньком карманного фонарика, я заметил в нише траншеи мешочек. Ощупал его, раскрыл и, к своему удивлению, увидел гвардейские значки. Оказалось, мешочек принадлежал Пономареву. Уходя в разведку, он передал его на хранение своему другу, солдату Щеглову. Этот Щеглов и рассказал, как Пономарев нашел мешочек со значками в одном из разрушенных блиндажей и с тех пор бережет их пуще глаза. Кроме Щеглова, никто не знал о его тайне.

— Попадет мне теперь,— сокрушался Щеглов,— Пономарев, он мужик сердитый.

— А зачем ему значки? — спросил я Щеглова.

— У нас уже давно говорят, что мы гвардейцами будем. Тогда пригодятся. А наш Пономарев — парень смекалистый, знает, что к чему.

Я пообещал Щеглову сохранить солдатскую тайну и вскоре, признаться, забыл об этом случае.

А тут... Я уже собрался на митинг в полк Гуняги, когда адъютант Тоцкий доложил, что из этого полка явилась делегация в составе старшины и рядового. Просят принять. В тот день я впервые надел генеральскую форму и был готов к приему самой почетной делегации.

В комнату, чеканя шаг, вошли Пономарев и Щеглов.

— Товарищ гвардии генерал,— докладывает Пономарев.— От имени личного состава полка поздравляем вас с гвардейским званием и желаем доброго здоровья. Разрешите вручить... и протягивает солдатскую каску с гвардейскими значками.

Я был взволнован до глубины души. «Визитеры», смущенные моим видом, робко переглянулись. Пономарев виновато опустил голову:

— Есть и тут, конечно, самоуправство.—Он смело посмотрел на меня.— Но ведь вы знали, товарищ генерал. Вот и сбылось, что загадано!

Я сердечно поблагодарил солдат. Первый гвардейский значок прикрепил к гимнастерке старшины Пономарева, второй вручил рядовому Щеглову, а третий взял себе.

— Тоцкий, чарки на стол!

Мы чокнулись, выпили и крепко поцеловались.

В адрес дивизии непрерывно поступали поздравления. Новых гвардейцев приветствовали Военные советы двух армий, в состав которых мы входили: 64-й и 62-й. Радовались нашим успехам командиры и бойцы дивизий С. С. Гурьева, В. А. Горишного, Н. Ф. Батюка, А. И. Родимцева и В. П. Соколова.

Из-под Орла, с Брянского фронта прислал телеграмму мой друг и боевой соратник, чью дивизию мы сменили на «Баррикадах», Леонтий Николаевич Гуртьев.

Дивизия готовилась к парадному построению.

Бойцы отдохнули, всем было выдано теплое обмундирование, новое оружие. Высокую честь стоять на правом фланге заслужил 344-й стрелковый полк — Указом Президиума Верховного Совета СССР он награжден орденом Красного Знамени. Вспоминаем первый бой этого полка на «Баррикадах» и ослепшего в том бою полковника Реутского. Многих ветеранов уже нет среди нас, да и весь полк сведен в два малочисленных батальона во главе с замечательными командирами — капитанами Бербешкиным и Немковым.

— Смирно, равнение на середину!

Я иду навстречу Чуйкову, Гурову, Крылову. Докладываю:

— Семидесятая гвардейская Краснознаменная стрелковая дивизия для встречи Военного совета шестьдесят второй армии построена.

Гвардейцы дружно отвечают на приветствие командарма. Он оглядывает строй и тихо говорит:

— Иван Ильич, ты все части построил?

— Все, товарищ командующий!

— Маловато людей.

— Зато гвардейцы. И думаю скоро получить пополнение.

— А кто тебе его даст?

— Госпитали, мы об этом уже договорились, и думаю взять с собой некоторую часть раненых, для воспитания будущего пополнения.

— Кузьма Акимович, в этом деле их надо поддержать. Это дело стоящее,— сказал Чуйков Крылову.

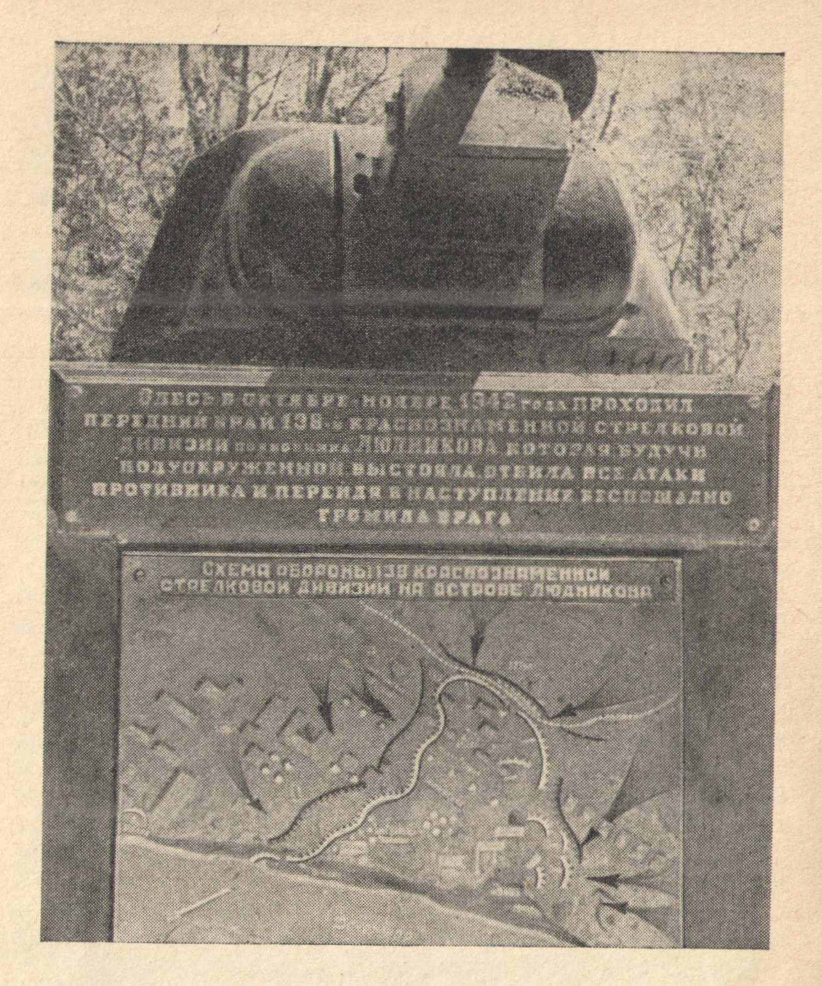
Праздник в тот день длился долго, и никто не слышал сигнала ко сну.

Проводив членов Военного совета, в начале второй половины ночи я возвращался в штаб по широкой улице Верхней Ахтубы. В окнах домов горел свет. Не сразу улеглось радостное волнение воинов—кто беседовал, кто писал письма родным. У здания штаба замер часовой, прислушиваясь к песне, доносившейся с окраины поселка. Я остановился рядом.

Вероятно, мы оба вспомнили, как темной осенней ночью плыла по Волге баржа, буксируемая катером. Впереди лежал город, содрогавшийся от взрывов. В реке отражались огни пожаров на высоком берегу сражающегося города.

На том клочке земли, который мы не отдали врагу, коллектив завода «Баррикады» поставил памятник. На мемориальной доске начертано:

«В ноябре—декабре 1942 года здесь проходил край обороны Краснознаменной 138-й стрелковой дивизии.

Пьедестал с танковой башней, обозначающий передний край обороны.

Дивизия под командованием полковника Людникова, будучи полуокруженной, героически защищала эту территорию, названную «Остров Людникова», отбила все атаки противника и участвовала в разгроме немецко-фашистских войск под Сталинградом».

* * *

16 октября 1942 года, переправившись через Волгу, мы вели первый бой за завод «Баррикады», за пядь родной земли, названную потом «Остров Людникова». А через двадцать пять лет, 15 октября 1967 года, на открытии памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев в своей речи сказал:

— Мы говорим «Дом Павлова» — и перед нашим мысленным взором возникают сотни домов, ставших настоящими крепостями, неприступными для фашистов.

Мы говорим «Остров Людникова» — и вспоминаем десятки других островков сталинградской земли, в самые критические дни удержанные мужеством наших солдат и офицеров.

Мужество и героизм советских воинов, сражавшихся в Сталинградской битве, принесли нашей стране победу, восхитившую мир *.

До окончательного разгрома фашизма было еще далеко. Предстояли жестокие бои.

Дивизия, отстоявшая этот «Остров», имела к концу войны длинное название. На ее гвардейском знамени — шесть боевых орденов. За стойкость и мужество, проявленные в Курской битве, дивизия удостоена высшей награды — одрена Ленина.

---

* Газета «Правда», 1967, 16 октября.

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Ильич Людников

ОГНЕННЫЙ ОСТРОВ

Редактор В. Е. Зайцев
Художник Б. К. Сивец
Худож. редактор С. Б. Миронова
Техн. редактор А. М. Земцов
Корректоры Н. Е. Матвеева, Н. Б. Ворович

НМ 10174. Сдано в набор 10/VIII-70 г. Подписано к печати 17/XII-70 г. Бумага тип. № 2. Формат 70×108 1/32. Печ. л. физ. 5,5. Печ. л. усл. 7,7. Уч.-изд. л. 7,43. Авт. л. 6,87. Тираж 35 000. Заказ 160. Цена 32 к.
Темплан 1971 г. № 2.

Нижне-Волжское книжное издательство. Волгоград, КИМ, 6.
Типография издательства «Волгоградская правда».
Волгоград, Привокзальная площадь.